

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ 1854—1855

<ИЗ № 3 ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1854>

Об отношении языка славянского к языкам родственным.
Исследование *А. Гильфердинга*. Москва. 1854. В 8-ю д. л. III, 126 и IV стр.

Когда явилось глубоко ученое творение равно великого филолога и историка славянского, *Шафарика*¹, «Славянские древности», с восторгом были встречены славянскими учеными его основные выводы, перед основательностью которых должны были замолкнуть возгласы отсталых западных ученых, что «славяне азиатцы, а не европейцы». Одно из главнейших положений *Шафарика*, доказанное сравнением славянского языка с родственными, было: славяне и по языку, как по всем другим стихиям народности, чистые европейцы; родство славянского языка с латинским, греческим, особенно с немецким, гораздо теснее, нежели родство его с азиатскими языками индоевропейского семейства. Славянские ученые гордились этим выводом, потому что он был доказан с редкою ученостью; они радовались ему, ибо в те времена (ужели минувшие?) думали, что теснейшее родство с образованнейшими народами земли почетно, отрадно для славян, точно так же, как, например, и для немцев почетно теснейшее родство с римлянами. Вывод *Шафарика* был тогда желанный вывод; но желанный вывод не был диктован *Шафарiku* предубеждением — нет; высказывая его в такой форме, признавая ближайшим родство славян именно с немцами, *Шафарик* побеждал свое чешское чувство антипатии к немцам, которые всеми силами старались — и наполовину успели — истребить чешскую народность. Вся книга *Шафарика* пропитана этою антипатиею; но умел он побеждать ее там, где того требовала истина. Честь и слава таким ученым!

Но книга *Шафарика* вышла еще в 1837 году. Времена переходчивы. Теперь являюся из среды самих славян люди, с торжеством утверждающие, что европейцами можно назвать персиян,

курдов, если хотите, зендов, но не славян; что славяне — истые азиатцы. Не будем спрашивать, зачем их неосмотрительное усердие хочет отнять у нас имя европейцев? Но попросим у них доказательств на их положения, противоречащие всему, что доселе считалось в науке истиною.

Доказательства потрудился собрать г. Гильфердинг в рассматриваемой нами книжке; и мы должны посмотреть, основательны ли они. Правда, мы уже имели случай рассматривать некоторые из них по случаю выхода в свет отдельным изданием его исследования «О родстве славянского языка с санскритским»²; но теперь он гораздо полнее и резче высказывает свои мнения и приводит доказательства, если не новые, то в новой, более строгой форме; и мы не можем оставить без внимания его новое исследование, потому что, располагая значительным запасом филологических сведений, он мог придать своим мнениям прекрасную ученую обстановку, которая может легко обольстить людей, незнакомых специально с выводами великих современных филологов о степенях родства между индоевропейскими языками и может ввести в заблуждение тем легче, что, с скромностью говоря о степени самостоятельности своих выводов, г. Гильфердинг прибавляет: «Это рассуждение, я надеюсь, представит, конечно, не глубокое и полное, но по крайней мере общее очертание науки о языках нашего индоевропейского племени и, может быть, послужит к тому, чтоб ознакомить с нею людей, благосклонных к филологии, но не имеющих ни времени, ни терпения прочесть ученые и полновесные книги по этой части». Из этих слов читатели, незнакомые специально с положением нашей науки, несомненно выведут заключение, что книжка г. Гильфердинга не более, как простая компиляция, в которой нет ничего, кроме вещей общеизвестных и общепринятых в науке. На самом же деле, в его исследовании так много оригинальности, что, мы опасаясь, мало останется простора простой, неоригинальной справедливости мнений. Рассмотрим же высказываемые г. Гильфердингом мнения, не осмеливаясь и не считая нужным высказывать в разборе своем никаких притязаний на оригинальность мнений, и ограничиваясь легкою ролью сличения положений и доказательств г. Гильфердинга с общеизвестными в науке фактами, чтоб видеть, потому ли приходит он к выводам, противоречащим всему общепринятому, что глубже своих противников исследывает факты, или только потому, что не хочет знать о фактах, разрушающих его мнения, «игнорирует» факты. Вот его основные положения:

Родство славянского с санскритским гораздо теснее, нежели с греческим, латинским, немецким; с другой стороны, не только новоперсидский, но и зендский гораздо далее уклонились от санскритского, нежели славянский. Поэтому славянский язык, обыкновенно причисляемый к европейской (западной) ветви индоевропейских языков, надобно причислить к азиатской (восточной), к которой, кроме его, принадлежит только санскритский, потому

что персидский язык, вопреки общепринятому мнению, принадлежит к западной, а не к восточной ветви. Это заключение основывается на том, что звуки всех индоевропейских языков, кроме славянского, далеко уклонились от санскритских звуков, а звуки славянского остались в необыкновенной близости, можно сказать, тождестве с санскритским.

Таким образом, г. Гильфердинг основывает свои заключения на рассмотрении одной только стороны языка — звуков его, не обращая внимания на другие, не менее важные: этимологию и корни. Уж по этой односторонности основания выводы его очень подозрительны. Правда, было время, когда предметы классифицировались не по соображению всех их существенных признаков, а по одному признаку. Так млекопитающих в старину делили на классы по зубам или по образу жизни, растения — по числу тычинок и пестиков, народы — на племена по лицевому углу или по цвету волос и кожи. Но такой метод признан давно недостаточным, неосновательным. Чтоб дать общепонятный пример его неверности, попробуем разделить европейские народы индоевропейского племени (белой расы) по цвету волос. Мы получаем: 1) семейство черноволосое: испанцы, итальянцы, южные французы, греки, *малоруссы*; 2) семейство русое: *немцы*, *северные французы*, поляки, великоруссы; 3) семейство рыжее: англичане. Что за уродливые группы! Малоруссы родня не великоруссам, а испанцам; немцы не родня англичанам, а родня половине французов и великоруссам; французы между собою не родня, а одни принадлежат к итальянцам, грекам или малоруссам, другие к немцам или великоруссам! Подобную путаницу придумать можно только во сне... И всегда мы придем к таким уродливым группам, если будем распределять по одному признаку. Известно, что, распределяя животных на классы по важнейшему, существеннейшему признаку — способу движения и образу жизни, причисляли кита (и, если б захотели, могли бы причислить выдру, бобра, гуся и утку) к рыбам, а летучих мышей — к птицам, куда можно было бы также причислить и белок, и летающих рыб, и половину насекомых. Потому-то подобный способ классификации давно уж признан годным только для забавы, и сочтено необходимым, при распределении предметов на классы, принимать в соображение все их важнейшие признаки, все их существенные стороны. Таким образом, и при классификации языков признано необходимостью принимать в соображение все существенные стороны языка, то есть 1) фонетику, 2) этимологию и 3) корни. Если б г. Гильфердинг поступил сообразно требованиям науки, конечно, он пришел бы совершенно не к той классификации, какую видим у него теперь, и, по всей вероятности, не опровергал бы, а признавал бы выводы великих подвижников на поприще беспристрастного языкоучения. По крайней мере склонения, чтоб не ходить далее, убедили бы его, что славянский язык далеко не так близок к санскритскому, как он думает теперь.

Но даже и при односторонней недостаточности своего основания классификации, едва ли бы г. Гильфердинг получил возможность образовать свои странные сочетания, по которым славянский ближе к санскритскому, нежели зендский (между тем как зендский почти не отдельный язык, а только наречие санскритского, к которому у него отношение такое же, как, например, у польского к русскому), если бы захотел беспристрастнее взглянуть на приводимые им доказательства необыкновенной, по его мнению, близости славянского к санскритскому и решительного различия этой пары от остальных родных. Так как мы говорим только о своем, то есть о славянах и славянском языке, то считаем излишним входить в рассмотрение мнений г. Гильфердинга о литовском языке, во-первых, потому, что почти все, что мы скажем о доказательствах принадлежности славянского к восточной, по мнению г. Гильфердинга, а не западной, как все думают, ветви, относится и к литовскому (доказательства одни и те же у г. Гильфердинга, и опровержения на них одни и те же); во-вторых, если б литовский язык, действительно необыкновенно близкий к славянскому, и был очень близкая родня санскритскому, из этого еще ничего почти не следовало бы относительно славянского: Иван может быть очень похож на Петра, Петр может быть родным братом Сидору, а Сидор все-таки может быть вовсе непохож на Ивана, на которого походит его брат. Малорусское наречие необыкновенно близко к польскому языку, великорусское наречие неразрывно связано с малорусским, а все-таки великорусский язык очень далек от польского, гораздо дальше, нежели от сербского, с которым у малорусского, так же как у великорусского, нет никакой непосредственной связи. Так и литовский может быть родным братом славянскому и быть чрезвычайно близок к санскритскому, а все-таки славянский останется к греческому, с которым нет ни у него, ни у литовского непосредственной связи, гораздо ближе, нежели к санскритскому. Испания граничит с Францией, а Франция с Англиею; но из этого не следует же, чтоб Англия была к Испании ближе, нежели Италия. Итак, посмотрим на доказательства необыкновенной будто бы близости славянского языка к санскритскому, не мешая в дело литовского.

Славянский язык (говорит г. Гильфердинг) не отличается от санскритского никакими органическими изменениями звуков при переходе их из санскритского в славянский, а все другие индоевропейские языки отличаются. Органическими изменениями звуков называет он правильный, постоянный переход одних звуков одного языка в другие звуки на другом языке. Так, например, русское *ы* правильно в сербском заменяется *и*, а *л* заменяется *о*: *мы*, *вы*, по-сербски будет *ми*, *ви*; *дал*, *звал* — *дао*, *звао*; *был* — *био*, и т. д. Это органические изменения: но *черный* по-сербски *църни*, между тем как *чело* — *чело*, *человек* — *човек* и т. д. Замена русского *ч* сербским *ц* случайное, неорганическое. Но если бы органических изменений при переводе слов из санскритского

в славянский не было, как утверждает г. Гильфердинг, это свидетельствовало бы о необыкновенной перепутанности, искажении славянских звуков, достигшей до того, что их нельзя и сравнивать с санскритским, а вовсе не об особенной близости. Так, сравнивая немецкий с английским, иногда трудно подвести под правила переходы звуков: *binden* — *bend*, *a sitzen* — *sit*; в одном слове немецкое *i* уцелело, в другом перешло в *e*; это оттого, что английский язык довольно ломаный; а если бы, сравнивая его с немецким, вовсе нельзя было найти в нем органических переходов, это значило бы, что он уже совершенно изломан. Итак, нам кажется, что если бы факт, приводимый г. Гильфердингом, был справедлив, он доказывал бы не близость к санскритскому, а изломанность славянского языка, потому что, нет сомнения, санскритские звуки изменяются в славянском, хотя г. Гильфердинг и готов утверждать противное: ведь не по-санскритски же, наконец, мы говорим? Различествующих звуков гораздо более в славянском и санскритском, нежели тождественных; и если нет правильных изменений, тем хуже для доказывающих близость, потому что тем более неправильных. Но, по счастью, для славян-филологов, славянский язык вовсе не ломаный, и органические переходы санскритских звуков отыскать в нем очень легко, даже в большем числе, нежели, например, в латинском или греческом.

В самом деле, говоря об органических изменениях в латинском языке, г. Гильфердинг указывает только два: 1) латинское *f* не в точности соответствует подобному санскритскому звуку — но все же сколько-нибудь соответствует; а у нас нет решительно ничего ему соответствующего, и он переходит в *b*: *frater* все-таки ближе к *bhratr*, нежели брат; 2) в латинском уничтожаются придыхательные звуки — и у нас тоже: где у нас *ph*, *th*? уцелело одно *ch* (*x*), как в латинском одно *f*, которое, что *b* ни утверждал г. Гильфердинг о различии его от греческого *ph*, все-таки придыхательный звук. Было бы излишне продолжать рассматривать таким же образом органические изменения, находимые г. Гильфердингом в греческом; но равносильные им также нашлись бы в славянском. (В греческом, например, ставится придыхание над начальным *у*: это кажется г. Гильфердингу очень важным; а у нас копируются все согласные чистые в середине слов, и почти все в начале — этого он не хочет замечать.) Найдутся и другие постоянные заменения санскритских звуков славянскими: неужели же, в самом деле, звуки *з*, *ж*, *х*, *ш*, *ц* существуют в санскритском в том же виде и на тех же местах, в тех же корнях, как в славянском? или они являются в славянском неправильно? Так готов сказать г. Гильфердинг. Но дело объясняется иначе: в славянском языке переходов санскритских согласных звуков больше, нежели в латинском или греческом, не менее, нежели в немецком; и чтоб подвести их под общие правила, надобно явиться славянскому Гримму, чего нельзя сделать, доказывая, что изменений нет, или что они «неорганические», то есть неправильные. Но вот есть и

другие объясненные, подведенные под правила изменения звуков: первобытное краткое *y* переходит в славянском в *ъ*, краткое *i* — в *ь*; неужели и это неорганические переходы? Но г. Гильфердинг говорит, что этих переходов очень мало без буквы *p*, о которой речь впереди, и что не стоит обращать внимания на такую мелочь; всем филологам, кроме его, кажется, что *ъ* и *ь* не при *p* являются чрезвычайно часто и составляют одну из отличительных черт славянского языка. Просмотрев какой-нибудь церковно-славянский словарь, всякий убедится в этом. Можно было еще отыскать органические изменения звуков в славянском языке, но довольно и этого, уже давно готового в десятках книг списка, чтобы убедиться в истине; разве в одном немецком языке первобытные (и то едва ли) звуки так сильно изменились, как в славянском. Неужели мы будем отвергать все факты или доказывать, что это не правильные, а случайные изменения?

Но, говорит г. Гильфердинг, мало того, что первобытные звуки уцелели только в санскритском и славянском (прекрасно уцелели в славянском, у которого азбука такая, какой нет нигде); славянский и санскритский связаны общими звуковыми законами, которых нет в других языках. Справедливость этого мы уж рассматривали в разборе его первого исследования («Отеч. записки» 1853, № 6)³ и поэтому повторим кратко, что в этих мнимых «общих звуковых законах» нет никакого соответствия; г. Гильфердинг замечает только внешнее сходство, какое всегда можно найти между всем на свете, и не хочет замечать существенного различия. Если ему угодно видеть пример, до чего можно дойти (если захочешь), основываясь на случайном сходстве «звуковых законов», мы готовы привести также пять или шесть «звуковых законов», общих татарскому, китайскому, новозеландскому или, какому угодно другому, с одной стороны и, например, немецкому, или, если угодно, славянскому, с другой. Берем, например, татарский и английский; общие звуковые законы: 1) влияние одной гласной на другую в другом слоге (*umlaut*); 2) развитие придыхания *w*; 3) неопределенный, колеблющийся выговор гласных; 4, 5... но вы видите, что таким образом можно найти не пять или шесть, а пятьсот, если угодно, точек сходства. Берем русский и татарский; общие звуковые законы: 1) различение мягких и твердых согласных; 2) звук *ы*; 3) звук *ч*; 4) любовь к беглым гласным и т. д., и т. д. Все это детские игрушки, над придумыванием которых не надобно долго и ломать головы. А если б захотеть, то можно бы очень учено (только в противность правилам науки) толковать о ближайшем родстве славянского с татарским, или английского с татарским, или итальянского с тунгузским. Такие попытки только компрометируют науку в глазах неспециалистов, которые, не будучи в состоянии заметить, соблюдены ли ученым требования науки, замечают только, что выводы, представляемые ученым, противоречат и географии, и истории, и физиологии. Нет, пусть г. Гильфердинг рассматривает происхождение и смысл

того, что представляется ему сходным по наружности — и он увидит, что нет существенной связи, а есть существенное различие между этим сходным. И пусть он сравнит языки со всех сторон, а не по одной фонетике — и тогда его выводы будут прочнее.

Но, сравнивая, например, корни, пусть он осмотрительнее отыскивает истинные корни слов, а не причисляет к корню первые попавшиеся под перо звуки; пусть он обращает внимание на происхождение слов: иначе он будет видеть санскритского варда в татарском кавардак (корень кав, ближайший корень кавар), санскр<итский> кард в татарском калдуг (корень кал), корень калд — в калдыхашь, где д вставное, а а выгов<аривается> вместо о, и настоящий корень кол (ыхать, кол-ебать), не имеющий ничего общего с санскр<итским> khôd или khôt, корень кам — в слове камкать, очевидно, происходящем от ком-кать и т. д. Подобное сравнение было позволительно пятьдесят лет назад, а не теперь.

Но напрасно потеряны для науки будут все труды ученого, если он будет свои симпатии и антипатии ставить выше беспристрастной истины, не туда будет итти, куда ведут факты, а обходя требования строгой науки, немногие поддающиеся всякому истолкованию по своей неопределенности факты, тащить туда, куда ему хочется прийти. Фантазия и пристрастие неуместны в науке.

<ИЗ № 4 ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1855>

Ученые записки Второго отделения императорской Академии наук. Книга 1. Санкт-Петербург. 1854¹.

В числе прекрасных ученых изданий, появлением которых открылось начало нынешнего года, «Записки Второго отделения Академии наук» занимают, без сомнения, одно из первых мест. Ученая деятельность Второго отделения в последние годы приняла особенно обширные размеры. Плодом ее были изданные в короткое время «Опыт областного словаря», «Опыт общесравнительной грамматики», «Памятники и образцы народного языка и словесности», «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря русского языка и других славянских наречий», «Исторические чтения о языке и словесности»². Наконец «Известия» Отделения, постоянно следившие за занятиями членов его и сотрудников, оказались уже недостаточными для издания всех замечательных трудов, поступавших в Отделение. Это подало мысль о другом повременном издании — «Ученых записках», в которых могли бы найти себе место более обширные сочинения, с большим разнообразием содержания. Вышла теперь первая книга этих «Ученых записок».

Не ограничивая пределов этого издания ни в отношении к объему, ни в отношении к содержанию печатаемых трудов, главною целью Отделение положило: «иметь в виду пользу русских

образованных читателей и достоинство изложения», хотя основным предметом ученых исследований остается история языка и словесности. Состав издания так объясняется редактором «Ученых записок», академиком И. И. Срезневским³.

«Вследствие решения Отделения редактор «Ученых записок», по указанию сочленов, приступил к приготовлению и печатанию трудов. Он разделил их вообще на два отдела: один из них предназначен для рассуждений, исследований и исторических очерков, а другой для памятников языка и словесности, их чтений и объяснений. Мнение каждого из участвующих своим трудом в «Ученых записках» остается уважаемым, насколько это не противно достоинству издания, так что каждый сочинитель остается ответчиком своего мнения; редактору вменено в обязанность только совещаться с сотрудниками в случае нужды и вообще следить неусыпно за достоинством издания. Независимо от этих двух главных отделов, нельзя было не желать и еще отдела вводного, в котором бы сводились в менее или более значительные очерки факты деятельности Отделения, его членов и сотрудников. Мало еще прошло времени с тех пор, как Отделение образовано, но деятельность членов его, бывших и новых, большею частью напоминает о большом числе и лет и трудов, и каждый год увеличивается новыми их вкладами, из которых многие или печатаются не в изданиях Отделения, или и совсем не печатаются. Притом же и самое развитие деятельности Отделения, придавая занимательность месячным перечням его заседаний, печатаемым в «Известиях», представляет еще более утешительных и занимательных выводов, когда представляется в общих отчетах. Все эти данные с подробностями биографическими, как материалы не только для истории Отделения, но и для общей истории русской литературы, имеют право на свое место в «Ученых записках» Отделения, в «Летописях» Отделения. Нельзя не надеяться, что со временем эти «Летописи» будут важным указателем для того, кто захочет следить за успехами современной литературы; потому что Отделение, обращая внимание на всякое дарование, на всякую заслугу на этом поприще, старается, исполняя свое предназначение, быть средоточием всей филологической деятельности славяно-русской, и, уважая кого как действительного члена своего, кого как члена-корреспондента, желает воздать должное и всякому лицу, ему помогающему своими трудами» (LXVII).

Положив издавать при летописях Отделения портреты членов Академии, Отделение начало ряд их портретом графа С. С. Уварова, президента и почетного члена Академии⁴.

В «Летописях» Отделения помещены: 1) *Российская Академия*⁵ и *Второе Отделение Академии наук*, ординарного академика И. И. Давыдова, 2) *Отчет императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1853 год*, читанный ординарным академиком П. А. Плетневым⁶, и 3) *Объяснение редактора о первой книге «Ученых записок»*.

Статья академика И. И. Давыдова представляет краткое обозрение истории Отделения, служащее началом и введением к нынешним его трудам. Из этого короткого, но прекрасно составленного очерка видно, как и прежде был обширен круг действия Российской Академии и сколько принесла она пользы изучению русского языка или собственными своими занятиями, или изданием замечательных трудов других ученых. В первую эпоху своего существования (с 1783 года) Российская Академия издала обширный словопроизводный словарь, который хотя и не удовлетворяет требованиям науки, но во всяком случае представляет необыкновенное явление, потому что составители должны были сами преодолеть все трудности такого предприятия, при совершенном недостатке предварительных работ и пособий. Чем дальше, тем более разнообразны становились занятия Академии; не ограничиваясь собственными усилиями, она старалась поддерживать труды посторонних ученых, в которых видела истинную пользу для русской науки. Таким характером отличается весь дальнейший период ее истории, до времени ее преобразования (в 1841 году) во Второе отделение Академии наук. Ей обязаны своим появлением «Сочинения и переводы» президента ее, А. С. Шишкова, играющего важную роль в ее истории; «Грамматика» и «Описание Румянцевского музеума» А. Х. Востокова; «Ключ к «Истории государства российского» г. Строева; «Оборона нестеровой летописи от навета скептиков» г. Буткова; «Книга большому чертежу» Языкова⁷ и проч. Академия издавала словари, грамматички, переводы древних классиков и замечательных новейших сочинений, награждала медалями и денежными подарками достойные сочинения русских писателей и ученых. Последнюю, нынешнюю, эпоху истории Отделения автор представляет в виде библиографии его изданий. Все эти издания более или менее известны образованным читателям.

Во втором отделе «Ученых записок» находятся: 1) *Историко-статистический очерк народной образованности в России до конца XVIII века*, К. И. Арсеньева; 2) *Исследования об Атлантиде*, орд. акад. А. С. Норова⁸, о которых мы сказали уж в особенной статье, по поводу издания «Путешествий» ученого автора⁹; 3) *Осада и взятие Византии*, М. Стасюлевича¹⁰, статья, изданная отдельно книгою и рассмотренная нами в прошлом месяце¹¹; 4) *О языкознании в древней России*, М. Сухомлинова¹².

Очерк г. Арсеньева рассматривает историю народного образования с одной частной точки зрения, излагая меры правительства, имевшие целью распространение образованности, преимущественно со времен Петра Великого; поэтому главными, даже единственными источниками послужили автору официальные данные. Несмотря на всю свою сжатость, очерк представляет много любопытного, хотя автор и не мог воспользоваться теми подробностями, которые мог доставить этот обширный предмет. Очень любопытны, например, статистические цифры, определяющие

число учащихся и учащихся со время действий комиссии об учреждении народных училищ. Первым ее делом было образование учительской гимназии и других школ в Петербургской губернии, и в течение четырех первых лет по основании комиссии уже заметны значительные успехи этих заведений. В 1782 году в Петербургской губернии было только восемь училищ и 518 учащихся обоего пола; в 1785 году училищ было двенадцать и число учеников 1491. Когда комиссия, по издании устава народных училищ, распространила свои действия и на все части империи, прогрессия стала с каждым годом увеличиваться очень большими цифрами. Приводим некоторые из них:

В ведении комиссии в 1786 году было только 40 училищ с 4 398 учениками:

в 1789 году	225	училищ	и	14 389	учеников
» 1792	»	302	»	»	17 500
» 1796	»	316	»	»	17 341
» 1800	»	315	»	»	19 915

так что в 1800 году число заведений было почти в восемь раз больше против 1786 года, число учащихся почти в пять раз; но вместе с тем уменьшилась пропорция числа училищ и учителей к числу учеников, что, по словам г. Арсеньева, «доказывает, что попечительность правительства о благе народа и заботливость его о просвещении подданных были несравненно сильнее расположения последних к учению и охоты к образованию». Вместе с тем образование женского пола и поселян было почти совершенно пренебрежено: сельские училища устраивались частным образом, но только в немногих местах. Учреждение их принадлежит уже нашему столетию. Несмотря, впрочем, на это сильное развитие учебных заведений в царствование императрицы Екатерины II, результаты его оставляли еще многого желать: в 1790 году отношение числа учащихся (16 525) к общей массе народонаселения (26 000 000) было только как 1 : 1 573 — пропорция очень незначительная.

Обширное исследование г. Сухомлинова поднимает чрезвычайно любопытный вопрос в истории древней нашей словесности и народного образования. Вопрос о языкознании очень важен по многим отношениям и может быть разбираем с разных точек зрения. Поэтому прежде, нежели выскажем свое мнение о выводах автора, приводим слова его, определяющие взгляд его на предмет:

«...Какого бы рода и значения ни были первые начала филологических трудов в России (автор говорит об азбуковниках), во всяком случае возможен вопрос о связи, в которой они находились с современным им состоянием языкознания. Практика всегда в связи с теорией, и материал, накопленный посредством знакомства с иностранными языками и изучения языка отечественного, мог иметь некоторое влияние на характер первых филологических опытов. Вот одна из причин, побудивших нас представить обо-

зрение круга языкознания в древней России. Другая же и главнейшая причина нашего выбора заключается в том, что состояние языкознания у народа служит одним из выражений его образованности, и поэтому входит, как черта, в историю внутреннего быта народа. Исследование круга и характера языкознания может познакомить и с политическим бытом народа и с направлением его образованности. Знание языков приобретается двумя путями: практическим, от навыка, посредством сношений с иностранными народами, или теоретическим, изучением языка с известною целью. В первом случае факты языкознания суть вместе с тем и факты сношений с иностранцами, материал для политической истории народа; во втором они определяют нравственные интересы народа, особенности его умственной жизни. Язык принимает в себя живые следы народной образованности. Самый выбор известного языка, как орудия образованности, указывает уже на ее характер» (стр. 185).

Таким образом, автор языкознанием не означает филологических занятий языком, попытки которых явились уже давно, начиная с Иоанна, экзарха болгарского, и монаха Храбра до Зизания и Смотрицкого¹³, и разбирает только, какие из иностранных языков были известны нашим предкам. Подробное исследование этого предмета может принести много фактов, которыми объяснилось бы, какие чуждые национальности стояли всего ближе к нашим предкам и до какой степени имели на них влияние. Таким образом, вопрос этот, necessarily относящийся к языкознанию, мог бы доставить некоторые данные и для того, чтоб объяснить самое развитие русского национального характера. С другой стороны, более или менее тесные связи с окрестными народами и знание их языков должны были иметь влияние и на литературную деятельность: здесь вопрос становится в самую тесную связь с историей литературы, и исследование языкознания непременно получает отношение к переводным памятникам словесности, которых так много в древнем нашем периоде. Затем уже на третьем плане стоит, по нашему мнению, вопрос о практическом знании иностранных языков, которым наши предки могли руководствоваться в своих сношениях с другими народами. Средства для определения всех этих обстоятельств одни и те же, то есть изучение фактических свидетельств о языкознании и изучение переводной литературы. Нетрудно решить с первого взгляда, что последнее отношение языкознания к истории образованности имеет гораздо менее важности, нежели два остальные, особенно, если это практическое знание языка ограничивается или одною только местностью, или немногими отдельными лицами. Оно не может в этом случае быть заметным явлением в политическом быту народа, потому что, как частность, исчезает в общем и не приносит ему никакого результата. Поэтому мы придаем очень мало значения свидетельствам летописи о том, что между русскими находились знатоки языка их ближайших соседей, каковы были половцы, пе-

ченеги, татары, с другой стороны финны и т. д. Это было очень естественное явление и повторялось всегда и везде. Разноязычные, но близкие соседи постоянно перенимают друг у друга свой язык, но только под условием соседства, так что дальше внутри той или другой страны эти знания становятся реже и реже. Подобные примеры можно и теперь найти во множестве в некоторых губерниях смешанного народонаселения, где русские выучиваются по-татарски, по-зырянски, по-чувашски и т. д. Большая противоположность языков произвела у нас даже очень любопытное явление в Кяхте, где китайцы, сколько могут, стараются говорить порусски и сами русские употребляют испорченный китайцами язык, чтоб сделать для них понятною эту макароническую смесь. Все это факты мелкие, уединенные, которые не говорят ни за, ни против языкознания народного. Если в одном краю знали такие языки, то в другом они были совершенно неизвестны.

Подобное знакомство с языками иностранцев-соседей было и в древней Руси. «Сносясь со многими народами, близкими и отдаленными (говорит автор), русские, по всей вероятности, были знакомы с иностранными языками более, нежели другие европейцы» (стр. 258). Правда, может быть, потому, что соседство русских было гораздо разнообразнее. Но для нас в этом выводе важно не количество языков, которое само по себе не имеет никакого значения (как знаменитейшие знатоки языков, вроде Меццофанти¹⁴, не бывают никогда знаменитыми учеными и только считаются на ряду с другими редкими феноменами), а качество самого знания, насколько оно было важно для развития народной образованности. Прилагая к своим выводам такую точку зрения, автор, конечно, согласится, что характер их значительно изменяется. Действительно, чтоб практическое знание языка не пропадало даром и не приносило только самой обыденной пользы, нужно, чтоб чужой народ, которому язык принадлежит, был в состоянии, по качествам своей политической и умственной жизни, иметь влияние существенно важное и полезное; иначе высшая цель языкознания нисколько не достигнута. Но, за исключением Византии, этого условия всего чаще недоставало в сношениях наших предков с их соседями: на севере, востоке и юго-востоке, они окружены были народами, стоявшими ниже русских по образованию. Автор, может быть, ожидая таких мнений, говорит, что и «простое знакомство с иностранными языками не почитается современными учеными за факт совершенно ничтожный в умственной жизни народа». Быть может, в легкости усвоения чужих языков выражалось именно многостороннее, восприимчивое качество русского ума; но во всяком случае упомянутый нами факт, лишенный положительного или отрицательного значения, не имеет большой цены.

На этом основании всего более заслуживает внимания связь языкознания с переводной литературой, потому что в сущности знание чужих языков делается заметным двигателем в народном

образовании только тогда, когда может посредством переводов сообщить народу произведения других литератур. К сожалению, автор почти вовсе не обратил внимания на эту сторону предмета; а, дав ей место в раме своего исследования, он необходимо представил бы предмет в ином свете. Действительно, если мы узнаем, что в XVI или XVII столетии толмач * Посольского приказа мог достаточно объясняться на немецком, итальянском или испанском языке, то какой смысл можем придать этому факту и какие извлечь из него данные? Сам по себе этот факт почти безразличный, то есть не подтверждающий и не отрицающий ничего, и не имеющий и права на это; но если мы вспомним, что наша старинная литература очень небогата переводами, например, с немецкого, и вовсе не имеет переводов с испанского, итальянского, французского, английского и т. д. — значит, знание этих языков, если оно и встречается в старину, имело важность только в очень ограниченном кругу и потому не оставило следов в литературе и в общем сознании народа. В большей части случаев последнего нельзя было и ожидать, потому что знание некоторых языков приобреталось только с целью служить для дипломатических сношений; а чтоб действовать в качестве переводчика в литературе, нужны были и тогда особенные условия. Притом, перечитывая внимательно статейные списки наших послов, отправлявшихся в разные страны Запада, мы очень часто находим примеры затруднений в дипломатических переговорах, затруднений, происходивших именно от недостаточного знакомства толмачей с иностранными языками. Если таким образом и специалисты не всегда удовлетворяли своему назначению, что же должно заключать о других, у кого знание языков вовсе не было обязательным? Нельзя опустить и того многозначительного обстоятельства, что нашими послами и толмачами нередко были греки и другие иностранцы, и свидетельства Олеария, которое гораздо ближе к истине, чем думает автор. Курбский не может служить примером, потому что научился языкам, уже выехавши из отечества¹⁵. Подобные этим выводы можно делать и о более ранней эпохе. Например, переводы ханских ярлыков, переводы буквальные, слепо идущие за подлинником, неужели доказывают полное знание татарского языка или по крайней мере умение передать его выражения порусски?

При обозрении переводной литературы, которое могло навести на верную постановку вопроса, важное место занимает исследование азбуковников, с одной стороны, уже прекрасно объясненных г. Буслаевым. В этих старинных опытах объяснительного словаря конверсационно-лексикона заключено много еще нетронутых материалов и между прочим много данных для вопроса о языкознании¹⁶. Дав более места разбору их, автор, кажется, не повредил бы целостности своего труда и не отдалился бы от предмета:

* Переводчик. — *Ред.*

азбучовники, это — *résumé* всего, что читалось нашими предками; их извлечения и выписки не ограничивались только некоторыми произведениями, а, напротив, они выбирали свой состав из самых разнородных источников. Из них видно, какие слова иностранных языков входили в нашу литературу, какими путями совершался их переход и какие языки были известны дома нашим предкам. Мы увидели бы, что таких путей было не так много, и это было бы справедливое определение предмета.

В числе их в древнем периоде значительную роль играли славянские литературы, болгарская и сербская, позже, в XVI и в XVII столетиях, польская; отчасти была известна и чешская. Влияние первых двух очень ясно доказывается множеством сербских и болгарских рукописей, которые были в ходу на Руси, и множеством русских произведений, которые стали русскими через постоянное переделывание языка сербского или болгарского подлинника. В своем первоначальном виде рукописи сербской и болгарской редакции могли быть понятны вполне только тому, кто близко был знаком с этими наречиями, и только впоследствии они настолько потеряли свои прежние черты, что стали доступны всякому. Это знакомство с болгарскими и сербскими памятниками, распространенное гораздо более, чем обыкновенно думают, очень замечательный факт в языкознании наших предков. Автор не касается его в своем исследовании, точно так же, как не говорит о значении польского языка в конце древнего периода. Между тем польский язык в то время играл чрезвычайно важную роль: стоит слегка пересмотреть памятники нашей переводной литературы, чтоб убедиться в этом. По мнению автора, общее употребление латинского языка в школах того времени «доказывает близкую связь нашу с европейским западом еще в течение XVII века. Преобладание латинского языка, обнаружившееся в русских училищах, есть общая черта европейской образованности того времени» (стр. 234). «Такая страсть к латинскому языку всего вернее объясняется сочувствием предков наших к западно-европейской образованности» (стр. 238). Напротив, если мы сообразим время и местность этого явления, то увидим, что факт объясняется гораздо проще, что единственным основанием его было влияние польского устройства училищ: в Киеве оно было тогда всего естественнее и возможнее. Заметим, что в Москве, во время основания Киевской академии, не было ничего подобного, и, следовательно, распространение латинского языка произошло там только вследствие этого условия: московские училища подверглись тогда влиянию киевского устройства. Польские ученые постоянно считают Могилянскую академию XVII столетия не русским, а польским училищем, и, конечно, имеют на это некоторые права¹⁷. Выписки, приводимые автором (стр. 238), ясно обнаруживают два главных элемента — языки латинский и польский, которые были господствующими в этом заведении. В Москве стремление к изучению латинского языка объясняется не тесной

связью с западною образованностью, а ближайшим влиянием Киевской академии, и только Киевской академии.

Определяя факты языкознания, автор всего более опирается на очевидных исторических свидетельствах и совершенно справедливо думает, что исследование может обойтись и без излишнего накопления фактических сведений, потому что действительно многие обстоятельства становятся достаточно ясны и из двух резких и характеристических примеров. Нам кажется, однако, что автор взял только одну сторону данных, не принимая тех столько же несомненных доказательств, которые приобретаются аналогией. Таковы, по нашему мнению, недостаточные упоминания о литературе переводов. «По убеждению предков наших (говорит он), язык есть высший дар человека, возвышающий его над «бессловесными», как издревле назывались у нас животные неразумные в отличие от человека, существа мыслящего и говорящего». Мысль эта справедлива, но нуждается в доказательствах, взятых из чисто русских источников; как же подкреплять ее вместе и чужими, греческими, памятниками, «Пчелой»¹⁸ и др. (стр. 178—179)? Не останавливаясь на некоторых подобных недосмотрах, обратимся к мнению автора о значении русского языка в старину, как органа литературы. Он верно замечает, что прежде ученые наши слишком ограничивали область русского языка, считая все вообще древние памятники писанными на церковно-славянском. Русский язык один и тот же и в памятниках юридических, грамотах, и в «Русской правде», и в летописи, но в каждом из этих отделов видоизменяется по характеру содержания, требовавшего того или другого склада, тона и особенностей речи. При всем том нельзя сказать, чтоб литературный язык всегда был общедоступным и чтоб «этот общедоступный язык оставался неизменным орудием и выражением образованности» (стр. 259). Во всяком случае, в древней русской литературе обращалось очень большое число сочинений, переведенных с греческого и переведенных часто буквально и притом не русскими переводчиками; нельзя отвергать и того, что русские писатели, особенно в последнее время, нередко гонялись за фразой из подражательности и писали языком темным и далеко не общедоступным; наконец эту же недоступностью для всех обыкновенного литературного языка вызвана была и потребность в «азбуковниках» и «алфавитах неудобопознаваемых речей», обширное распространение которых в рукописях несомненно доказывает, что они действительно нужны были для читателей. В подтверждение первого положения можно указать на очень многие переводы, которые и теперь можно иногда разобрать только при помощи особенных занятий и сравнений с подлинником; таковы, например, отрывки одного писателя в славянском переводе XI столетия, напечатанные в «Известиях» 1854 года¹⁹. В пример второго указываем на «Записки» Матвеева, в которых желание писать высокопарным слогом осталось именно от литературных манер XVII века²⁰. Народность выраже-

ния, конечно, много теряла при этом; и решительно называть старым литературным языком русский, подразумевая общедоступный, то есть обыкновенный, разговорный — нельзя, если не сделать при таком определении известных ограничений.

Таковы наши понятия о предмете исследований г. Сухомлинова. Мы не всегда сходились во мнениях с автором, но такого разноречия естественно было бы ожидать при первом разрешении вопроса. Прекрасная статья г. Сухомлинова, обставленная старательно собранными подробностями, представив одну сторону фактов, много поможет будущему исследователю повести вопрос дальше и дать ему окончательное решение. Предмет очень обширен и очень важен для истории старинного русского образования, и труд г. Сухомлинова заслуживает благодарность.

В отделе «Памятников языка и словесности» помещены: 1) *Послание митрополита Иоанна II*, приготовленное к изданию В. И. Григоровичем; 2) *Летопись великих князей литовских*, изданная А. Н. Поповым; 3) *Обозрение летописца переяславского*, Д. В. Поленова²¹, и 4) *Повесть о Цареграде*, чтение редактора, И. И. Срезневского.

Послание митрополита Иоанна недавно снова возбудило внимание ученых; принадлежность его Иоанну II несомненно была доказана г. Невוליным; теперь г. Григорович издал его и в древнем русском переводе, и в греческом подлиннике. Русский текст взят им из издания Калайдовича²²; но г. Григорович восстановил в памятнике ту орфографию, которая, по его мнению, должна была принадлежать ему в первоначальном виде, как вообще русским рецензиям церковных памятников. Издание снабжено объяснительными примечаниями и сравнениями выражений русского перевода с подлинником.

Литовская летопись издана г. Поповым по списку XV столетия, принадлежащему библиотеке графа Уварова. По мнению Даниловича, литовские летописи надобно относить еще к XIV веку, или они составлялись в это время и по древнейшим источникам²³. Найденная и изданная этим ученым супрасльская рукопись достаточно подтвердила его мнение²⁴. Летопись Быховца, напечатанная Нарбутом, представила другой разряд тех же литовских летописей, так что не остается уже никакого сомнения об историографической деятельности Литовской Руси, так сильно заподозренной Шлёцером²⁵. И супрасльская рукопись и летопись Быховца до сих пор не были изданы в своем настоящем виде: Данилович переписал первую латинскими буквами и в таком виде напечатал. Нарбутт приводит известие, что и хроника Быховца «переведена» с русского, то есть точно так же без всякого перевода написана, вместо русских, польскими буквами. Изданная теперь г. Поповым летопись мало разнится от супрасльской рукописи, но значительно древнее. Она напечатана буква в букву с соблюдением основных требований археографии; литовская летопись

является, наконец, в собственно ей принадлежащей одежде, незакрытая польскими формами и правописанием, и издание, без сомнения, будет принято специалистами с благодарностью. Столько же важно оно и в филологическом отношении, как одно из немногих средств для обширного изучения языка Литовской Руси по древнейшим памятникам.

Труд г. Поленова представляет внимательное изучение переяславского летописца, недавно изданного князем Оболенским²⁶. Основа рассказа этой летописи та же, что и в известных списках несторова временника, но часто в ней встречаются любопытные прибавки и дополнения, поражающие иногда своею оригинальностью. Из этого, впрочем, не следует, что она была летописью самобытною и независимою, как хотел думать ее издатель: подробное сравнение ее с напечатанными списками Нестора²⁷, сделанное г. Поленовым, приводит к другому результату: «Начало ее (говорит он), правда, не то, какое находим в списках Лавр., Радз., Тр.²⁸; но пропуск событий, и даже сокращение их, в строгом смысле, не могут быть признаны за самостоятельность; а совершенно сходное изложение их на пространстве пятидесяти лет и еще того менее позволяют оставить за ним подобное название... Дополнения, встречающиеся, например, в описании обычаев некоторых из народов, населявших Русь, в рассказе о княжении Ольги, в повествованиях о крещении Владимира, о единоборстве Печенега с Русским и в других местах; множество мелких разноречий, которые, по ходу исторических событий и логическому смыслу, должны быть приняты за более правильное чтение — все это ставит переяславского летописца в число важных источников нашей истории, тем более, что мы не нашли в нем никаких данных, которые бы противоречили мнению князя Оболенского о времени составления переяславского летописца» (стр. 96). Важность этого летописца заключается таким образом в том, что он сохранил для нас варианты древнейшей летописи, неизвестные из других уцелевших списков. Составитель его пользовался летописью Нестора и ее продолжением, как и другие летописцы, выписывавшие обыкновенно одно общее начало, к которому прибавляли потом сведения, относящиеся к частной истории отдельной страны или княжества; но он пользовался ею еще в начале XIII столетия, следовательно немного спустя после ее происхождения, так что рукопись переяславская очень важна для изучения первобытной формы нашей древней летописи.

«Повесть о Цареграде»²⁹ — простой пересказ того, что заключается в старинных русских сказаниях о начале и взятии Константинополя турками, но вместе с тем это превосходная ученая статья, какими так богата обширная деятельность автора. Второе Отделение намеревалось издать «Сказание о взятии Цареграда» — очень любопытный памятник нашей литературы. Смерть Бердникова³⁰ остановила это предприятие, и, в ожидании полного разбора и сличения списков, г. Срезневский рассказал с большою

точностью и подробностью, иногда буквально, содержание этих сказаний. Они очень распространены были в старинных сборниках и замечательны в особенности тем, что описание «страшного события», как тогда называли все современники взятие Константинополя, в русской повести совершенно самостоятельно; она появилась, конечно, вслед за самым событием, когда память о его обстоятельствах была еще свежа и интерес еще живо сохранялся. Повесть рассказывает обстоятельства осады и взятия вполне независимо от византийских и латинских историков и приводит нередко подробности, которые у них не встречаются. Таким образом, она получает и историческое значение наряду с другими главными источниками для описания этого многозначительного события, богатого влиянием на ход европейского образования. Все это передано г-м Срезневским в одушевленном рассказе, удерживающем и колорит старины и доступном для всех, тогда как подлинник оттолкнул бы многих читателей, непривычных к чтению на языке, для нас устаревшем. За этим литературным достоинством статьи, ученое ее достоинство заключается в обширных примечаниях, где автор останавливается на каждой замечательной подробности события, сравнивает нашу повесть с иноземными сказаниями, объясняет разные слова русского подлинника с обыкновенным богатством своей эрудиции. О происхождении самой повести он выражает такое мнение: «есть возможность думать, что эта повесть о Цареграде распространилась на Руси во время Иоанна III, когда браком его с Софией Палеолог³¹ еще сильнее скрепились связи русских с их единоверцами, греками, а, может быть, еще и ранее, то есть после того, как, немедленно по взятии Цареграда, стали к нам являться греки с просьбою о вспоможении и, вероятно, не без записок о бедствии, постигшем их отечество». Это очень вероятно; повесть обнаруживает хорошее знание византийской жизни и оправдывает такое вмешательство самих греков при ее составлении. Несомненно при том, что если она писана не очевидцем, то по словам очевидцев.

Новое издание Второго отделения Академии наук не уступает вообще прежним его изданиям по своим ученым достоинствам и сочувствию к изучению русского языка, литературы и старины. Как разнообразно и любопытно содержание первой книги «Ученых записок», читатели могут видеть из нашего обзора. Характер программы издания дает право надеяться, что живой интерес содержания постоянно будет его качеством. Нет никакого сомнения, что продолжение издания сделает его такую же совершенно необходимою для исследователя русской литературы и истории книгою, какою уже стали «Известия».

ЖУРНАЛИСТИКА

<ИЗ № 4 ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1854>

<...>Критика «Библиотеки для чтения». — Санскритизм г. Сенковского. — Статья г. Черепанова *Ловля зверей в Сибири* и статья Г. Аксакова *Охота с ястребом за перепелами*. — О лекциях Теккерея. — Инструкция о управлении дому и деревень Волынского. — Статья г. Лешкова *О народном довольствии в древней России*. — Саллустий, римский историк. — Перевод Макбета г. Лихониным.

Мы ничего не говорили до сих пор о «Библиотеке для чтения» за первые три месяца; но в этом не мы виноваты. В них идет один и тот же роман г. Кукольника ¹: *Тонни, или Ревель при Петре Великом*; но как роман этот до сих пор не кончен, то мы умалчиваем о нем. Затем перепечатан в Отделе словесности *Рассказ Ресми-Эфендия о семилетней войне Турции с Россией* г. Сенковского; но как это перепечатка старого и напечатанного притом в «Библиотеке же для чтения», то мы также не находим нужным говорить о нем. Затем помещено (*первая статья*) *Путешествие сибирского казака в Китай*. Отдел же науки и художеств состоит из утомительной статьи г. Боде *Письма о Персии (№ 1)* и переводных статей Мармье ², под названием *Из Парижа в Черногорье* (статья первая и вторая), грозящей тянуться год или два, из такой же переводной статьи: *Томсон и Араго*, наполненной общеизвестными фактами и преувеличенными похвалами высокозначению трудов Томсона ³ и *Воспоминаний о ловле зверей в Сибири* г. Черепанова.

О последней скажем несколько слов. Статья занимательна и любопытна. Охота на зверя, и еще более, охота на медведя! Чье любопытство не разыграется при этих словах! Статья расположила нас еще более в пользу автора следующими словами предисловия. Г. Черепанов говорит, что в последнее время встречается в журналах много рассказов охотников, особенно американских; но ему кажется, что они часто жертвуют истиною эффектности, а потому он решился приводить только те случаи, которые или действительно с ним были, или слышаны им несколько раз от верных людей. Это нас очень обрадовало, и мы прочли статью с удоволь-

ствием, хотя полагаем, что многое слышал автор не от верных людей. Нас неприятно поразила встреча с анекдотом, известным во всей России, о медведе, который на тройке, с столбом в лапах (или с чем-то в этом роде) въехал в деревню; встреча с анекдотом о медведе, занозившем лапу, напомнила нам другой подобный же анекдот о *льве*, который просил вытащить занозу. Показались нам странны некоторые догадки о том, что «никому не известно ничего о смерти зверей», потому что мертвых зверей никогда никто не находил; а страницы две далее, в том же рассказе говорится о медведях, найденных *мертвыми*...

Все это мы говорим не в укор г. Черепанову, потому что статья его интересна, и многие, вероятно, с нетерпением ожидают продолжения; но пусть автор остерегается тех преувеличенных рассказов, за которые он не любит американских охотников. Край, описываемый г. Черепановым, так интересен, нравы звероловов так любопытны, сами звери так занимательны, что статья г. Черепанова непременно будет прочитана всеми с удовольствием. Пусть только он обратит внимание на местность, на край, на нравы звероловов и зверей и пусть поучится рассказывать... хоть, например, у г. Аксакова, которого классическое сочинение «Записки ружейного охотника» должно быть настольною книгою всякого охотника-литератора⁴. Что за мастерство описаний, что за любовь к описываемому и какое знание жизни птиц! Г. Аксаков обессмертил их своими рассказами, и, конечно, ни одна западная литература не похвалится чем-либо подобным «Запискам ружейного охотника». Пусть же г. Черепанов поучится искусству и вместе простоте рассказа у г. Аксакова, а мы пока укажем ему на одну страничку из напечатанного в 1—2-м №№ «Москвитянина» рассказа *Охота с ястребом за перепелами*. Рассказ этот принадлежит также г. Аксакову. Не так интересен он, как прежние, потому что теперь охота с ястребом мало кого интересует. Но обратите внимание на любовь, с которою г. Аксаков говорит о воспитании и характере ястребов, их понятливости и отличительных свойствах. Каждая строка доказывает, что г. Аксаков знает свое дело и не прибавляет ни одного слова больше того, что знает. Но с тем вместе г. Аксаков желает так рассказывать, чтоб даже не охотник почувствовал прелесть его рассказа. Вот для образца простая картинка того, что делается с мелкими птицами, когда они почуют прилет ястреба. Мы были бы в восторге, если бы и в повести встретили подобную страницу:

«Я уже сказал, что ястреба гусятники большая редкость, так что немногим охотникам удавалось видеть их на воле; утятники попадают чаще, а перепелятников деревенские жители видят по несколько раз в день или по крайней мере замечают эффект, производимый появлением или присутствием ястреба перепелятника, которого часто глазами и не увидишь. Эффект состоит в том, что вся дворовая или около дворов живущая птица закричит всполошным криком и бросится или прятаться, или преследовать

воздушного тирана: куры поднимут кудахтанья, цыплята с жалобным писком побегут скрыться под распушенные крылья матерей-наседок, воробьи зачирикают особенным образом, и как безумные попрячутся куда ни попало, — и я часто видел, как дерево, задрожав и зашумев листьями, будто от внезапного крупного дождя, мгновенно прятало в свои ветви целую стаю воробьев; с тревожным, пронзительным криком, а не щебетаньем начнут черкать ласточки по-соколиному, налетая на какое-нибудь одно место; защекочут сороки, закаркают вороны и потянутся в ту же сторону, — одним словом, поднимется общая тревога; и это наверное значит, что пробежал ястреб и спрятался куда-нибудь под полетью, в овине, или сел в чашу зеленых ветвей ближайшего дерева. Иногда так и не увидишь ястреба. Он переждет тревогу, весьма ему невыгодную, потому что она предупреждает о нем тех птиц, которые могли бы сделаться его добычей; да вероятно надоедает и пугает его весь этот писк, крик, шум и преследование, — переждет и улетит! Но я всегда любил такие явления общей суматохи, всегда стерег вылет ястреба из его убежища и часто видал, как он, то быстро махая крыльями, то тихо плывя, промелькнет и скроется в кустах уремы или в ближайшем лесу».

Что может быть живописнее этого описания! А глупые тетерева, утки, дупели, вальдшнепы, гершнепы и им подобные и не подозревают, что судьба наделила их таким историком, как г. Аксаков; не подозревают, что в описаниях г. Аксакова они лучше, красивей и вкуснее, нежели на самом деле. Какой-нибудь дрянной ястреб, способный напугать одних воробьев, доставляет нам столько удовольствий, и все потому, что его описывает г. Аксаков. Что ж, если б г. Черепанов обратил внимание на важность поэтического рассказа, на умение передавать явления природы, когда он будет повествовать о кабанах, волках, оленях и других крупных животных! Г. Аксаков художник и охотник вместе; вот отчего так хороши его рассказы.

В критике «Библиотеки для чтения» г. Сенковский (№№ 2 и 3) трактует в двух статьях о санскритском языке⁵. В них осмеивает он «неосновательность» нынешней филологии (нападая на нее иногда справедливо, а большею частью несправедливо) и строит свою особенную систему филологии и древнейшей истории. Чтоб дать понятие об истинах, представляемых г. Сенковским в замену неосновательных мнений, господствующих (по мнению только г. Сенковского, а не на самом деле) между нынешними учеными, скажем только, что, по его исследованиям, оказывается, будто бы Илиада не поэтический рассказ об осаде города Трои, а «мифологическая поэма о борьбе» самородного (??) «человека» (Ахиллеса) с «душою мира» (??), «эфиром» (Агамемноном). Выводы эти основаны на произвольном истолковании собственных имен и еще более произвольном сближении слов и фактов, не имеющих между собою ничего общего. Достоверность их совер-

шенно равняется достоверности объяснения «Старосветских помещиков», на которое навело нас чтение статей г. Сенковского: «Афанасий» по-гречески значит «бессмертный», «Пульхерия» по-латыни — значит «красавица»; из этого следует, что Гоголь в «Старосветских помещиках» рассказывает вовсе не жите-бытье добрых старичков Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны, а миф о неразрывном союзе *красоты* и *бессмертия*. «Троя», по истолкованию г. Сенковского, значит «тройка»; прибавим, что, по всей вероятности, стояла она на реке Эридане, то есть Рыване, потому что, очевидно, где есть «тройка», там должен быть и экипаж. Есть у нас и еще идея, чрезвычайно блестящая и верная: фраза «Париж стоит на Сене» ложно понимается нынешними непроницательными учеными; «Париж» просто значит «барыш», «Сена», очевидно, значит «сено»; поэтому «Париж стоит на Сене» вовсе не географический факт, а изречение житейской мудрости, значащее: «барыш стоит на сене» попросту сказать: «торговля сеном выгодна, доставляет барыш». Кто читал статьи г. Сенковского, тот согласится, что наши мнения далеко не так смелы, как его. Но предмет так завлекателен, что мы позволяем себе привести очень остроумную насмешку одного французского писателя прошедшего века над подобными исследованиями современных ему ученых. «Вот каким образом доказывается (говорит он), что китайцы произошли от египтян: один древний писатель говорит, что египтянин Сезострис доходил до Ганга; а если он ходил на Ганг, то мог идти туда через Китай, хоть это совершенно не по дороге; итак, он ходил в Китай; итак, Китай тогда не был еще населен; итак, ясно, что населил его Сезострис. Египтяне на своих праздниках зажигали свечи; у китайцев есть фонари; итак, не подлежит сомнению, что китайцы — колония египтян. Кроме того: у египтян есть большая река; и у китайцев тоже. Наконец очевидно, что первые цари китайские носили имена древних царей египетских; потому что в имени династии Ю можно найти черты, которые, если написать их другим манером, образуют слово Менес. Итак, неоспоримо, что китайский богдыхан Ю получил свое имя от египетского царя Менеса; а богдыхан Ки очевидно царь Атоэс через изменение *к* в *а*, а *и* в *Тоэс*»⁶. Это кажется написанным решительно о статьях г. Сенковского. Как легко придумываются блестящие несообразности, как легко подкрепляются они произвольным толкованием фактов и собственных имен, известно каждому; и прискорбно видеть, когда люди, с запасом сведений и дарований тратят время на их изобретение и доказывание. Г-н Сенковский хочет, кажется, идти в уровень с веком, но идет каким-то странным, санскритским путем. Его не интересует то, что делается теперь в ученом мире, ему даже кажется новым, что делалось за тысячу лет; он всегда выбирает эпохи доисторические. Немного странно рядом с такими критиками видеть рецензию на сочинения г. Писемского, написанную, видимо, человеком, вникающим в ход нынешней нашей русской

литературы и сочувствующим ей⁷. Но такие статьи редки в «Библиотеке».

О прекрасных стихотворениях г. Тютчева («Современник») мы не говорим теперь, потому что намерены посвятить им отдельную статью⁸; окончания же «Опыта биографии Николая Васильевича Гоголя» ждем с нетерпением, потому что статьи эти открывают нам много нового и любопытного. Хотя в «Биографии» преимущественно говорится о жизни Гоголя, но статьи эти, нам кажется, особенно важны тем, что бросают много нового света на самые сочинения Гоголя⁹.

Три статьи Иногороднего подписчика о *Лекциях Тэккерей* крайне интересны¹⁰. Мы даже жалеем, что лекции эти сокращены, а не переведены вполне. Мастерство Тэккерей представлять критические разборы в живых образах, таких же осязательных, как и лица его романов, действительно заслуживает внимания. Тэккерей не заботится о том кропотливом и бесконечном перечислении статей и мнений писателя, которое господствует между многими историческими критиками; он схватывает живое лицо писателя, его главные мнения, его характер, его общественное поведение. Поэтому, хотя иногда он говорит о писателе немного, но скажет больше, нежели иной в целом десятке статей. Он схватывает жизнь, главные черты и в характере писателя, и в характере его произведений.

В «Москвитянине» в числе исторических материалов напечатана *Инструкция о управлении дому и деревень*, составленная Волинским, кабинет-министром императрицы Анны Иоанновны. В инструкции этой есть интересные пункты не по отношению к одному сельскому хозяйству. Например, кто прочел VI пункт этой инструкции, тот невольно задал себе вопрос: неужели так мало было безопасности в то время в деревнях, что Волинский приказал каждого десятского вооружать пищалью, а каждого мужика от 15-ти летних до самых престарелых — копьём? Что значит пункт IV, которым запрещено крестьянам без дозволения десятских отлучаться из деревни? Пункт II касается прямо религиозного образования крестьян и по времени, в которое он написан, делает величайшую честь Волинскому, как человеку истинно просвещенному. Но не менее «Инструкции» интересен постскриптум г. Погодина, где он объясняет, как ему удалось открыть имя автора этой инструкции. Постскриптум изложен в лицах и с разными дополнениями, исключительно принадлежащими г. Погодину. В нем он мимоходом похвалил гг. Беяева*, Куприянова** и Иванова***, ввел в число действующих лиц г. Потехина и завершил все следующими словами:

* «Исследователя, знакомого коротко с архивами».

** «Благодарного труженика для русской истории».

*** «Деятельного начальника сенатских архивов» — как умел разнообразить г. Погодин похвалы своим сотрудникам!

«Итак, вот он, вот сочинитель Инструкции, Артемий Иванович Волинский¹¹; один из сотрудников императора Петра Великого, кабинет-министр императрицы Анны Иоанновны, погибший вследствие происков Бирона.

Волинского, как Посошкова, можно счесть представителем петровского времени *без иностранного влияния, но все-таки из новой атмосферы*, а (?) Татищев, Василий Никитич¹², познакомился, кроме того, и с иностранным образованием, но не подчинился ему вполне, как то случалось и случается с разными посредственностями. *Я имею теперь в руках* важное его сочинение, доселе неизвестное, полученное мною от одного просвещенного любителя русской старины. В этом сочинении виден весь его образ мыслей, но я не знаю, буду ли я когда-нибудь иметь возможность его издать».

Вот мы очень просили бы г. Погодина познакомить нас с этим вновь открытым трудом Татищева, потому что наперед уверены в высокой важности того сочинения, «в котором виден весь образ мыслей Татищева». Это будет истинный подарок для русской литературы.

В 5 номере «Москвитянина» помещена очень дельная статья г. Лешкова «О народном продовольствии в древней России»¹³. Г. Лешков точнее обозначил бы содержание своего труда, если б назвал его: «Цены на хлеб в России до XVII века в голодные и урожайные годы и причины, производившие голод». Обо всем остальном (мерах против голода, законах относительно торговли хлебом и т. д.) у него говорится не так обстоятельно, как о предметах, нами обозначенных в этом заглавии. Почти единственным пособием для приблизительного определения обыкновенных цен на хлеб в древней Руси служат показания летописей о том, до каких цен возвышался хлеб во время голода и большой дороговизны. Потому-то г. Лешков и обращает более внимания на эти указания. В летописях есть несколько указаний о необыкновенно низких ценах на хлеб в очень урожайные годы; они дают еще более возможности определить, посредством сличения их с высокими ценами, обыкновенные цены. Но и те и другие указания встречаются почти исключительно только в новгородских летописях. Потому г. Лешков и занимается преимущественно ценами на хлеб в Новгороде. Следуя методу исторических разысканий г. Погодина, он прежде всего выписывает в сокращении, а где нужно, и вполне, места из летописей; потом сличает их, составляет таблицы и уже после всего этого представляет свои заключения, избегая, таким образом, по возможности, смешения фактов с выводами и предлагая читателю полную возможность легко проверять основательность своих заключений. Вот главнейшие из выводов: до начала XV века (до введения рублевой или денежной монетной системы вместо древней гривенной) сильно «дорожает» в Новгороде хлеб тогда, когда цена ржи доходит до 3 (в 1228 году) и особенно до 4 гривен кун за кадь (= 4 четвертям нынешним);

полагая $7\frac{1}{2}$ гривен кун = 1 гривне серебра, вес которой был полфунта, а ценность (по весу металла) почти 10 р. с. нынешних, мы получим в этих случаях цену кади (приблизительно) 4 р. сер. и 5 р. 33 коп., а цену четверти 1 р. и 1 р. 33 к. Но должно помнить, что ценность серебра была в то время несравненно выше, нежели теперь; по мнению г. Лешкова, фунт серебра тогда имел ценность, какую имеют ныне 10 фунтов; потому надобно тогдашние цены возвышать в десять раз при сравнении с нынешними; и ценность четверти ржи в дорогое время доходила поэтому в Новгороде до 10 р. и 13 р. 30 к. на наши деньги. Недорогими ценами в Новгороде до XV века надобно предполагать 1 гривну или $1\frac{1}{2}$ гривны за кадь, около 3 или 4 р. сер. за четверть на наши деньги. Во время страшных голодов цены доходили до 8 гривен за кадь, или до 25 руб. сер. (по переложению г. Лешкова) за четверть по нынешней цене денег. Нам кажется, что исследование о ценах до XV века у г. Лешкова прочнее исследований о ценах XV и XVI веков, когда начали считать вместо гривен и кадей «деньгами» и «зобницами»; потому и ограничим этим первым периодом наш обзор его статьи. Отношение тогдашней ценности серебра к нынешней (в 10 раз выше нынешней) принято г. Лешковым, как он сам говорит, наугад, потому что оно еще не определено точно по скудости данных. Не ставим в упрек г. Лешкову того, что, для точнейшего определения этого пункта, не вошел он в подробнейшее рассмотрение всех известий о ценах различных предметов в древней Руси — по обширности своей это исследование должно быть предметом особенной статьи, хотя без него все переводы тогдашних цен на нынешние будут шатки. Но мы должны сказать, что цифра 10, принятая г. Лешковым, слишком велика; это мы выводим из обозначения цен скота в Русской Правде:

кобыла 3 гривны = $4 \text{ р.} \times 10 = 40 \text{ р. сер.}$
 годовалый жеребенок 6 ногат = $40 \text{ к.} \times 10 = 4 \text{ р. сер.}$
 коза 6 ногат = $40 \text{ к.} \times 10 = 4 \text{ р. сер.}$
 овца 6 ногат = $40 \text{ к.} \times 10 = 4 \text{ р. сер.}$
 свинья полугривна = $65 \text{ к.} \times 10 = 6 \text{ р. 50 к.}$

Ясно, что, помножая на 10, мы получаем слишком высокие цены, как и г. Лешков получает таким же образом слишком высокую цену хлеба в Новгороде в обыкновенные годы (3 р. сер. за четверть); нам кажется гораздо правдоподобнее полагать, что ценность серебра в древней Руси была не в 10, а разве в 5 или 6, много в 7 раз выше нынешней; принимая цифру 6, мы получим:

Четверть ржи 1 р. 80 к.; кобыла 24 р. сер. (все еще слишком высокие цены); годовалый жеребенок 2 р. 40 к.; коза или овца 2 р. 40 к.; свинья 3 р. 90 к. сер.

Мы даже готовы были бы множить только на 4, и тогда мы получили бы:

Четверть ржи 1 р. 20 к., кобыла 16 р., жеребенок, овца или коза 1 р. 60 к., свинья 2 р. 60 к. — цены, гораздо вероятнейшие.

Мы несколько не спорим за верность своего счета: для верности его надобно исследовать предмет гораздо глубже; мы только хотим сказать, что г. Лешков полагает слишком высокие цены на хлеб, принимая цифру 10 за отношение ценности серебра в XII—XV веках к нынешней; мы только хотим показать необходимость точнейшего исследования ценности серебра в древней Руси.

Материалы для своей статьи собрал г. Лешков по указаниям в «Истории» Карамзина, и нет сомнения, что его статья имела бы еще больше достоинства, если б он воспользовался новейшими трудами; но, повторяем, и в настоящем виде она стоила ему многих трудов, представляет много прекрасных соображений и еще больше полуобработанных материалов для будущего исследователя.

В 1—4 нумерах «Москвитянина» должно заметить (к сожалению, с весьма невыгодной стороны) две статьи г. К. «Саллюстий, римский историк» — или, собственно говоря, только первую статью, потому что внимательное чтение первой отняло у нас решимость читать вторую. Неизвестный автор, очень смело защищающий свои мнения, очевидно, не усвоил себе способности понимать Рим и римлян саллюстиевского времени и представляет себе римские нравы и понятия последних времен республики похожими на наши нынешние; г. К. представляет себе, что Саллюстий, очевидно, не совершенно потерявший уважение к добродетели, не мог делать вещей, на которые ныне решится только погибший нравственно человек; потому он употребляет все усилия, чтобы выставить его даже верным жене мужем (!!!); не говорим уже о том, что дружба с Клодием кажется г. К. преступлением, от которого также необходимо очистить Саллюстия (Лукулл, который гораздо больше Саллюстия уважал свое достоинство, угодничал людям, гораздо презреннейшим, нежели Клодий)¹⁴. Все это было бы еще извинительно, оставаясь совершенно неверным, если б г. К. не позволял себе выходок противу всех ученых, имевших несчастье понимать римскую жизнь и римскую историю вернее, нежели он их сам понимает. Если бы мы решились подражать г. К. в резкости отзывов, то должны были бы сказать, что его статьи оказывают плохую услугу журналу, в котором напечатаны...

О статьях г. Терещенко *Хошоутский улус* («Москвит». № 1 и 2) и «Астрахань» (№ 3 и 4) мы не будем ничего говорить. Для нас удивительно только, каким образом г. Терещенко умеет везде выставить знание приличий. Мы думаем, что «Москвитянин» должен был бы печатать его статьи не в отделе «Внутренних известий», а в отделе «Мод».

Затем о других статьях «Москвитянина»: о стихотворении князя Вяземского *Масляница* мы говорить не станем, потому что оно еще в прошедшем году было напечатано в «Отечественных записках», а о переводе *Макбета* г. Лихониным¹⁵ потому, что перевод этот, хотя и действительно один из вернейших, стоивший, конечно, много труда переводчику, решительно лишен поэзии.

ЖУРНАЛИСТИКА

<ИЗ № 5 ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1854>

<...> Вторая статья о «Ловле зверей в Сибири» г. Черепанова («Библ. для чт.» № IV). — Отрывок из семейной хроники г. С. Т. А. («Моск.» № V). — О письме г. Z к г. Введенскому («Соврем.» № 4). — Статьи о Турции («Библ. для чт.» и «Соврем.» № 4). — О киргизах, г. Жаркова. — Вена, статья Гино («Библ. для чт.» № 4). — Ловецкие рассказы; О питании человека и животных («Пант.» № 3). Несколько слов о происхождении слова «Кмет», г. Лазровского. — О политическом равновесии, г. Погодина. — Смесь Карамзина <...>

Вторая статья г. Черепанова *Воспоминание о ловле зверей в Сибири* («Библ. для чт.» № 4) лишена всякого интереса: ни природы, ни охоты, ни нравов зверей — ничего нет; одни обыкновенные зверопромышленные приемы наполняют целые страницы, и такие занимательные предметы, как ловля лосей, изубрей, лисиц, волков, белок и проч. и проч., уместились на нескольких страницах; нет зверопромышленных походов — нет и интереса¹.

В «Москвитянине» (№ 5) напечатан *Отрывок из семейной хроники* С. Т. А.², на который желали бы мы обратить внимание читателей и литераторов по профессии. В этом «Отрывке» нет никакого действия, или оно так ничтожно, что и говорить о нем не стоит. В нем описано переселение помещика Симбирской губернии в Уфимское наместничество (следовательно, в «Отрывке» изображено то время, когда были наместничества) и день, проведенный помещиком в своем новом поселении. Никаких вычур в рассказе, никакого желания, со стороны автора, завлечь читателя хитро придуманным действием. Но что за удивительное впечатление производит этот маленький рассказ! Старинный помещик екатерининского времени стоит перед нами как живой; богатая природа Оренбургского края чувствуется в каждом слове г-на С. Т. А.; но рассказ преимущественно хорош тем, что в нем много правды. Правда эта чувствуется на каждой странице; ни одной краски не переложит автор при описании природы и лучше умолчит о чем-нибудь, нежели *присочинит*; правда эта видна и при изображении характера, в котором добро и зло так переплелись, что в них видишь живого, а не сочиненного человека; правда эта видна и в умении давать словам истинное их значение и избегать всякого набора слов, наводняющего речь большей части наших писателей. Рассказ этот, по всем приведенным нами причинам, будет скорее оценен знатоками дела, литераторами, нежели большинством публики, которая не найдет в нем никакого интeресного происшeствия. Кто знает уловку наших писателей создавать известные картины природы, вечера, утра или полудня, смотря по требованию действия в романе или повести, кто знает искусство их перемешивать все краски в описаниях, тот поймет, почему большей части этих описаний не веришь, хотя и восхи-

щаешься ими. По опыту знаешь, что писатель имел в виду не природу изобразить верно, а подействовать на читателя, хотя бы и прикрасив ее небывалыми прелестями. Точно то же смешение красок видишь и при изображении людей. Но тут действует другая причина. Начитанность со всеми своими прекрасными результатами приносит с собою, к несчастью, и рутину; ее не заметит и сам автор, а она уже проникла всё его произведение. Вдобавок, мысль, которая дает себе большой простор при уяснении и изображении характера, всегда налагает на изображаемое лицо немного отвлеченный оттенок, обрисовываемый чертами общими. Из соединения всего этого выйдет картина яркая; с первого взгляда она бросится в глаза; но чем больше будешь в нее всматриваться, тем больше будешь открывать всюду искусство автора, а не природу и не человека, в ней изображенных, и такие резкие картины скоро сделаются невыносимы. Под яркостью красок видишь скрытую поверхность знания, замечаешь черты природы северной перенесенными в природу южную, находишь странные неправдоподобности... но в общем все будет казаться хорошо и умно. Между тем в этой повести, в этом описании не будет той правды, той трезвости слов, картин и характеров, о которой мы говорили, хваля «Отрывок из семейной хроники». — Если мы не ошибаемся, «Отрывок» этот принадлежит автору «Записок ружейного охотника».

В 4-м № «Современника» некто г. Z напечатал *Письмо к г. Введенскому по поводу его критики, помещенной в XII книжке «Отечественных записок» 1853 года*³. Письмо это как нельзя лучше показывает, как подробно должно говорить о самых элементарных истинах современной эстетики с некоторыми из людей, писавших (по собственному уверению) *очень недурные трактаты «об искусствах»*: г. Z страшно ратует против мыслей, высказанных в статье г. Введенского, и между тем чрезвычайно неясно понимает ее сущность, хотя и уверяет, будто бы «начитался до пресыщения всевозможных эстетик», а потом «читал произведения всех литератур». Знаете ли, что смутило г-на Z в статье г. Введенского, старающейся объяснить сочинителям теорий словесности, какому методу должны они следовать для того, чтоб писать теории дельные? Г-н Z смутился следующими словами г. Введенского: «Пусть теория словесности, не отступая ни на шаг от сравнительной историко-критической методы, сгруппирует в одну общую систему все факты литературы (которые имеют высокий интерес в развитии человеческой мысли и чувства) и расположит их по родам и видам в стройном естественном порядке: тогда теория словесности, отвечая на современные требования науки, с честью выполнит свое дело». Но чем же тут смущаться? над чем недоумевать? против чего спорить? Кто же из людей, сколько-нибудь знакомых с современными понятиями о том, что такое теория всякой науки вообще, не признает слов г. Введенского выражением требований, общепризнаваемых ныне

всеми образованными людьми (не говорим уже «учеными», пишущими *очень недурные* трактаты об искусствах и перечитавшими всевозможные эстетики)? Но г. Z смущается, недоумевает, спорит. И его «Письмо» действительно открывает нам, что для читателей, подобно г-ну Z, повидимому вовсе незнакомых с нынешними понятиями о науке, статья г. Введенского имеет очень важный недостаток: она не довольно резко и ясно говорит о том, до какой степени жалки те теории словесности, против которых она направлена; статья предполагает, что читателю это известно; не знающие этого, естественно, не понимают и сущности требований г. Введенского; конечно, г. Введенский не предполагал иметь таких читателей, но каждый из них действительно имеет полное право сказать: «все-таки г. Введенский виноват: зачем он не предполагал, что я буду также читать его статью? зачем он не соображался со степенью даже и моих сведений?» Постараемся же, приспособляясь к понятиям этих недоумевающих читателей (вероятно, впрочем, очень немногих), объяснить, в чем дело.

Наши старинные «теории словесности» составлялись без больших хлопот: составитель учился когда-то словесности по риторике Бургия или Кошанского — чего же больше? Почему же не переделать ему риторики Бургия или Кошанского, обогатив правила ее примерами из Загоскина и Пушкина, которых не читали ни Бургий, ни Кошанский? ⁴

Все это хорошо для домашнего обихода, но вовсе не для современной публики. Теперь от автора теории словесности требуют дельного, ученого труда. Теперь говорят: вы должны быть коротко знакомы с Эсхилом, Софоклом и Эврипидом, а не ограничиваться статейками о них в разных попадавшихся вам в руки журнальцах, иначе вы не напишете ничего дельного о греческой трагедии да и не поймете различия ее от нынешней; Шекспира также вы должны знать не по «Гамлету» в переделке Полевого ⁵: вы должны прочитать самого Шекспира и лучшие сочинения о нем, иначе вы и о Шекспире не напишете ничего дельного; то же самое говорят вам о Шиллере, Гете и других великих трагиках. Не зная хорошо всех лучших трагиков, говорят ныне, вы не напишете и хорошей теории трагедии; когда вы вникнете в сущность гениальных трагедий, тогда только поймете, что такое трагедия. То же самое говорят вам и о комедии, и о романе, и об эпопее. Коротко и ясно: нынче от человека, собирающегося писать о словесности, о поэзии, требуют основательного знакомства с произведениями, теорию которых он хочет писать. Неужели эти требования несправедливы?

Мы надеемся, что теперь г. Z ясно увидит, чего требует г. Введенский от теории словесности: он требует основательного, ученого знакомства с словесностью; теперь, вероятно, поймет он, почему г. Введенский так сильно восстает против некоторых домо-

рощенных теоретиков. И, вероятно, теперь г. Z не будет «поражаться ясностью и легкостью, с которою статья г. Введенского решает вопросы», в ней рассматриваемые; вероятно, эти вопросы перестанут казаться г-ну Z «чрезвычайно трудными»; они очень просто могут быть приведены к одному вопросу: «нужно ли для того, чтобы написать дельную теорию предмета, систематическое изучение предмета?» Неужели и этот вопрос труден? неужели нужна «необыкновенная смелость», чтоб отвечать: «не зная предмета как следует, нельзя хорошо составить его теории»? Но г. Z, не зная положения дел в вопросе о курсах теории словесности, никак не мог понять и сущности мысли г. Введенского. В самом деле, она так проста, что необходимость подробно доказывать ее целою статьею понятна только тому, кто прочитает, например, книгу г. Тулова (по поводу которой и написана статья) или подобные ей книги; а г. Z признается, что не читал «Руководства» г. Тулова и вообще «давно уж не читает таких книг, с того самого времени, как сошел с ученической скамьи». Не имея понятия о разбираемой книге, конечно, нельзя понять и критики на нее.

Теперь спешим разрешить все остальные недоумения г-на Z. Он не знает, что такое «наука», о требованиях которой говорит г. Введенский. Что такое «наука», вероятно, постигнет он вполне, если прочитает несколько серьезных статей по каким бы то ни было предметам, хотя бы по теории словесности; точно так же найдет он объяснение того, что ныне понимают под «наукою», на первых страницах тех эстетик, которых «начитался он до пресыщения». Имея «много знакомых литераторов, критиков и эстетиков», он также может спросить об этом у каждого из них, и, вероятно, никто не откажет ему в удовлетворительном объяснении. Г-н Z также спрашивает: «эстетики не обращают ли внимания только на обстоятельства жизни?» — нисколько; эстетика вовсе не занимается биографиею писателей: это дело истории литературы. Он думает еще, будто бы «мы не знаем, что такое поэзия», и спрашивает: «не есть ли она нечто вроде тех простых начал, которых химия не умеет разложить?» — нисколько; между кислородом или серою и поэзиею нет никакого сходства; происхождение поэзии давно уже объяснено; основные элементы, из которых возникает она в человеческой душе, давно уже найдены. Чем-то необъяснимым поэзия кажется только людям, не знакомым с «наукою». После этого г. Z недоумевает: необходим ли эстетический вкус для историка литературы? Никто в этом не сомневается, как в том, что астроному необходимы глаза; потому-то именно об этом никто и не толкует. Наконец г. Z спрашивает: справедливо ли «говорят, будто бы один немец, во всех отношениях великий мыслитель, написал философию природы и философию духа человеческого и забыл философию прекрасного в природе внешней и в душе нашей?» Уверяем г-на Z, добрые люди сказали это ему совершенно несправедливо; сколько можно

понять, дело идет о Шеллинге — а он именно и был основателем общепринятой ныне теории прекрасного; да и из других «великих мыслителей» никто не забывал теории прекрасного в своей системе философии.

Разрешив недоумение г-на Z относительно поэзии и науки, постараемся разрешить недоумение читателей относительно его статьи, происхождение которой, конечно, кажется им довольно загадочным. Дать положительный ответ на эти недоумения гораздо труднее. Зачем пишет г. Z статью против критики на книгу г-на Тулова? «не затем, чтоб защищать эту книгу от нападений критики»; зачем же? неужели затем, чтобы сказать: «я не знаю, что такое наука», «я не понимаю, что такое поэзия», «я не понимаю, каким образом должно писать историю литературы» и т. д. Но эти признания вовсе не так приятны для самолюбия автора, чтоб статья могла быть написана с целью придать им всеобщую известность. Может быть, г. Z хотел показать необходимость эстетической теории для историка литературы? это всего скорее можно было бы предполагать по вопросу, с которым обращается он к г-ну Введенскому: «не забыли ли вы еще чего-нибудь, необходимого для оценки писателей, кроме исторической критики? например, вкуса, понимания того, что называется поэзией, художеством (*художественностью?*), красою?» Но г. Введенский и не думает отрицать необходимость вкуса: это было бы смешно; что признает он и необходимость теории словесности, также не подложит, вероятно, сомнению, если вся его статья посвящена изложению метода этой теории. Кроме того, г. Z, «пресытившись чтением всевозможных эстетик» (№ курсов эстетики, заслуживающих ныне внимания, всего-навсего только два — Гегеля и Фишера), «решительно возненавидел игру в эстетические идеи», о которых, очевидно, получил он идею только из замечаний г-на Введенского на книгу г-на Тулова. С какою же целью написана его статья? Нам кажется, просто с целью написать полемическую статью. Но полемика имеет интерес, имеет смысл — и смысл весьма важный для науки — только тогда, когда возникает вследствие потребности защитить свои убеждения. А вся статья г-на Z носит грустные следы решительного отсутствия всяких убеждений относительно вопросов, о которых в ней трактуется. Эстетику г-н Z «прежде любил, но теперь возненавидел»; потом он пристрастился к истории литературы — «но и этому убеждению было суждено жить в его душе недолго»: во имя чего же восстает он против «требований современной науки»? Во имя — ровно ничего, во имя своего «разочарования»; а теперь для меня, говорит он, пришло «разочарование»; но мода на разочарование давно прошла; разочарованность ныне — отсталость, ни для кого не интересная; сомнения и недоумения разочарованных людей перестали быть даже поучительными. Поучительным навсегда остается только правило, защищаемое статьею, на которую нападает г. Z:

нельзя написать ничего ясного, дельного, ничего живого о предмете, с которым пишуший не знаком основательно; нельзя даже написать колкой полемической статьи, если предмет, о котором должна в ней идти речь, не по силам автору*.

* Все это уже было нами написано, когда мы получили от И. И. Введенского письмо, которому считаем нужным дать место в нашем журнале и по прочтении которого мы все-таки решились напечатать свою статью в том самом виде, в каком была она до получения письма. Вот письмо г. Введенского:

«М. Г. На этих днях прочли мне из «Современника» небольшую полемическую статью, изложенную в форме письма ко мне. Неизвестный автор, глубоко затаивший свое имя под буквою Z, старается, на основании юмористических соображений, опровергнуть мой взгляд на теорию словесности, который имел я честь представить читателям вашего журнала в декабре прошлого года, в своей статье, написанной по поводу книги г-на Тулова: *Руководство к познанию родов, видов и форм поэзии*. «Современник» очень хорошо знает, что, соблюдая правила литературной вежливости, я не оставляю без ответа каких бы то ни было возражений, направленных против меня. На этот раз, к великому моему сожалению, весьма легко может статься, что я принужден буду оставить без ответа полемическое письмо г-на Z. Вам известно, что я потерял зрение, почти до совершенной слепоты, и это обстоятельство лишает меня в настоящую минуту физической возможности взяться за перо или книгу.

Не думаю, впрочем, чтобы г. Z, изложивший свое письмо в форме юмористической, мог ожидать от меня серьезного ответа. В самом начале автор этой веселой статейки сознается весьма откровенно, что когда-то в давно минувшие времена, вероятно в первую эпоху своей цветущей молодости, он глубоко изучал умозрительную эстетику. Руководимый юношеской любовью к этой веселой науке, он, по собственному его признанию, даже с жаром написал прекрасную диссертацию о разнообразных гениях на поприще искусства, диссертацию, в которой было доказано, как дважды-два, что Микель-Анджело был гений, Рафаэль был гений, и что все другие гении тоже действительно были самыми гениальными людьми. Вскоре, однакож, в порыве юношеской горячки, он изорвал или предал сожжению эту превосходную, с жаром написанную диссертацию, и, поняв таким образом всю бесплодность эстетико-умозрительно-шарлатанского направления в науке, обратился к современной исторической методе, на основаниях которой должна быть излагаема теория словесности. Но и эта метода, неизвестно почему, не понравилась г-ну Z. По собственному его признанию, он перестал читать всякие исследования по теории словесности, почувствовал какое-то непостижимое разочарование в своей душе и, под влиянием этого разочарования, уж просто, без всякого рационального направления и без всякой методики, принялся рассуждать о явлениях изящного и обо всех дивных красотах в подлунном мире. Это же разочарование и было, по всей вероятности, единственным поводом к тому письму, которое он адресовал ко мне через «Современник».

Что прикажете отвечать такому скромному дилетанту в науке? Вероятно, вы найдете, что письмо г-на Z в строгом смысле не заслуживает ответа; но согласитесь, во всяком случае, что веселый автор письма рассуждает о предмете в высшей степени интересном и важном для всех тех, которые дорожат достоинством науки. Вот почему я искренно сожалею, что не могу теперь же отвечать г-ну Z. Как скоро медицина возвратит мне потерянное зрение, первое обязательство почту вступить в необходимые объяснения с безымянным критиком-юмористом, который, в настоящем случае, *volens-nolens**, принужден будет извинить мое молчание, быть может, продолжительное.

Имею честь, и пр. И. Введенский».

28 апреля 1854 г.

* *Хочешь — не хочешь (лат.) — Ред.*

Современные события начинают вызывать статьи в наших журналах, и вслед за «Санкт-Петербургскими ведомостями», уж два месяца печатающими ряд статей о Турецкой империи, «Современник» в 4-м номере поместил первую статью *Сведений о современном состоянии Европейской Турции*; в апрельской книжке «Библиотеки для чтения» также находим довольно большую статью г. Сенковского о Турции. Статья, помещенная в «Современнике», — компиляция, очень поспешно составленная по дзум или трем из вышедших в последнее время на немецком и английском языках брошюрам. Если не ошибаемся, главным материалом для нее служило сочинение Унгевиттера⁶. Начинается она довольно неудачным «географическим обзором Балканского полуострова», кудреватым и тяжелым; но следующие главы проще и лучше первой. Г. Сенковский пользуется заслуженною славой знатока Турции; потому вправе бы мы ожидать от него гораздо более интересных и основательных подробностей, нежели те, какие дает статья, написанная им для «Библиотеки». Но, как часто бывает с г. Сенковским, он увлекся в изложение мнений, лично ему драгоценных, и у него почти не осталось места сказать ничего, относящегося к существенно интересному ныне для нас предмету, — настоящему положению Турции. Сначала преподробно доказывается, что точных сведений о числе жителей в Европейской Турции невозможно иметь, потому что их не имеет и само турецкое правительство; что поэтому должны мы довольствоваться только предположительною, близкою к истине цифрою — да кто же и сомневался в этом? Хорошо по крайней мере, что напоследок принимается число жителей, принимаемое почти всеми — 15 миллионов. Судя по предшествовавшим рассуждениям, мы думали, что г. Сенковский будет восставать против этой цифры и будет утверждать, что жителей в Европейской Турции втрое более или втрое менее, нежели обыкновенно полагают, но если обыкновенная цифра довольно верна по его мнению, к чему же было и доказывать невозможность приблизиться к истине?.. Потом автор пускается в парадоксальные по форме доказательства, что турки в Европейской Турции вовсе не турки, что истинных туток в ней не три миллиона, как полагают, а разве тридцать тысяч, потому что остальные, так называемые турки не коренные турки, а или отуречившиеся албанцы, греки, славяне и т. д., или, если и турки, то принадлежали, до основания могущественного государства Османом, не к тому маленькому улусу, над которым первоначально властвовал Осман⁷ и его предки, а к другим соплеменным улусам, слившимся с этим первоначальным зерном... Кто же сомневался и в этой простой истине? Незачем только было выражать ее парадоксально и подтверждать оригинальным изложением общеизвестных фактов. Г. Сенковский, вероятно, полагал, что без этой обстановки основная мысль не имела бы никакой эффективности? И то может быть!

Наблюдательный путешественник и даровитый рассказчик,

написавший под именем «Саратовского купца Жаркова» интересные записки о *киргизах* (в «Библиотеке для чтения» 1852 г.), начал печатать продолжение их в апрельской книжке «Библиотеки для чтения» нынешнего года. Но, увлеченный собственным успехом, он слишком запросто стал толковать с читателями обо всем, что вздумается, и наполнил половину своей статьи ни к чему не ведущими отступлениями о том, «что значит попасть в тон» и т. д.; все эти разглагольствования показались ему нужными для того, чтоб представить себя истым купцом, человеком простым, не письменным. Но, пожелав слишком глубоко войти в свою роль, мнимый купец не только растянул свою статью во вред ее живой занимательности, но изобличил себя решительно не купцом: именно те страницы, на которые он хочет наложить печать истинно купеческого тона, написаны языком изысканным, натянутым, неприятным. Пусть мнимый саратовский купец меньше щеголяет перед нами своим купечеством и больше говорит о киргизах — мы будем ему за это очень благодарны, потому что о киргизах он рассказывает в самом деле прекрасно, и последняя половина его статьи очень интересна, между тем как первая производит самое неприятное впечатление.

Но решительно не стоило «Библиотеке для чтения» переводить такие статьи, как *Вена*, воспоминания Эжена Гино⁸, в которой нет ничего, кроме ничтожнейшей болтовни мимолетно проехавшего француза, успевшего познакомиться в Вене только с церемонным образом жизни полуаристократического общества, от которого он в несказанном восторге. В аристократическое общество, несмотря на все усилия, ему не удалось попасть, и он чрезвычайно грустит об этом, рассказывая, однакож, и об этом не доступном для него мире очень подробно. Общество, которое описывает г. Гино, везде одинаково: и в Лондоне, и в Берлине, и в Париже; поэтому записки его лишены всякого интереса.

В 3-й книжке «Пантеона» заметим хорошую статью г. Небольсина *Ловецкие рассказы о каспийском рыболовстве* (о тюленьем промысле). — *Христофор Колумб* Ламартина, по обыкновению этого писателя, отличается сантиментальною высокопарностью⁹. — Каким образом чрезвычайно плохая статья *Питание человека и животных* могла быть заимствована из «Динглерова политического журнала» — трудно понять: вероятно, она испорчена в переделке; но и это предположение не объясняет еще отсталости ее содержания.

В недавно вышедшей (24-й) книжке «Москвитянина» за 1853 год (выпуск которой задержан был, говорят, окончанием перевода «Ада» Данте) помещена статья одного из молодых наших филологов, П. Лавровского¹⁰: *Несколько слов о значении и происхождении слова «кмет»*. Статья эта заслуживает особенного внимания не по содержанию своему, а по тому стремлению, которому обязано своим появлением в печати, и о нем-то, об этом-то стремлении, мы хотим сказать «несколько слов». Много справед-

ливых насмешек было вызвано незрелыми и ничтожными «общими взглядами» на историю, философию, политическую экономию и т. д., «теориями», «опытами» и т. д., которыми в старые годы спешил, бывало, порадовать и просветить ученый мир всякий молодой человек, начинавший заниматься какой-нибудь из тогдашних модных наук. Теперь это время прошло. Вместо «общих взглядов» начало господствовать «подробное изучение материалов», и незрелые печатные произведения начинающих ученых приняли другой характер. Если я начал заниматься филологией (одна из модных наук) и открыл, что *облако* происходит от *облекаю*, или *воз* — от *возить*, или *дух* — от *дышать*, я тотчас же спешу передать ученому миру свое драгоценное открытие и посылаю о нем «несколько слов» в какой-нибудь журнал. И если моя статья будет напечатана (чего не случается?), я через неделю отправляю еще «несколько слов» о новом своем открытии, что *вера* не взято с латинского *verus*, а есть коренное славянское слово, потому что и по-сербски есть *вира* (вера), и по-польски *wiara*, и, наконец, потому, что «вера» имеет сродство с немецким *wahr*... Все это было бы прекрасно, если б эти старания о печатном сообщении новооткрытых истин не развивали до крайности тщеславия, которое, как известно, в конце губит охоту и потребность солидного изучения предмета. На этом основании мы считаем слишком поспешные извещения о великих, но до невероятности мелких открытиях, давно известных каждому, не совсем выгодными для дальнейшей ученой деятельности извещающего о них. Так и г. Лавровский, развернув чешский и сербский словари, увидел, что слово *кмет* общеславянское слово, следовательно, коренное славянское, а не заимствованное русскими или поляками от немцев, с которыми сербы не могли быть знакомы, и спешит предъяснить свое открытие нашим ученым. Но, во-первых, это мнимое открытие не имеет, оставаясь одиноким, ровно никакого значения. Если б оно и действительно было открытием, то сообщать его свету можно было бы не иначе, как в примечании к большому исследованию о чем-нибудь, имеющем какое-нибудь значение; во-вторых, все, что говорит г. Лавровский в «нескольких словах» на 14 страницах, давно известно всем без исключения славянистам. Такие открытия должны оставаться закрытыми от ученого мира до тех пор, пока их наберется тысячи, и в том числе несколько десятков будут принадлежать самому автору, а не будут взяты им из различных рукописных тетрадей, находящихся в руках у его знакомых. Тогда, сгруппировав их, он, может быть, напишет что-нибудь в самом деле заслуживающее печати.

В отделе наук 6-го номера «Москвитянина» помещена коротенькая статейка г. Погодина *О политическом равновесии*, напечатанная «с лишком двадцать пять лет назад» и теперь перепечатанная без всякой перемены.

В отделе исторических материалов находим *О Кулибине* (№ 24), дополнения из статьи «Нижегородских губернских ведомо-

мостей» к «Воспоминаниям» о Кулибине г. Пятерикова, помещенным в «Москвитянине» прошедшего года ¹¹; два маловажные документа: 1) Сведение от Абрама Петровича Ганнибала (предка Пушкина) о том, что в 1727 году Меншиков посылал его на китайскую границу для строения крепости и 2) Письмо княгини Дашковой к иркутскому генерал-губернатору Якоби о том, чтоб он прислал сибирских минералов для минералогического кабинета Академии наук (№ 24); сверх того продолжается «Смесь» Н. М. Карамзина, помещенная в «Московских ведомостях» 1795 года, в издании которых он участвовал (№ 6); начало этой перепечатки было помещено в первых номерах «Москвитянина» за нынешний год ¹². Нам кажется, что совершенно напрасно «Москвитянин» перепечатывает ее вполне: вся «Смесь» состоит из коротеньких статей, иногда только и то слегка компилированных, а большей частью переведенных без всякого изменения. Потому довольно было бы, составив ее общую характеристику, выписать для примера несколько статей. Заимствованы они, повидимому, все из французских газет или анекдотических сборников; большей частью это анекдоты из французских нравов, из французской истории, особенно из жизни французских литераторов.

ЖУРНАЛИСТИКА

<ИЗ № 6 ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1854>

<...> Риттер, превознесенный выше меры, и Сведения о современном состоянии Турции (в «Современнике»). — Свадебные обряды малоруссов г. Куприянова (в «Москвитянине»). — Письма о Болгарии, Ионические острова, Письмо о ботанике и Смесь Карамзина (там же). — Продолжение Записок купца Жаркова о киргизах и окончание Воспоминаний о ловле зверей в Сибири и пр. (в «Библиотеке для чтения»). — Прежняя и нынешняя Турция, Христофор Колумб, Похищение судна в Великом океане и статья Кузена (в «Пантеоне») <...>

«Всеобщее сравнительное земледование» Риттера принадлежит к числу самых достоуважаемых и капитальных ученых трудов нашего века, подобно «Путешествию по Америке» Гумбольдта; для географии оно так же важно, как для истории важны «Исторические памятники Германии» Перца, боннское издание «Византийских историков» по плану Нибура, «Путешествие по Египту» Лепсиуса, издание «Греческих надписей» Бёка, для изучения Востока издания Калькуттского общества и т. д., и т. д. ¹ «Сравнительное земледование» — богатейший и достовернейший источник наших географических сведений, как другие поименованные нами издания, представляют главнейшие материалы сведений, каждое по своей части. Риттер — ученый, принесший чрезвычайно много пользы своей науке; можно даже сказать больше: с Риттера начинается новая эпоха для географии. Но Риттер вовсе не принадлежит (и не имеет никакой претензии принадлежать) к числу тех

порождаемых веками гениальных людей, которые имеют могущественное влияние на весь ход развития человеческой мысли, подобно Бэкону, Декарту и т. д.; его даже нельзя поставить на ряду с теми глубокомысленными учеными, которые решают частные, но все-таки великие вопросы современной науки и которых всегда ученый мир считает десятками; между ученым величием Либиха, Фаредэ, Араго, Гумбольдта, Лейарда, Леопольда фон Буха (чтоб ограничиться естественными науками) и значением Риттера — расстояние огромное². Это известно всякому. Потому о Риттере нельзя говорить без величайшего уважения; но нельзя же представлять этого трудолюбивого собирателя материалов каким-то непостижимым и недостижимым гением, и потому чрезвычайно странное впечатление производит статья «Современника» (№ 5) о «Магазине земледения и путешествий», издаваемом г. Фроловым, возносящая скромного труженика выше Платона, Аристотеля и Бэкона, не говоря уже о Канте, Шеллинге и тому подобных «фантазерах»³. «Влияние Бэкона на науки было велико», говорит эта статья, «но оно не простиралось до того, чтобы заставить их смотреть друг на друга, как на части одного целого: такому взгляду предназначено было развиваться в наше время (стр. 12) чрез «Космос» Гумбольдта, «Земледение» Риттера». И для того, чтоб объяснить возможность появления и непостижимую философскую великость «Земледения», автор статьи находит необходимым изложить (конечно, в странном виде) историю развития человеческой мысли от индийских мирозерцаний до Бэкона, непосредственным преемником которого является Риттер. И Гумбольдтов «Космос» далеко не имеет того великого значения в науке, которое приписывается ему автором статьи: многие даже говорят, что «Космос» просто довольно хорошая энциклопедия естественных наук для неспециалистов, не имеющая почти никакого достоинства для специальных ученых; по крайней мере нет сомнения, что «Космос» ни на шаг не двинул науки вперед. Тем менее можно придавать огромное значение для всего организма наук Риттерову «Земледению», ученое достоинство которого несравненно солиднее, но зато и несравненно частнее, одностороннее, ограниченнее громадного по задаче, если не по выполнению «Космоса». Но в статье, о которой мы говорим, Риттер представляется величайшим из философов, какие только были на земле; он (говорится в ней) открыл миру какую-то новую идею, до того колоссальную, что она даже не может быть ясно выражена бедным человеческим словом, почти не может быть вмещена человеческим умом (стр. 7). Странно: никогда еще ученый мир и не читывал и не слыхивал о Риттере ничего подобного! Чрезвычайно интересно становится узнать эту великую идею, «глубина содержания и обширность пределов которой» не дают ей даже возможности высказаться ясно в 16 огромных томах «Земледения». Вот она, по соображениям автора статьи, «местность как причина и следствие других явлений» (конечно, в развитии человечества).

Вот что! Да это известно с тех пор, как раздаются банальные фразы о том, что «в Индии природа подавляет человека», что «под светлым небом Ионии родились сладкозвучные песни Гомера» и т. п. Гора родила мышь! Что развитие народа обуславливается страной, в которой он живет — это ясно высказано еще Аристотелем, а в наше время известно всякому, учившемуся истории хотя по руководству Кайданова⁴. Нового и гениального в этой «основной» мысли «Землеведения» столько же, сколько в мысли, что люди живут на земле. Заслуга Риттера не в придумывании «глубоких идей», а в неутомимом собирании географических, этнографических и (насколько они имеют связь с географией) исторических фактов. Мы сочли нужным сказать несколько слов о статье «Современника», потому что у нас чрезвычайно часто еще случается с удивлением читать о подобных новооткрытых гениальных идеях и всемирных гениях; жаль только, что они бывают одолжены своим значением в глазах авторов восторженных статей единственно потому, что эти авторы недостаточно знакомы с состоянием науки и не знают имен, гораздо более знаменитых в ученом мире, нежели то имя, которым они безотчетно увлеклись, вероятно, потому, что случайно наткнулись на него. Есть люди, которые до сих пор считают Кузена величайшим философом нашего времени⁵; почему же другим людям не считать Риттера величайшим философом всех времен и не говорить: «какой век может выставить что-нибудь подобное этому созвездию науки, озаряющему с недоступной высоты всё прошедшее и будущее человеческой мысли» (стр. 4). Хорошо еще, если предметом таких странных дифирамбов выбирается действительно замечательный ученый, как Риттер, а не какая-нибудь звезда семнадцатой величины, вроде Мишеля Шевалье и т. п.⁶

Кроме статьи о «Магазине землеведения», в пятом номере «Современника» продолжают *Сведения о современном состоянии Европейской Турции*, попрежнему не отличающиеся особенными достоинствами⁷. Составитель этих статей, кажется, слишком наскоро ознакомился с своим предметом: этим предположением объясняются неточность его понятий о внутреннем устройстве Турецкой империи. Так, например, по его словам, власть султана вовсе не имеет духовного характера; он вовсе не *глава мусульман*, а просто хан своего племени, какими были, например, ханы Золотой Орды. Нет, султан глава и официальный защитник суннитского исповедания, и власть его основана на коране столько же, если не больше, сколько на племенном начале: русским это известнее, нежели кому-нибудь. Крымские ханы, повелевавшие народом, не считавшим себя в племенном родстве с турецкими османлы, безусловно подчинялись турецкому султану, как повелителю правоверных, как *главе ислама*, а вовсе не как соплеменнику; султан провозглашал всегда народную войну, как преемник Мухаммеда *, водружая

* Магомета. — Ред.

не свое племенное, а религиозное мухаммедово знамя. На этом-то преобладающем значении власти султана и основана роковая невозможность для него дать права своим христианским подданным...

В 7-й и 8-й книжках «Москвитянина» г. А. Н. Николаев поместил хорошо составленное описание *свадебных обрядов малоруссов Суджанского уезда* (Курской губернии), приложив к своему рассказу, очень живому и верному, несколько десятков песен, поющих при этих обрядах.

Заметим еще в «Москвитянине» (№ 8) рецензию г. Куприянова на сочинение г. Неволлина о «Пятинах и погостах новгородских»⁸, в которой сообщены довольно важные выписки из подлинной «Приходской книги новгородского архиерейского дома 1577 года». Жаль только, что г. М. П.⁹ прибавил к рецензии не совсем умеренное примечание: «Москвитянин гордится уже многими именами молодых деятелей (которым дал ход). К числу их принадлежит г. Куприянов». Если «Москвитянин» гордится тем, что дал ход, оказал услугу г. Куприянову, то мы не думаем, чтобы помещение дельной статьи давало право редакции какого-нибудь журнала выставлять свое необыкновенное великодушие к автору; если же «Москвитянин» гордится необыкновенным достоинством статьи г. Куприянова, то сам г. Куприянов, конечно, согласится, что так пышно хвалить его рецензию, на которой он, вероятно, не думает основывать своей ученой славы, статью хорошую, но вовсе не особенно замечательную, — значит компрометировать ее.

Письма из Болгарии о положении болгар под турецким владычеством, перепечатанные в «Москвитянине» (№ 8) из «Одесского вестника», интересны потому, что писаны очевидцем всех беспорядков, притеснений и жестокостей, которые терпели бедные болгары. Напротив того, *Ионические острова под покровительством Англии* («Москвит.» № 7) — компиляция или извлечение, составленное очень неудачно по дурным английским статьям, авторы которых выставили в черном свете все немногие благонамеренные действия некоторых английских правителей этого государства и превознесли (как выгодные для упрочения английского господства) все стеснительные или жестокие меры других. Составитель компиляции, помещенной в «Москвитянине», изменил, сообразно справедливости, многие из этих суждений, но несправедливости очень многих не заметил, и его статья представила хаотическое смешение гуманных понятий, принадлежащих ему, с своекорыстными суждениями англичан.

Письма о ботанике Шлейдена («Москвит.» № 3) слишком напоминают его «Лекции о ботанике», которые были переведены в одном из наших журналов¹⁰.

В «Исторических материалах» (№ 7) «Москвитянин» продолжает перепечатывать *Смесь Московских ведомостей 1795 года*, которая составлялась тогда Карамзиным. О бесполезности этой перепечатки мелких статей, переведенных с французского и несколько не характеризующих Карамзина, мы уже говорили¹¹.

Говоря о первой статье *Записок купца Жаркова о киргизах* («Библ. для чт.» № 4), мы с сожалением заметили, что наблюдательный автор слишком мало говорит о киргизах, и слишком много обо всем остальном в России и в свете¹²; но все-таки в первой статье было еще несколько страниц, относившихся к настоящему предмету «Записок»; во второй статье («Библ. для чт.» № 5) нет уж ни одной такой — не только страницы, даже строки; автор решительно вдался в свои мирозерцания и сначала размышляет о красотах русских народных песен, представляя и образцы их: «Не бушуйте вы, ветры буйные», «Вы, победные головушки солдатские» и проч., потом говорит о мебели и экипажах, о том, что «женщина слабее мужчины по сложению и хитрее по уму» и «умеет каким-то манером подладить мужчину так, что он, каков бы ни был у него грозный норов, непременно станет во всем угождать ей» и придумывать экипажи для своей подруги «повальяжнее», например, венские коляски и кареты на лежащих рессорах. Вообще, по собственному признанию, автор читает рацеи: «я не боюсь, что про меня скажут, будто я читаю рацеи» и заключает статью так: «а какие у киргизов занятия и в каких полезных трудах они препровождают свое время, об этом речь у меня дальше». Мы осмелимся откровенно сказать г. Жаркову, что и первая, особенно же вторая статьи его отнимут у многих охоту читать его «Записки» дальше. Говорите о том, о чем взялись говорить и о чем можете сообщить что-нибудь интересное, а не о гулянье в Екатерингофе, в котором, как всем нам известно, киргизы не принимают участия. Не идущие к делу рассуждения уж наскучили нам и во французских фельетонах.

В 5-й книжке «Библиотеки» оканчиваются *Воспоминания о ловле зверей в Сибири* г. Черепанова, о которых мы имели уж случай говорить¹³; оканчиваются также *Из Парижа в Черногорье*, путевые заметки Мармье (статья третья) и *Воспоминание странствующего врача о Канарских островах* (статья вторая). И те и другие не отличаются особенными достоинствами.

Следуя примеру других журналов, «Пантеон» представляет статью *Прежняя и нынешняя Турция*; но о нынешней Турции в ней нет ни слова, да и о прежней сказано мало, потому что говорится только об основании Константинополя, потом о взятии его крестоносцами и Мухаммедом II. — Окончание статьи Ламартина *Христофор Колумб* («Пант.» № 4) так же сантиментально, так же бедно содержанием и обильно вычурными фразами, как и начало¹⁴. — *Похищение судна в Великом океане* пустой, но довольно легкий рассказ, какого-то француза о том, как шкипер бросил его и его товарищей на пустынном острове, где они голодали, пока другое судно не взяло их на борт. — Не таковы «Воспоминания» о Калифорнии г. Ротчева (статья четвертая, «Пант.» № 4), по-прежнему очень интересные и прекрасно написанные¹⁵. — В числе французских ученых знаменитостей, каждое слово которых считается драгоценным перлом глубокомыслия, учености и легкости,

до сих пор для некоторых остается совершенно выписавшийся ныне Кузен. Ничтожная и до наивности забавная статейка его *Маркиза Сабле и литературные салоны XVII века* переведена в «Пантеоне». Великий, по мнению *Journal des débats* и *Revue des deux mondes*, философ с важностью толкует о «замечательнейших» из «мыслей» (*maximes*) маркизы Сабле, например: «Злоба открывает недостатки даже между добродетелями, что скорее можно назвать зародышем зла, чем умением понимать предметы как они есть». Или: «Главная сторона предметов заключается в том, каким образом их выказывают, и вид, который придают им, смягчает самые неприятные из них». Предположим, что по-французски это сказано лучше, нежели вышло в русском переводе; но все-таки подобная мудрость не годится и для прописей; а Кузен серьезно рассуждает о влиянии философии мадам Сабле на Паскаля! ¹⁶ Когда мы избавимся от поучений Кузена и от остроумия французских фельетонистов? — Ряд статей об *итальянской живописи* продолжается в «Пантеоне» (№ 4), и вторая из них уведомляет нас, что Верочию «первый начал моделировать с натуры», хотя в ней же самой всего двумя страницами выше говорится, что Беато Ангелико (Анджелико?), живший за тридцать или за сорок лет до Верочию, «для модели выбирал всегда самых красивых женщин» (стр. 9 и 11) ¹⁷. Она уверяет также, будто бы «живопись масляными красками обладает такой прочностью, что картины, существующие более трехсот лет, сохранили тот самый вид, в котором они вышли из-под кисти художника; некоторые из них даже приобрели более гармонии в колерах» (стр. 17). Всякий, хоть однажды побывавший в какой-нибудь картинной галлерее, знает, до какой степени это справедливо.

ЖУРНАЛИСТИКА

<ИЗ № 7 ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1854>

<...> История моей молодости, соч. Араго («Современник»). — Жизнь и смерть последнего владыки Черногории, статья г. Ковалевского. (Там же). — Ловецкие рассказы о каспийском рыболовстве, г. Небольсина*. («Пантеон»); Белоруссия в характеристических описаниях, г. Шпилевского. (Там же).

Статья о Риттере, написанная по поводу издания г. Фроловым II тома «Магазина земледения и путешествий» и столь восторженно превозносящая Риттера выше всех великих современных ученых, окончена в июньской книжке «Современника» и принадлежит г. Ушинскому. Узнав имя автора, мы можем объяснить панегирический характер статьи, кроме догадки, высказанной в

* В журнале ошибка: вместо «каспийском рыболовстве» напечатано «китайском». — *Ред.*

прошедшей книжке «Отеч. зап.», преданностью автора своей любимой науке¹.

«История моей молодости», посмертное сочинение Араго, перевод г. Д. М. П-ва², кроме важности для биографии знаменитого ученого, имеет еще и то достоинство, что написана прекрасно, как и все, что писал Араго; главное содержание этого отрывка — чрезвычайно интересные странствования и бедствия Араго во время испанской войны, которая застала его на острове Майорке. В общих чертах известно было, скольким опасностям подвергался Араго прежде, нежели успел добраться до Франции; но ходячие рассказы были не совсем верны и не сообщали тех истинно романтических подробностей, которые так завлекательны в простом, но живом и прелестном рассказе самого Араго.

Из оригинальных статей «Современника» лучшая «Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие затем события» Ковалевского³. Геройское мужество черногорцев, которое в последнюю войну их с Омер-пашою проявилось едва ли не с большим блеском, нежели когда-нибудь, придает важность ничтожному клочку бесплодной земли, населенной горстью людей⁴. В настоящее время Черногория по выгодному своему положению относительно театра войны, привлекает всеобщее внимание. Поэтому статья г. Ковалевского является как нельзя более кстати.

«Ловецкие рассказы о <каспийском> рыболовстве» («Пантеон» № 5: II. Рыболовные суда; III. Наблюдения ловцов над рыбою) г. Небольсина представляют довольно много интересных сведений, как и все статьи уважаемого автора; может быть, надобно только пожалеть о том, что он слишком решительно отвергает возможность пользы от опытов над искусственным размножением рыб. Зачем смеяться над этими исследованиями, которые только еще начинаются, которым посвятили свои труды замечательные физиологи и которым предвещают успех первые естественные испытатели и у нас и за границею? Вопрос так нов, что практическая опытность самых бывалых людей далеко недостаточна для решительного приговора; и все, что мы, неспециалисты, можем сказать в этом деле, едва ли не должно ограничиться словами: искусственное разведение рыб — замысел смелый и трудный; но отчего же быть ему невозможным, когда успешно идет дело, повидимому, гораздо более затруднительное — искусственное высиживание цыплят?

«Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических поверьях» г. Шпилевского⁵: 1) «Золотая щука, сказка» («Пант.» № 5). — В этой сказке язык г. Шпилевского так же изыскан, как общее заглавие его статей: «Оскорбилась кочерга, что князек не хотел избрать в жены себе ту княжну, которую она просватала за него; но Сеня-князек был непреклонен в своем намерении. Кочерга с гневом грозила ему страшным наказанием»... Таким языком нельзя передавать народных сказаний. 2) «Свадебные обряды у застенковцев Витебской губернии» описаны гораздо проще.

Некоторые обряды значительно разнятся от великорусских. Так, например, при обручении «невеста подходит к жениху, бояре (дружки жениха) подносят ей водку, и она обязана налить ее в свою рюмку и подать жениху. Это означает согласие невесты на вступление в брак с предлагаемым женихом». Когда жених после обручения прощается, «невеста снимает с его головы шапку и надевает венок из цветов (летом свежих, а зимою сухих); с этим венком жених возвращается домой; там его мать снимает венок и бросает в печь». В противность нашему правилу, что жених в день свадьбы не видит невесты до самого приезда ее в церковь, у застенковцев соблюдается следующий обычай: к тому времени, когда одеванье невесты окончено, в невестин дом приезжает жених с боярами; отец невесты встречает его и вводит в ту комнату, где сидит невеста с подругами; все садятся; невеста встает и говорит отцу: «Родные мои батюшки! дайте мне лошадь и телегу, чтобы она повезла меня в церковь, где люди собираются, господу богу молятся». — «Отец невесты встает и, взяв ее под руку, ведет на двор и сажает в незапряженную телегу. Жених запрягает лошадей», и поезд отправляется в церковь. Из этого видим, что роль невесты в свадебных церемониях гораздо более самостоятельна у белорусских застенковцев, нежели у великоруссов.

Статья «*Прежняя и нынешняя Турция*», продолжаясь, достигла в 5-м номере «Пантеона» до современности и описывает нынешний Константинополь.

Г. Серов напечатал в этой же книжке довольно хорошую статью о Беллини, переделанную из статьи одного немецкого музыкального журнала⁶.

ЖУРНАЛИСТИКА

<ИЗ № 8 ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1854>

<...> Исследования о балтийских славянах, г. Гильфердинга; Картина аханного * рыболовства при устье Урала, г. Железнова; Кизильские татары; Европейская Турция в нынешнюю войну; Торговый флот в Англии; Переход Александра Великого через Гидасп; Письма Петра Великого к Шафирову; Людовик XVII; Письма о ботанике Шлейдена; Письма Либиха о жизни; Грёз; Консульство и империя, дю-Карне; Смесь из «Московских ведомостей» 1795 года. — Статьи №№ 6 и 7 «Библиотеки» для чтения»; Обзорение «Вологодских губернских ведомостей»; Доницетти; Путешествие в Луристан и в Аравистан; Сейденгэмский дворец и пр. — Статьи в 6-й кн. «Пантеона»; Костяные копии; Белоруссия, г. Шпилевского; Письма из-за границы, г. Мундта и пр. <...>

«Исследования о балтийских славянах» г. Гильфердинга¹ («Москвитянин» № 10) должны назваться не столько самостоятельными исследованиями, сколько сводом результатов разысканий других славянских историков; это, впрочем, выгодным обра-

* Сетевого. — Ред.

зом отличает новое произведение молодого писателя от его прежних брошюр, в которых он достигал новизны и оригинальности положений во вред основательности. Прежняя любовь к смелым гипотезам, неопирающимся на факты, проглядывает только в немногих местах, например, в мысли, что Атила не затем шел на юго-запад из своих степей, чтоб разграбить заманчивые для ди-карей богатством и внутреннею слабостью римские области, а затем, чтоб истребить немецкие дружины и очистить от них Восточную Европу; г. Гильфердинг даже верит, что и в Галлию Атила пошел только затем, чтобы отыскать там бежавших от него готов, что если бы франкские князья выдали ему готов, то он оставил бы в покое их богатые города. Это все равно, что думать, будто бы чингисхановы орды прошли Русь с огнем и мечом не из желания покорить и ограбить ее, а в самом деле из отщепенности русским за то, что они укрыли бежавших от татарского отряда половцев. Романтизм в V веке не входил еще в моду ни у готов, ни у авар, ни у гуннов, как неизвестен был и батыевым ордам в XIII столетии. Также бездоказательно предполагает г. Гильфердинг и в славянах сочувствие к Аттиле. Что славян в его державе и войске было множество — это факт; почти несомненно, что они составляли главную массу его войска; но они сделались воинами Аттилы, конечно, только по той же причине, как и немцы: они были побеждены и принуждены повиноваться победителю. Что славяне не питали никакого сочувствия к гуннской державе, свидетельствует (кроме естественной нелюбви к свирепым иноплеменным грабителям) уж то, что по смерти Аттилы государство его тотчас распалось по той причине, как мы положительно знаем, что все покоренные племена, немецкие и славянские, совершенно одинаково воспользовались первым замешательством свирепых пришельцев, чтоб сбросить с себя ненавистное иго. Точно так же и немцы во время великого переселения народов очистили страны между Вислою и Эльбою главным образом потому, что тянулись вслед за своими передовыми одноплеменниками на римские области, на богатые юго-восточные земли, а не по какой-нибудь другой причине. Слишком упорной борьбы между славянами и немцами в VI—VIII веках на севере Европы мы не вправе предполагать. И если нам не осталось положительных свидетельств о том, как совершилось занятие славянами прибалтийских областей, то Козьма Пражский сохранил нам достоверные народные предания, что занятие Богемии чехами совершилось мирно или почти мирно; что чехи заняли эту землю потому, что она была пуста, покинута прежними жителями, ушедшими на юг. Напрасно также г. Гильфердинг полагает, что готы были «малочисленная дружина»: мы знаем, что это был очень многочисленный народ; одно только остготское племя, пошедшее в Италию с Теодорихом, состояло из нескольких сот тысяч душ. Если б готы были малочисленны, конечно, им не удалось бы покорить всех восточных славян, дух которых прекрасно высказался в словах Лавретаса: «Не по-

рялись мы никому и не покоримся, пока будут у нас мечи»². Г. Гильфердинг основывает свое мнение о малочисленности готов и других немецких племен в Восточной Европе на сказке, что готы приехали в Германию из Скандинавии на трех судах; эта сказка давно признана чистою выдумкою. Готы пришли в Восточную Европу не с северо-запада, а с юго-востока, если не прямо с юга, как думает Гримм, не совершенно бездоказательно признающий готов в гетах. За мнение Гримма сильно стоят диоскоридовы списки дакских названий лекарственных трав³ и очевидное отношение немецкого Ablaut * и Lautverschiebung **, в котором стоят имена Getae и Gothi. Не соглашаясь с г. Гильфердингом во всех его гипотезах, мы, однакож, радуемся тому шагу вперед, который он сделал: в новом его исследовании произвольные мнения стоят на втором плане, а не составляют сущности труда, как это бывало прежде⁴. Еще более будем рады, когда он сделает второй шаг вперед к непредубежденному взгляду на славянские древности и совершенно откажется от пристрастия к Аттиле, гуннам и другим их сореовнователям: тогда, при его трудолюбии, славянская наука приобретет в нем полезного деятеля.

«Картина аханного рыболовства при устье Урала», г. И. Железнова⁵ («Москвитянин» №№ 9 и 10) — довольно живой рассказ о тех страшных опасностях, которым уральцы подвергаются во время своего аханного рыболовства, о той неимоверной смелости и находчивости, с какою борются они против страшных морских невзгод. В Урале, который прежде называли «золотым дном», ныне ловится рыбы гораздо меньше, и уральцы должны теперь искать себе добычи уже в море. Там на хилом льду ставят они свои «аханы» (сети); чем далее от берега, чем на большей глубине поставишь «аханы», тем богаче будет улов; поэтому смельчаки уезжают очень далеко в море. Но вот поднялся ветер, и лед взволновался: рыболовы спешат к берегу, бросая часто и пойманную рыбу, и сети, и все свои пожитки. Хорошо еще, если им удастся перебраться на крепкий лед, пока щель или полынья не слишком широка; а что будет с ними, если течение быстро, и льдину, на которой расположились они, в несколько минут унесло далеко от крепкого берегового льда? Их жизнь на волоске; они носятся по открытому морю; однакож они не думают унывать: авось льдину опять принесет к твердому льду прежде, нежели она успеет растаять; но не всегда это бывает; часто льдина носится по морю, не прибываясь к берегам, пока растает; бывают и другие опасности, кроме весеннего тепла: пловучие льдины беспрестанно сталкиваются и ломаются в мелкие куски. Что делать? Как спастись, когда льдина разбивается или растаивает? И тут смельчаки не унывают: они режут своих лошадей (на которых отвозится пойманная рыба и перевозятся сети), делают из кож

* Чередование гласных. — Ред.

** Перебой согласных. — Ред.

«бурдюки», надутые воздухом, привязывают их по три и по четыре к саням, берут уцелевшие съестные припасы и носятся на этих импровизированных миниатюрных плотках по морю. Отчаиваться еще нечего: не ныне — завтра наедут на эти места астраханские промышленники и выручат из беды; а если не встретятся и астраханцы, дело все еще непогибшее: подует южный ветер и прибьет плоты к берегу. Да и как не прибить? Ведь пловцы помогают случаю: неустомимо гребут они веслами, столь же импровизированными, как и плоты; эти «весла» — широкие лопаточные кости убитых лошадей... «Многострадавшему» от волн Одиссею не приходилось испытывать и десятой части этих опасностей; и удивительнее самой твердости духа погибающих то, что большею частью им удается спастись. Г. Железнов очень недурно рисует все эти интересные сцены и, кроме того, успевает передать довольно много подробностей о быте и нравах уральцев. Кого не остановит некоторая цветистость первых страниц его рассказа, тот не пожалеет, что продолжал читать статью, и, наверно, прочтет ее с возрастающим интересом до самого конца.

Не так замечательна другая этнографическая статья «Москвитянина» (№ 11) *Кизильские татары*, слишком краткая и красноречивая. Но в «Пантеоне» (№ 6) есть рассказ неизвестного автора *Костяные копи*, почти столь же картинный и живой, как и любопытная статья г. Железнова. Якутский удалой промышленник Иван Иванович слыхивал от знакомого камчадала, старика Сакалара, что в Новой Сибири есть богатые копи мамонтовой кости, никем не посещаемые, и подговаривает старика ехать туда забрать богатство. Опасности пути в Новую Сибирь и оттуда рассказаны очень недурно. Все эти подробности слегка приправлены поэтической интригой: Иван Иванович решился разбогатеть, чтоб жениться на богатой вдове-красавице, которая не пошла бы за бедняка; но в продолжение двух лет страшного путешествия он привязывается к дочери своего провожатого, из любви к отцу и еще больше к смельчаку-промышленнику решившейся разделять с ними все опасности. Доехав до Колымска, Иван Иванович женится на ней — и хорошо делает, потому что прежняя красавица, не дождавшись его, вышла замуж за нового жениха. Странно, что в рассказе неизвестного автора расстояния считаются не верстами, а английскими милями. Это наводит нас на мысль, не переведен ли рассказ с английского? Недаром не выставлено имени автора... Если так, то совершенно объясняется странное противоречие между высоким слогом некоторых фраз действующих лиц и простотою и естественностью всего рассказа. Надутость выражений были бы просто виною переводчика. Если же наша догадка ошибочна, то мы посоветуем автору заметить в своих «Костяных копиях» этот недостаток и вперед остерегаться его: тогда его рассказы будут всем нравиться.

«Москвитянин» довольно часто помещает в извлечении статьи иностранных журналов, более или менее касающиеся настоящей

войны⁶; не всегда выбор или исполнение бывают удачны; но в этом нельзя упрекнуть небольшую статью *Европейская Турция в нынешнюю войну* («Москвит.» № 9), извлеченную из «*Revue britannique*». Ничего нового в ней нет, но везде видно знакомство автора с делом.

Более односторонности в статье *Торговый флот в Англии* («Москвит.» № 9). «*Morning Chronicle*», из которого извлечены эти сведения, не пользуется особенным доверием и в самой Англии по чрезвычайной эксцентричности своих мнений. Что американские торговые суда лучше английских, что матросы на торговых американских судах получают больше жалованья и содержатся лучше, нежели на английских, что поэтому часто случаются побег матросов с английских судов на американские — все это факты; но с 1850 или 1848 года, к которому относятся сведения «*Morning Chronicle*», многое изменилось; теперь странно говорить, как уверял Нэпир несколько лет назад, что французский пароходный флот сильнее английского⁷. Сам Нэпир говорил это только для того, чтоб англичане не переставали заботиться о средствах к защите против угрожавшей им тогда французской высадки, и преднамеренно описывал силу французского флота слишком яркими красками. Французский флот не так хорош и силен, как кричали в испуге английские газеты; не совсем так теперь и очень многое, выставляемое вперед статьею, переведенною «Москвитянином».

Странна маленькая статейка г. Я. Д., помещенная в том же номере «Москвитянина»: *Переход Александра Великого чрез Гидасп.* Автор думает, что описание этого события у Квинта Курция⁸ представляет очень точную картину перехода русских войск через Дунай. Сходства между тою и другою переправою нет никакого: и местность, и обстоятельства совершенно различны. Не говорим о мелких исторических промахах г-на Я. Д., называющего, например, Пора, одного из множества индийских раджей, обладателем всей Индии (!), хотя Квинт Курций на той же странице говорит, что и в Пенджабе у Пора были соседи, не менее его сильные. Уже это одно обстоятельство, если б автор захотел вспомнить о нем, могло бы навести его на мысль, что между иррегулярною армиею князька, сражавшегося отчаянно, и регулярными войсками султана нет ни малейшего сходства. И какое право мы имеем удивившего самого Александра геройскою решимостью Пора, бившегося до последней капли крови, не отступая ни на шаг, унижать сравнением его с турецкими полководцами, которые отступили перед победоносными русскими войсками?

В «Исторических материалах» № 9 «Москвитянина» помещено *Письмо Петра Великого к Шафирову*⁹, бывшему послом в Турции, о несообразности требования турецкого правительства, чтоб русские войска на возвратном пути из Померании не касались польских владений, потому что другого пути из Померании в

Россию нет. Письмо, по обыкновению, очень кратко и сильно. Вот его сущность: «А что вы говорили... через Дацкую землю (иттить войску) то разве вы разума отбыли? Землю переделать нельзя; а если б и крылья имели, то чрез оную ж землю (Польшу) лететь и для отдохновения на оной же б садитца».

Кроме того, в 9—12 книжках «Москвитянина» заметим: *Людвик XVII* (окончание в 9-й книжке, начало в 8-й) — перевод очень интересного рассказа о судьбе царственного дитяти, личность которого, энергичная и пробуждающая полное сочувствие, была так мало известна. *Последний судебный поединок во Франции*, статья, не заслуживавшая чести перевода, одна из сотен тех статей, которые пишутся для «*Moniteur de la mode*», «*L'Artiste*» и других журналов того же разбора; это украшенное прелестями фантазии и сентиментальности распространение ничтожного анекдота, не характеризующего ни эпохи, ни людей.

В № 11 «Москвитянина» продолжают *Письма о ботанике Шлейдена*, о которых мы уж говорили¹⁰. Шлейден известный ботаник и знаменитый в Германии популярный писатель; но часто ему приходит фантазия, для большей живости и разнообразия в популярных сочинениях, прикидываться причудливым и преднамеренно стараться, чтоб его рассказы были бессвязны, метаться повсюду, заговаривать обо всем, ничего не успевая досказать, начинать с середины, с конца и выделять тысячи фокус-покусов; от этого он часто пишет так, что сбивает с толку читателя. Последнего достигают нередко и его «Письма о ботанике».

Несравненно выше достоинство *Двух писем Либиха о химии* («Москвит.» № 12); они чрезвычайно популярны и легко написаны, и между тем в них нет ни одного слова пустого, почти ни одного слова, которое не имело бы высокой цены и для специальных ученых; не говорим уж о том, что гениальных и светлых взглядов и в этих «Письмах» так же много, как и во всем, что написал Либих. За перевод их читатели будут благодарны «Москвитянину»¹¹.

Статья Шарля Блана *Грёз* («Москвит.» № 11) также очень недурна¹². От обыкновенных статей о живописи и живописцах, которые так утомительно и бесполезно читать, она отличается тем, что на самом деле понятно и в связи с эстетическим движением современной Грёзу эпохи объясняет значение картин этого живописца. О Грёзе всем известно, что он писал чрезвычайно грациозные и наивные головки молоденьких девушек. Прочитав статью Шарля Блана, отличного знатока живописи, мы увидим, что это была только одна сторона грёзова таланта; общее значение этого живописца в истории французского искусства то, что он в холодную и прикрашенную живопись XVIII века ввел естественность, простоту, стремление писать сцены, близкие сердцу каждого из нас, а не какой-нибудь парисов суд, аллегорически

изображающий легкомысленных красавиц, или Ахиллеса, влачащего вокруг стен Трои труп Гектора.

Статья дю-Карне *Консульство и Империя* (там же) не заслуживала перевода. Дю-Карне один из нынешних французских разглагольствователей о политических вопросах, подобно другим своим сподвижникам, очень небогатый ни мыслями, ни знаниями. Он повторяет Тьера и воображает, что «показал истинное значение 18 брюмера, которого доселе не могли понять» и т. п. Кроме этого, статья дю-Карне заключает в себе только выписки из общеизвестных книг, нисколько не интересные¹³.

Нет надобности прибавлять, что в «Москвитянине» продолжается перепечатка *Смеси из Московских ведомостей 1795 года*, редижированных * Карамзиным. За один год «Смесь» перепечатать возможно, хотя и трудно, как это видно из опыта «Москвитянина», уж давно начатого и все еще не пришедшего к желанному концу. Но что было бы делать, если б Карамзин издавал «Московские ведомости» в течение сорока лет? Неужели надобно было бы перепечатывать в «Москвитянине» «Смесь» всех сорока годов? Гегель когда-то издавал два или три года газету¹⁴; но ученики, собравшие до последней строчки сочинения своего наставника, не сочли же нужным помещать в число их статейки о том, что «Из Барселоны пишут, будто бы герцог Веллингтон одержал новую победу над французами»; очень можно было бы не перепечатывать и статейки из «Смеси» «Московских ведомостей» о том, что, «по словам испанцев, красавица должна иметь три вещи черные: глаза, брови и волосы; три вещи белые: лицо, зубы и руки; три вещи розовые: губы, щеки и ногти» и т. д.; можно найти и в «Письмовнике Курганова»¹⁵ такие рассказы и анекдоты; личности Карамзина как писателя они вовсе не характеризуют.

В «Библиотеке для чтения» бывают иногда очень оригинальные статьи, какие в других журналах попадают только на обертке, представляющей, как известно, оглавления книжек. Вот, например («Библ. для чт.» № 7), *Обозрение Вологодских губернских ведомостей* за 16 лет (1838—1853). Это более ничего, как голый список заглавий всех статей, помещенных в «Вологодских ведомостях». Но в оглавлениях отмечается, на какой странице книжки помещены статьи, в этих цифрах и весь смысл оглавлений; оглавление, помещенное в «Библиотеке для чтения» не указывает, где, в каком году и в каком номере «Ведомостей» находится статья, и потому не может иметь никакой цели. Читатели не поверили бы нам, если бы мы не представили для образца нескольких строк. Вот пример: «Материалы для археологии немногочисленны. Они заключаются в шести статьях. Г. Мельников составил две статьи: о ценах в Устьсысольске в XVII столетии и в настоящее время и сравнение старых цен на меха пушных зверей в Усть-

* Редактированных. — Ред.

сысольском уезде с нынешними. Г. Муромцев описал состояние Вологды в 80-х годах XVIII столетия; гг. Сорокин и Левитский написали статьи... и т. д. Скажите же, где и как отыскать эти статьи в 16 томах и 840 нумерах «Вологодских ведомостей» за 1838—1853 годы? Нельзя не сказать при этом, что материалы для *curiosités littéraires* * в «Библиотеке для чтения» многочисленны: г. Василий Ардашев поместил «Обозрение Вологодских губернских ведомостей», непосредственно вслед за ним сама редакция поместила статью «Доницетти»¹⁶, представляющую на нескольких страницах опять голый список заглавий всей сотни мелких и крупных, замечательных и ничтожных произведений этого композитора. Посоветуем «Библиотеке для чтения» поместить еще статьи «Черни» и «Герц»¹⁷ — списки их произведений гораздо удобнее для наполнения журнала легким чтением; они займут по несколько печатных листов. На-днях, думая дочитать *Мечты и действительность*, мы прочитали несколько страниц «Музыкального каталога», подвернувшегося под руку вместо июльской книжки «Библиотеки для чтения», не замечая, что это не «Мечты и действительность»; там увидели мы Czerny, *Variations brillantes sur le piano-forte*, op. 593; Henri Hertz, *Variations brillantes*, op. 948 **. Итак, эти композиторы могут быть предметом статей, по объему достойных уж не «Смеси», а «Наук и художеств», как знаменитая статья «Библиотеки для чтения» — «Музыкальная коллекция аббата Спонтини», представлявшая в целых двух нумерах журнала полную опись всей музыкальной библиотеки Спонтини¹⁸.

Путешествие в Луристан и в Аравистан (статья первая и вторая, «Библ. для чт.» №№ 6 и 7) недурны; но почему не говорит «Библиотека для чтения» переводные они или оригинальные? Сначала нам показалось, что автор англичанин: он беспрестанно цитует стихи Мура¹⁹; потом подумали мы, что он француз: он так подробно говорит о характере какой-то французской старухи, вздумавшей поселиться в Персии, что статья показалась нам писанною для французской публики; наконец мы прочли фразу «персидская степь похожа на сибирскую тундру» — это писал не иностранец; кто же автор? Перевод или оригинальное сочинение «Путешествие в Луристан»?

Сейденгэмский дворец, статья первая, представляет перевод первых из ряда писем, помещавшихся в английском «Атенее» об историко-архитектурных палатах Кристального дворца; перевод (г. Ушинского) не совсем полон, но хорош; письма очень занимательны. Но дурно предисловие к их переводу, говорящее, что «Сейденгэмский музей — ящик фигляра, из которого вылезает все, что угодно, по воле зрителя», что «шарлатанство с одной сто-

* Литературных курьезов. — *Ред.*

** Черни, *Блестящие вариации для фортепиано*, опус. 593; Генрих Герц. *Блестящие вариации*, опус. 948. — *Ред.*

роны и невежество с другой — будут играть значительную роль в этом осьмом чуде света».

В № VII «Библиотеки для чтения» заметим статью г. Сенковского о волосах, по поводу русского перевода книжки Дебэ *Полная гигиена волос*. В этой статье не много парадоксов, зато, к сожалению, в этой книжке «Библиотеки» нет вовсе Литературной летописи, как будто в июне не вышло ни одной новой русской книги.

Третья статья *Записок о киргизах*, купца Жаркова, говорит иногда и о киргизах — это довольно приятная новость после второй статьи, не говорившей о киргизах ни слова²⁰.

В июньской 6-й книжке «Пантеона» помещено несколько недурных статей серьезного содержания. Мы уже упоминали о рассказе *Костяные копи*; скажем еще, что продолжение большой статьи г. Шпилевского *Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических поверьях*²¹ представляет в июньской книжке интересные и легко читающиеся отрывки о белорусских игрищах, о чарах, заговариваниях и предрассудках, в числе которых записано г. Шпилевским довольно много народных поверий, интересных и для ученого исследователя народности. Так, например, мы не помним, чтоб где-нибудь были уже обнародованы подробности белорусских поверий о ведьмах. По белорусским сказаниям, ведьмы делаются невидимыми, обвиваясь с ног до головы одною ниткою, выпряденною из кудели. Есть и для простого человека средство сделаться невидимым: надобно найти гнездо с воронятами и привязать их к дереву проволокою. Чтоб спасти птенцов, старая ворона приносит на другой день черный камешек, имеющий силу делать своего обладателя невидимым. Между этим средством и известным великорусским — косточкою из черной кошки, только одна точка сходства, цвет: и ворона черного цвета, и камешек черный, и кошка должна быть черная; кот, впрочем, и сам по себе, и без таинственного черного цвета, по сказаниям белоруссов, одарен волшебной силою. Интересны и средства добывать деньги. Для этого надобно поймать летучую мышь и запереть ее в ящик с мелкими дырочками: через тринадцать дней, вместо мыши, в ящике будут деньги. Нетопыря и в великорусских поверьях считают чем-то волшебным, приписывая ему силу вылечивать лихорадку. Клад можно добыть очень просто: надобно только, когда все змеи собираются вместе, подстеречь, как будет ползти сам главный змей, и разостлать перед ним белый платок; в благодарность за такую честь, он обтирает свои золотые ножки о платок, с которым потом отыщешь всеклады.

Письма из-за границы (из Германии и Венеции) г. Мундта (в том же № «Пантеона») читаются очень легко. В *Парижских письмах* Бонавентуры рассказывается много интересных новостей. Это — прекрасный фельетон. Очень недурна и первая статья о *Проперции*²², взятая из «Westminster Review».

ЖУРНАЛИСТИКА

<ИЗ № 9 ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1854>

<...> Алексей Михайлович, историческая характеристика, г. Зернина. — Исторические материалы, напечатанные в №№ 13 и 14 «Москвитянина». — Письма г. Ключникова о кавказских минеральных водах. — Еще биография Россини. — Башкирцы г. Железнова и Киргизы купца Жаркова. — Загадки, предлагаемые читателям «Библиотеки для чтения». — Статья г. Сенюткина Военные действия донцов против Девлет-Гирея и Пугачева. — Труды по части русской словесности в 1853 году, и пр.

Статья *Алексей Михайлович, историческая характеристика из внутренней истории XVII века*, которую поместил г. Зернин в № 14 «Москвитянина», обманула надежды, возбужденные в нас ее заманчивым заглавием¹. История царствования Алексея Михайловича до сих пор еще так мало разработана, что, при небольшом трудолюбии, легко было автору дать нам в своей статье что-нибудь более новое. Но г. Зернин предпочел ограничиться теми немногими фактами, которые всякому известны из отрывков Карамзина о некоторых событиях первых годов царствования Алексея Михайловича, и из статьи «Словаря» преосвященного Евгения о Никоне,² прибавив к этому две-три выписки из «Актов Археографической комиссии» о соколиной охоте. Краткий учебник г. Устрялова³ представляет гораздо более полную характеристику личности царя Алексея Михайловича, нежели статья г. Зернина, занимающая, однакож, довольно много страниц. Не представляя фактов, автор думает придать важность своей компиляции новыми соображениями о характере Бориса Ивановича Морозова, которого Карамзин и все последующие историки представляли человеком своскорыстным и главным виновником беспорядков, возникших во время молодости Алексея Михайловича. Г. Зернину хочется видеть в нем великого и благонамеренного государственного человека; но все факты и известия говорят против такого предположения, и автор принужден, без всякого основания, предпочитать историческим свидетельствам современников и официальным документам риторические фразы «Жития мило- стивого мужа Федора Ртищева», где Морозов называется «мужь, исполнь разсуждения». При помощи эти трех слов г. Зернин открывает в Морозове нечто похожее на Сюлли⁴. Если уж непременно должно верить всякому слову велеречивого «Жития», то г. Зернин был бы должен заметить, что на той же странице его говорится об опрометчивости распоряжений (скоростности деяний) Морозова и о том, что Ртищев должен был поправлять его ошибки. Страннее всего соображения, на основании которых г. Зернин отвергает рассказы о том, что Морозов присоветовал своему воспитаннику вступить в брак с Мариею Ильиничною Милославскою для того, чтоб самому породниться с царем, женившись на сестре Марии Ильиничны. «Положительно можно

заклЮчить, — говорит г. Зернин, — что Морозов при своей женитьбе, если и рассчитывал на что-нибудь, то отнюдь не на усиление своего влияния с помощью родства с царем. По родству всегда ближе его были к царю Алексею Михайловичу Стрешнев и Илья Данилович Милославский, сделавшийся царским тестем». Морозов не рассчитывал выиграть, породнившись посредством женитьбы, потому что у невесты был отец, делавшийся также родственником! Он не искал опоры в родстве, потому что у царя были и другие родственники, кроме его!.. Соображения чрезвычайно неловкие. Не представляя ни одного интересного факта и отличаясь недостатком критического такта, статья г. Зернина лишена всякого значения⁵.

В отделе «Исторических материалов» № 13 «Москвитянина» помещено *Донесение в Сенат А. П. Волынского* о распоряжениях, какие он считает нужными сделать относительно дел Астраханской губернии. Эта бумага, писанная в 1719 году, далеко не так важная для характеристики Волынского, как недавно напечатанная в «Москвитянине» же «Инструкция» его управляющему, не имеет и особенной важности для истории Астрахани⁶. Главнейшие предположения Волынского состоят в том, чтоб усилить астраханский гарнизон на случай нападений от кубанцев или калмыков, устроить для этой же цели несколько городков между Астраханью и Саратовом и сделать в Астрахани новую гавань, по неудобности старой.

*Репорт В. М. Долгорукову*⁷ (там же) от секретаря при крымском посольстве Семена Дементьева о том, как при разрыве с Россией (около 1774 г.) крымцы коварным образом задержали в плену нашего резидента, имеет некоторое значение потому, что доселе еще не было найдено других бумаг, относящихся к этому делу.

Кроме того, в той же книжке «Москвитянина» помещено *Письмо императрицы Екатерины II* к князю В. М. Долгорукову по взятии Керчи и Еникале. Интереснее всего ответ императрицы Екатерины на письмо Потемкина, в котором он просит пожаловать его генерал-адъютантом: «Господин генерал-поручик!.. Я просьбу вашу нашла столь умеренну в рассуждении заслуг ваших, мне и отечеству учиненных, что я приказала заготовить указ о пожаловании Вас генерал-адъютантом. Признаюсь, что и сие мне весьма приятно, что доверенность ваша ко мне была такова, что вы просьбу вашу адресовали прямо письмом ко мне, а не искали побочных дорогами. Впрочем, пребываю к вам доброжелательница, *Екатерина*». За письмом помещены в «Москвитянине» и стихи, написанные Потемкину по этому случаю каким-то современным поэтом:

Терпение во всех болезнях лучший врач.
И каждый своего есть счастья ковац;
Монарши милости, коль были бы ни многи,
Но чрез побочные стяжаемы дороги
Стяжателью не толь приятны могут быть,
Как кто собою то возможет получить... и т. д.⁸

Отрывки из писем о кавказских минеральных водах г. доктора медицины Ключникова («Москвит.» № 13) очень справедливо доказывают, что слава кавказских целебных источников возросла бы еще больше, если бы точнее было исследовано, каким именно источником должны лечиться какие болезни. «В настоящее время (говорит г. Ключников) невозможно понять, почему, напр., г. А. с завалом печени пользовался елисаветинской водой, а г. С. с тою же болезнью — михайловской? Почему параличные больные лечимы были без всякого разбора: одни холодными, другие горячими водами?» Такому неточному знанию свойств различных источников г. Ключников приписывает большую часть неудачных лечений и советует местным врачам заняться ученым исследованием вод, не довольствуясь поверхностными описаниями.

В прошлом месяце, сказав свое мнение о начале исследования г. Гильфердинга *О балтийских славянах*⁹, мы должны только прибавить, что продолжение этой статьи, помещенное в № 13 «Москвитянина», попрежнему не совсем свободно от односторонности. Так, например, автор не может простить саксонцам тех же самых подвигов, за которые удивляется ваграм и ретарям. Но с тем вместе она представляет два-три новые соображения о значении разных племенных прозваний западных ветвей балтийских славян.

Россини, его жизнь и сочинения, статья первая («Москвит.» № 13), переведенная или скомпилированная, действует на читателя очень неприятным образом, потому что говорит о великом композиторе, как о прислужнике содержателя неаполитанского театра, и говорит таким тоном, как будто бы всему этому так и следует быть, как будто бы Россини нисколько не унижал своего достоинства, позволяя, чтоб невежа спекулятор говорил ему «ты», обещал ему в награду за хорошую оперу сажать за один стол с собою и т. д. Одно из двух: или все эти анекдоты об отношениях Россини к Барбайя¹⁰ — выдумка досужих фельетонистов, подобная нелепым рассказам о Паганини и недостойная упоминания в серьезной статье; или, если Россини действительно позволял Барбайя запираť себя на замок, морить голодом, называть глупцом и т. д., то об этом жалком забвении собственного достоинства и уважения к своему таланту надобно рассказывать с грустью, а не веселым тоном. Статья написана с большими претензиями на глубокомыслие и легкость. Ни того, ни другого в ней, однакож, не заметно. — *Очерк истории семиструнной гитары*, г. Стаховича¹¹ («Москвит.» № 13) представляет несколько известий о московских гитаристах Аксенове и Высотском. Г. Стахович не мог представить ясной характеристики их сочинений, но сообщил две-три новые черты для будущего историка музыки в России.

Башкирцы («Москвит.» № 14) г. И. Железнова, очерк столь же интересный, как и его «Картины аханного рыболовства», о которых мы говорили недавно. В новой своей статье г. Железнов

подражает — и довольно удачно — прекрасным рассказам г. Небольсина об этом племени и его соседях¹². Как почти всегда случается с писателями, чувствующими, что они находятся под чьим-нибудь влиянием, г. Железнов старается доказать свою самостоятельность, противореча своему предшественнику: г. Небольсин находит, что башкирцы вообще славный народ — г. Железнов ярче выставляет на вид их недостатки и пр.

Для нас чрезвычайно приятно, что четвертая и последняя часть *Записок купца Жаркова* («Библ. для чт.» № 8) почти совершенно свободна от того недостатка, в котором упрекали мы три первые их части¹³. Г. Жарков на прощанье решился, наконец, рассказывать своим читателям о житье-бытье киргизов, а не об екатерингофском гулянье и венских колясках; он рассказывает о своих новых знакомцах, как года два тому назад рассказывал о их братьях калмыках, очень живо, занимательно и вместе дельно. Желаем поскорее дожидаться от почтенного автора нового сочинения о каких-нибудь других инородцах; только покорнейше просим его держаться методы, по которой написана последняя, а не другая какая-нибудь часть его нынешних очерков киргизского быта. Есть писатели, которым критика должна напоминать о живости рассказа: г. Жарков одарен способностью писать живо и может опасаться только другой крайности — обременения рассказа эпизодами, которых у него всегда богатый запас. Если он будет строже наблюдать за тем, чтоб не слишком часто и далеко уклоняться от своего настоящего предмета, статьи его всегда будут иметь большой интерес.

«Библиотека для чтения» любит озадачивать читателей загадками. Так, в оглавлении сто двадцать шестого тома, заключающего в себе номера за июль и август месяцы нынешнего года, мы прочли: «VI. Литературная летопись. «Новые книги — стр. 22. Старые книги. М. Михайлова, стран. 1». Не говорим уж об извращении законов математики, по которому 22-я страница поставлена прежде первой — дело в том, что в августовской книжке *нет* статьи г. Михайлова, следовательно, она помещена в июльской. Представьте же удивление и сожаление наше о том, что мы в прошедшем месяце пропустили без внимания одну из статей г. Михайлова о старых книгах! Берем июльскую книжку «Библиотеки» — оказывается, что статьи г. Михайлова *нет в ней*; в августовской книжке также *нет* ее... Где же она? Неужели она существует только в оглавлении? Но сюрпризы, приготовленные для читателей августовскою (8-ю) книжкою «Библиотеки», не ограничиваются внесением в оглавление не помещенных в ней статей: вслед за оглавлением помещены, с особенною нумерацией, довольно большие статьи г. Мея: *Абиссиния* и г. Мамышева: *Абобьернборгская губерния*, напечатанные в формате, совершенно отличном от обыкновенного формата «Библиотеки для чтения». Напрасно мы искали объяснения такой иррегулярности: его нет, и мы можем только предполагать, что «Библиотека», по

примеру «Маяка», хочет печататься в двух форматах: в одном, прежнем, пойдут статьи в прежнем, случайном порядке; для другого формата будут составляться другие статьи по азбучному порядку. Если так, то интересно знать, через сколько веков «Библиотека для чтения», помещая по две статьи в номер, дойдет до конца алфавита, и в pendant * к «Абобьернеборгской губернии» даст «Улеаборгскую губернию»? По всей вероятности тогда, когда в 1854 году будут говорить, как о времени отдаленной древности, и Або вместо 13 000 будет иметь уж 130 000 жителей. Так долго ждать статей, пополняющих одна другую, — неприятно. Поэтому, вероятно, чтоб скорее удовлетворить ожиданиям читателей, «Абобьернеборгская губерния» и наполнена, более нежели наполовину, подробностями, относящимися к статье «Финляндия», а не к описанию одной из финляндских губерний: она очень длинно описывает происхождение, нравы, поверья финнов и т. п.; если так, то в статье «Австрия» мы найдем подробную географию Европы, а в статье «Азия» будут описаны все сорок планет солнечной системы. Это, может быть, и хорошо, но едва ли удобно для справок, для которых пособием «Библиотека для чтения», по всей вероятности, назначает свой новообразовавшийся этот отдел свой. Если она намерена продолжать помещение конвексионно-лексиконных статей **, то читатели были бы ей очень благодарны, когда бы эти статьи не были, с одной стороны, переполнены сухими, никому не нужными исчислениями всех неважных холмов и рек, находящихся в Абиссинии или Финляндии, хронологическими данными о ничтожнейших событиях и т. д., а с другой стороны, представляли более живой очерк важнейших фактов.

Нисколько не выходит из обыкновенного порядка и духа статей «Библиотеки для чтения» *Сейденгэмский дворец* (статья вторая, в которой оканчивается перевод писем из английского «Атеней» об историко-архитектурных палатах) и статья о *физиологии растений*, написанная г. О. С. ¹⁴ по поводу издания Дюбрейлева «Курса древоводства» на русском языке.

«Военные действия донцов против крымского хана Девлет-Гирея и самозванца Пугачева» («Соврем.» № 8), статья, представляющая довольно много материалов, переработанных не совсем опытною рукою. Автор (г. Сенюткин) объясняет, что пишет с целью показать несправедливость рассказов Пушкина в «Истории пугачевского бунта» о том, будто бы Пугачев находил себе много сподвижников между казаками. Поэтому он чрезвычайно усердно старается доказывать, что войсковые старшины все были вернейшими слугами императрицы Екатерины II в эту смутную годину и всеми силами заботились об отражении, а потом и о поимке самозванца. Тут есть недоразумение. Все, что говорит автор статьи — справедливо; тем не менее остается справедливо и все

* В соответствие. — Ред.

** То есть статей энциклопедического словаря. — Ред.

то, что говорит Пушкин. Наказный атаман и полковники Донского Войска оставались верными присяге — в этом никто никогда не сомневался, и всего менее Пушкин: поэтому напрасно защищать неподозреваемых. Что иногда простые казаки и урядники присоединялись к толпам Пугачева — это во многих местах признает и сам г. Сенюткин, а только об измене некоторых простых казаков и говорит Пушкин. Следовательно, полемика г. Сенюткина совершенно бесполезна. Точно так же советовали бы мы автору воздерживаться от громких похвал, не имеющих особенного основания. Все старшины Войска Донского в описываемую эпоху выставляются им идеалами каких-то мудрецов, совершивших беспримерные подвиги и придумавших удивительные меры. Что у них всех было много усердия к престолу, что все они были люди храбрые, многие были люди умные — это совершенно справедливо. Но к чему увлекаться до того, чтоб восхищаться предусмотрительностью и благоразумием даже таких мер, которые оказались недостаточными? К чему удивляться мудрости людей, которые сами понимали, что не могут справиться с обстоятельствами, и потому были заменены другими, достойнейшими? Превозносить всех без разбора — значит только внушать недоверие читателю и к справедливым похвалам. Несмотря на эти недостатки, несмотря и на то, что не совсем удачное отражение разбитого и поспешно бегущего Пугачева от вторжения в земли Войска Донского напрасно представляется автору делом слишком трудным, статья г. Сенюткина имеет некоторую цену, представляя, как мы сказали, несколько новых материалов. Дела донцов против Девлет-Гирея описываются в ней потому, что мешали донцам выслать против самозванца более войск. Начало статьи было напечатано уже в «Донских губернских ведомостях» и, кроме того, если не ошибаемся, в газете «Кавказ» за нынешний год.

Воспоминания кавалерийского офицера о Турецкой войне 1828 года («Соврем.» № 8), не имея никакой важности для истории, читаются довольно легко: это рассказ о личных приключениях автора и других его полковых сослуживцев. Одно из приключений, именно спасение поручика Ц., который был принужден броситься в болотистый овраг, спасаясь от турков, перехвативших ему дорогу, когда он один без депеши ехал в главную квартиру, не совсем лишено мелодраматической занимательности.

О сходстве узаконений Восточной и Западной Руси г. А. С.—ва (там же) — статья в пять или шесть страничек, представляющая, в подтверждение мысли г. Строева об одинаковости многих постановлений Московского статута и Уложения, несколько сличений сходных мест в Литовских и Московских судебныхниках.

Труды по части русской словесности в 1853 году («Соврем.» № 8) — обзор нескольких сочинений и статей по истории и теории словесности, написанный чрезвычайно сухо и без большого и, может быть, даже без малого знакомства с делом¹⁵. К числу замечательнейших исследований отнесена статья г. Тихменева

«О важности изучения народности вообще и саратовской в особенности», напечатанная в «Саратовских ведомостях», и «Вассиан, современник Иоанна III», и «Замечания о сборниках, известных под названием «Пчел». Подобных диковинок в «Трудах по части русской словесности в 1853 году» найдется очень много.

ЖУРНАЛИСТИКА

<ИЗ № 10 ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1854>

<...> Христиане в Месопотамии и Сирии, г. Березина. — Исторические материалы «Москвитянина». — Император Василий Македонянин, г. Зернина. — Десять лет на Кавказе. — «Библиотека для чтения», превращающаяся в справочный словарь. — Ловедские рассказы г. Небольсина.

Христиане в Месопотамии и Сирии («Москвит.» № 15), отрывок из дневника г. Березина, несколько не переработанный, не приведенный в систему¹. Г. Березин говорит, сколько христиан живет в каком из городов, посещенных им в Месопотамии и Сирии; рассказывает, в каком городе есть епископ, в каком только священники, перечисляет имена церквей и т. д. Единственное достоинство, которое могли бы иметь такие сухие заметки, — достоинство статистических таблиц, не может принадлежать этому дневнику уж и потому, что г. Березин был далеко не во всех тех городах, посещенных им земель, где находятся христиане. Следовательно, его список неполон. Гораздо более были бы ему благодарны читатели, если бы автор, вместо неудовлетворительных перечней, сообщил нам свои наблюдения и воспоминания и тем придал связь и жизнь отрывочным дорожным заметкам.

Отдел «Исторических материалов» 15-й и 16-й книжек «Москвитянина» не представляет ничего важного. В 15-м номере помещены *Известия о слободе Чулковой*, но в них нет ничего заслуживающего внимания. Известия эти произошли следующим образом: в книге «Материалы для статистики Российской империи» есть статья «Города Тульской губернии»; в этой статье есть строка: «имя слободы Чулковой, вероятно, произошло оттого, что при Петре Великом был в Туле воевода Чулков». Г. Н. Андреев (в № 15-м «Москвитянина») написал в опровержение этой строки очень длинную статью, доказывая «соображениями», что слобода Чулкова прозывалась так и до времен Петра Великого, следовательно, предположение автора статьи о городах Тульской губернии неосновательно. Согласны; но стоило ли писать об этом двадцать страниц, когда дело можно решить в двух словах? И стоило ли вообще писать особенную статью о том, от помещиков Чулковых или от воеводы Чулкова произошло название Чулковой слободы? Г. Андреев говорит, что пишет историю Тулы; открытие свое относительно имени Чулковой слободы он мог бы очень

удобно высказать в маленьком примечании к будущему своему сочинению; а в нынешней его статье важно только описание разлива реки Упы и то более по живости красок, нежели по интересности предмета. Лдины этой величественной реки (Упы), «доплыв до каменной плотины, с шумом и треском разбиваются о несокрушимую преграду, потом ныряют под дрожащий мост с каким-то глухим, змеиным шипением, под тот висячий мост, на котором вы, с замиранием сердца, пораженные ужасом, стоите. Чудное, страшное зрелище, невольно приводящее в немое содрогание самого смелого зрителя! Безмолвный, он в эти минуты уничтожен бушующей стихией, которая у него под ногами, не может найти вещественного выражения своей мысли, своему слову». Этим ограничиваются «Исторические материалы» 15-го номера «Москвитянина». В 16-м номере помещен указ 1728 года о том, чтоб «Смоленской шляхте детей своих за рубеж в Литву и в иные страны ради ученья отнюдь не отдавать» иначе, как по представлении порук, что учащиеся не изменят православию и отечеству. Кроме того, из «Московских ведомостей» 1787 года перепечатана статейка о том, что некто Кочнев считался тогда на архангельской верфи хорошим строителем морских судов.

Статья г. Зернина *Византийские очерки. 1. Император Василий I, Македонянин*, помещенная в № XI «Современника», отличается тем же недостатком исторического такта, который заметили мы в его «Характеристике царя Алексея Михайловича», недавно помещенной в «Москвитянине»². Там г. Зернин, основываясь на одной фразе, наполненной риторическими украшениями жизнеописания Ртищева, отвергал все достоверные свидетельства и положительные факты и усиливался видеть в своекорыстном Морозове великого и добродетельного человека: здесь, совершенно полагаясь на все похвалы, которые расточает Константин Багрянородный своему деду, представляет Василия героем добродетели.

Василий Македонянин был человек умный и энергический — в этом согласны все историки, и напрасно г. Зернин считает нужным защищать его от упреков с этой стороны: все признавали, что в распоряжениях Василия было много ума; но видеть в нем человека богобоязненного и кроткого невозможно. Ведь сам же г. Зернин рассказывает, как поступил он с благодетелем своим, императором Михаилом. Поэтому напрасно осуждает автор других историков за то, что они изображали Василия на основании фактов, не доверяя риторическому его завещанию. Но так как у нас о византийской истории писано было очень мало, то в «Очерке» г. Зернина есть несколько страниц, не совсем лишенных интереса для русских читателей, если не по изложению, которое так же слабо, как и взгляды автора, то по содержанию.

*Десять лет на Кавказе*³ (статья первая, «Современник» № IX) — воспоминания автора, пока еще не представляющие ничего интересного, и описания закавказских нравов, также пока

еще не представляющие ничего нового. Вся первая статья очень растянута.

Географический словарь, так неожиданно начавшийся в августовском номере «Библиотеки для чтения» описаниями «Абиссинии» и «Абобьернеборгской губернии», продолжается в сентябрьской книжке этого журнала статьями *Австралия и Австрийская империя*. Заключая из этого, что «Библиотека для чтения» намерена упорно выполнять неудачно принятое ею намерение: давать своим читателям вместо журнала географический словарь, мы считаем обязанностью подробнее, нежели в предыдущий раз, высказать свое мнение о том, каким переменам должен подвергнуться характер статей словаря или «Библиотеки для чтения» для того, чтоб он приносил пользу читателям⁴. С этой целью скажем несколько слов об интереснейшей из четырех помещенных статей — «Австрийская империя». Переводчик, или составитель, не почел нужным приспособить статью свою к требованиям русской публики. Это недостаток, потому что русский читатель имеет свои особенные требования: он, например, более интересуется Богемией, Далмацией, нежели Тиролем или Верхне-австрийским эрцгерцогством; он был бы вправе ожидать, что обратят внимание на его желания и будут с особенною подробностью говорить о том, чем он интересуется. Но ожидать этого — значило бы надеяться слишком многого; поэтому не будем претендовать, что статья не переделана для русских читателей. Но всему есть границы; и странно видеть, что, например, в отделении «весы и меры» австрийский флорин, талер и т. д. сравниваются с прусским талером, и ни слова не сказано о ценности этих монет у нас. Точно так же и австрийские меры переводятся на парижские линии, и не показано их отношение к русскому футу или аршину. Мы готовы сделать уступку относительно гульдена и цванцигера: составитель статьи мог затрудняться сравнением их с русскими деньгами, потому что их нет в таблицах академического календаря⁵, хотя и там есть австрийский талер и суверендор; но австрийский фут и другие меры есть в календаре, и показать их отношение к русским не стоило бы никакого труда. По всему заметно, что «Библиотека для чтения» хочет придать своему словарю *справочный* характер. Нам казалось бы, что в таком случае не должно было ограничиваться составлением одних больших статей, а помещать имя каждой реки и каждого города отдельной статьею, потому что каждому читателю скорее встретится надобность справиться о Тиссе, Рабе, Линце, Загребе и т. д., нежели об Австрийской империи вообще. Мы справляемся о том, что для нас кажется темным во время чтения; а кому понадобится узнавать, с какими странами граничит Австрийская империя и какой в ней столичный город? Притом же нуждающийся в подобных справках скорее всего обратится к первой попавшейся ему под руку географии, в которой найдет все для себя нужное, и не почувствует потребности в журнальных статьях. А приискивать Ишль или Кремниц, Троппау

или Лайбах в большой статье «Австрийская империя» — неудобно. Потому-то нам кажется, что лучше было бы или составлять словарь так, как составляются все словари, не соединяя, а раздробляя статьи, или составлять большие статьи такого характера, чтоб они могли быть читаны и не служили только для справок. К этому было бы можно прибавить, что именно в географическом справочном словаре у нас менее нужды, нежели во всяком другом, потому что под руками у русского читателя всегда может быть хорошая география, удовлетворительным образом заменяющая справочный словарь. Совершенно другое дело, например, история, потому что никакое «Руководство к изучению истории» не может совместить в себе всех тех имен, в которых может случиться надобность. Но оставим и этот вопрос; пусть статьи «Библиотеки для чтения» сохраняют свой справочный характер, хотя в этом случае они остаются почти совершенно бесполезны. Даже и справочные статьи не должны состоять из голых списков, ненужных имен и сухого перечисления мелочных фактов, ничего не говорящих; поэтому «Библиотека для чтения» должна сократить списки городов, рек, гор и т. д., упоминая только о значительных: перечислить всех не позволяет ей объем статей; перечислять сотни из тысяч — ни к чему не ведет; кроме того, о большей части из этих рек и городов гораздо полнее говорится в каждой порядочной географии. К чему, например, такое описание *маркграфства Моравии*: «Маркграфство Моравия заключает в себе, в северо-восточной части Таи, моравскую террасу и разделяется на 6 моравских и 2 силезских округа. В Моравии главный город Брюнн, Аустерлиц; при Цвитаве — Цвитау; при Иглаве — Иглау и Требич; при Тае — Цнайм; при Мораве — Венгерская Градишка, Кремзир и Ольмюц; на востоке ее — Просниц; в округе истока Мархи — Штернберг и Шемберг; при Ветве — Вейскирхен; на Моравской низменности — Франкштадт, Ново-Тишейн, Фульнек; в силезских округах — Троппау и Иегерндорф (при Оппе), Цукмантель и (при Фрейвальдау) Грэфенберг при Судетах и, между ними, Тешен при Ользе и Белиц на галицийской границе». Лучше было не помещать вовсе подобных списков; не для чего описывать Моравию на 15 строках, когда она в хорошей географии описывается на целой странице или более; а если уж описывать, то лучше было бы, вместо бесплодного перечисления двух или трех десятков собственных имен, взятых наудачу, сказать по три или по четыре слова о трех или четырех замечательных городах: тогда справляющийся мог бы узнать о них хоть что-нибудь; теперь не узнает ровно ничего. То же самое должно сказать об исторических очерках справочных статей: пусть они излагают факты в самом сжатом виде; но ведь надобно же излагать их в каком-нибудь виде; пусть очерк представляет как можно более фактов, но исторических фактов, а не мелочей. Если, например, Фердинанд (не сказано даже I или II), эрцгерцог тирольский, не оставил наследников и владения его перешли в дру-

гую линию, то вовсе не нужно было упоминать, что «он женат был на аугсбургской дворянке Филиппине Вельзер»; мы признаем геройство гоферовых сподвижников Шпенбахера и Гаспингера, но вместе с этим должны сказать, что и тогда, когда действия тирольцев против Наполеона описываются во сто раз подробнее, об этих людях не упоминается⁶. Одним словом, должно полагать некоторое различие между мелочными и важными фактами, между нужными и ненужными именами. Эти замечания одинаково применяются ко всем, доселе помещенным статьям географического словаря; и если мы указывали в пример именно на статью об Австрийской империи, а не на какую-нибудь другую, то единственно потому, что приводить примеры из всех четырех было бы слишком утомительно. В заключение не можем не спросить: во что же хочет превратиться «Библиотека для чтения»? В географический словарь? В таком случае зачем он называется *журналом словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод*? Если же она хочет сохранить характер журнала, то зачем уничтожила в себе отдел наук и заменила его географическим словарем?

Седьмая статья *Ловецких рассказов о каспийском рыболовстве* г. Небольсина, помещенная в № 8 «Пантеона», заключает в себе очень много статистических материалов. Это достоинство, по нашему мнению, достаточно вознаграждает за сухость ее изложения⁷.

ЖУРНАЛИСТИКА

<ИЗ № 11 ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1854>

<...> Географический словарь или «Библиотека для чтения» и мнение г. Сеяковского о сочинении г. Тенгеборского. — Георг-Фридрих Мюллер, монография С. М. Соловьева. — Персидские доктора и пациенты <...>.

Продолжая свой географический словарь, «Библиотека для чтения» в № 10-м достигла слова *Азия* и напечатала об этой части света огромную статью первую, занимающую 72 страницы большого формата¹. Статья эта разделяется на следующие рубрики: «Азия, известная грекам и римлянам. — Азия, известная в средние века. — Развитие географических сведений об Азии в новейшие времена. — Величина и внешний вид Азии. — *Гидрография Азии*: а) реки; б) озера; *геогностический очерк Азии*. — *Азийский человек*. — Географическое размещение поколений. — *Число жителей азиатских государств*». Три рубрики, которые мы отметили курсивом, не перепечатаны из статьи плюшаровского «Энциклопедического лексикона»² — *Азия*; остальные — перепечатка соответствующих рубрик этой статьи, помещенной в 1-м томе «Энциклопедического лексикона», явившемся в 1835 году. Вот примеры:

Энцикл. лексикон, т. 1 (1835).

Гомер упоминает (Ил. II, 461) об Азийской долине, близ берегов Эгейского моря, между Эфесом и Сардами, а в преданиях лидян говорится о царе Азиусе. Из этого с вероятностью можно заключить, что под именем Азии первоначально разумели небольшую часть западного анатолийского берега. Но по мере того, как земли, на восток от него лежащие, становились известнее грекам, значение слова «Азия» сделалось обширнее, и, наконец, было усвоено целой части света. Римляне именовали «Азиєю» собственно Пергам, небольшое, но богатое и очень древнее царство, находившееся и т. д. (Стр. 243).

Резко отличаясь от других частей света этим очертанием, Азия не менее примечательна образованием своей поверхности, от которой так много зависят климаты и, следовательно, состояние царств растительного и животного. Это образование вовсе не похоже на устройство поверхности Африки, Австралии, Европы или Америки. Вся внутренняя масса земли Азии поднимается на непомерную высоту над уровнем моря, и этот исполинский горб, который образует так называемую плоскую возвышенность и состоит сам из террас или площадей различной высоты, помещен не где-нибудь на краю материка, как в других частях света, а в его центре и т. д. (Стр. 255).

Каждая из этих высот и низменностей подлежит собственным физическим законам, отличается особенным очертанием и носит отпечаток исключительно ей свойственного характера. Только соображение и т. д. (Стр. 265).

Японцы говорят собственным своим языком и хотя имеют много сходства с китайцами, но успехами в образованности, кажется, обязаны не им, а самим себе и т. д. (Стр. 270).

Библиот. для чт., № X (1854).

Гомер упоминает (Ил. II, 461) об Азийской равнине, близ берегов Эгейского моря, между Эфесом и Сардами, а в преданиях лидян говорится о царе Азиусе. Из этого с вероятностью можно заключить, что под именем Азии первоначально разумели небольшую часть западного анатолийского берега. Но по мере того, как земли, на восток от него лежащие, становились известнее грекам, значение слова «Азия» делалось обширнее, и, наконец, было усвоено целой части света. Римляне называли «Азиєю» собственно Пергам, небольшое, но богатое и очень древнее царство, находившееся и т. д. (стр. 153).

Резко отличаясь от других частей света своим очертанием, Азия не менее примечательна образованием своей поверхности, от которой так много зависят климаты и, следовательно, состояние царств растительного и животного. Это образование вовсе не похоже на устройство поверхности Африки, Австралии, Европы или Америки. Вся внутренняя масса земли Азии поднимается на непомерную высоту над уровнем моря, и этот исполинский горб, который образует так называемую плоскую возвышенность и состоит сам из террас или площадей различной высоты, помещен не где-нибудь на краю материка, как в других частях света, а в его центре и т. д. (Стр. 176).

Каждая из этих высот и низменностей подлежит собственным физическим законам, отличается особенным очертанием и носит отпечаток исключительно ей свойственного характера. Только соображение и т. д. (Стр. 208).

Японцы говорят собственным своим языком и хотя имеют много сходства с китайцами, но успехами в образованности, кажется, обязаны не им, а самим себе и т. д. (Стр. 222).

Таким образом, перепечатанные 28 страниц «Энциклопедического лексикона» составили большую половину новой статьи «Библиотеки для чтения». Статья словаря г. Плюшара подписана буквами О. И. С.; статья «Библиотеки для чтения» подписана буквою С.; итак, перепечатка не нарушает на этот раз прав литературной собственности. Но почему же было не оговорить в примечании, что статья, теперь являющаяся в дополненном несколь-

кими рубриками виде, была уж напечатана и ныне является пополненной, чего требовали литературные приличия? К чему также было переделывать первые строки статьи таким образом:

Энциклопедич. лексикон.

Азия. I *Название Азии.* Древние греки называли Азией, *Ἀσία* восточные берега Архипелага и Средиземного моря и все земли, лежащие от них подальше к востоку. Геродот сознается, что не знает происхождения этого имени. *Гомер упоминает (Ил. II, 461) об Азийской равнине, и т. д. См. выше выпуск.*

Библиотека для чтения.

Азия. Азия — страна восхода солнца для жителей Европы и Африки, колыбель человеческого рода, религий и государств, языков, искусств и наук: древнейшая часть света по времени своего появления из недр моря; центральная по своему положению; величайшая — по горизонтальному протяжению; самая высокая страна по вертикальным размерам, по физическим силам и сокровищам — самая богатая из всех пяти частей света. Не будем входить в подробности объяснения слова «Азия»: финикийское ли это слово и означает центр, средину (по Бохарту), или так называлось отечество азов, т. е. богов (по Бахру) — довольно сказать, что это название встречается уже в самый древний период греческой истории; так, *Гомер упоминает (Ил. II, 461) об Азийской равнине и т. д. См. выше первую нашу выпуск.*

Кроме той внешней странности, что «Библиотека для чтения» не почла за нужное сказать, откуда взяла она свою статью и переделала почему-то ее начало, нельзя не заметить, что с 1835 года, когда вышел первый том «Энциклопедического лексикона», географические и этнографические знания об Азии чрезвычайно расширились, и потому мы не понимаем возможности думать, будто бы статья об Азии, писанная двадцать лет назад, ныне будет удовлетворительна и может быть предложена публике буквально. Нет сомнения, что подобная мысль представлялась и «Библиотеке для чтения»: иначе не было бы нужды переделывать первые пять строк статьи «Энциклопедического лексикона». Сознание неудовлетворительности статьи в прежнем виде выразилось также прибавлением вставок в некоторых местах. Но, во-первых, через двадцать лет ограничиваться тремя или четырьмя вставками, не изменяя ни одного слова в тексте, также недостаточно: текст от этого не сделался исправнее и по необходимости наполнен ошибками. Чтoб ограничиться несколькими строками, выписанными выше, заметим, например, что теперь невозможно говорить, будто бы «японцы успехами в образованности обязаны не китайцам, а самим себе»; напротив, теперь положительно известно, что образованность перенесена в Японию из Китая. Во-вторых, вставки, прибавленные к прежнему тексту, не имеют важности: они ограничиваются тремя или четырьмя сухими списками собственных имен; в пример укажем на первую же вставку (стр. 157—158), которая начинается так:

«Кроме того, из географических сведений об Азии, заключающихся в творениях древних писателей: Гомера, Гекатея, Геродота, Ктезия (*пропущен Ксенофонт, важнейший всех их*), Страбона, Птолемея, Плиния, Дионисия Перигета, Исидора Харацена, Помпония Мелы, Арриана, Марциана Гераклеота, Агафимера и других, мы узнаем, что древним были известны следующие главные хребты гор Азии: Имаус или Эмодус или Гимаос, Паропамизус, Montes Moschici *, Кавказские, Абус (Арарат)... Из главных рек Азии в древний период известны были: Гангес с Диамуной (теперь Юмнах), Агоранис» и т. д...

Вставка до конца сохраняет такой характер. Совершенно подобны ей по характеру и вновь прибавленные рубрики: «Гидрография и геогностический очерк Азии». «Гидрография» — чистое описание ландкарты Азии; например:

«Верхнее течение Оби можно полагать до Малышева, почти под 54° с. ш.; отсюда до Сургута притоки ее с левой стороны чрезвычайно незначительны, а с правой она принимает Ину, Томь, Кию, Кеть, Тынь и Вах. То же самое явление замечается и в Енисее. Рассматривая притоки Иртыша, Оби, Ишима, отчасти также и Енисея, мы замечаем, что покатость правого берега этих рек сравнительно с левым несоразмерно длинна: Иртыш и Обь текут сначала на с.-з., потом на з., Ишим на с.-з., потом на с., и по впадении в Иртыш направляется также на з.» и т. д. (стр. 194).

Нельзя думать, чтоб статья много выиграла от подобных дополнений. Таков же и «Геогностический очерк Азии»; например:

«Из армянской плоской возвышенности тянутся горные цепи, перерезывающие Малую Азию. Антитавр рассеяет воды и на линии меридиана Сирийской пустыни примыкает к Тавру. Последний состоит из центральных узлов гранита, с присоединением гнейса и слюды, перемешанных с известняком, диоритом, серпентином нептунических форм, различным образом проникнутых глинистым сланцем, известью и песчаником. В так называемых Беарских горах встречаются долорит и базальт» и т. д. (стр. 211).

Статья заключается таблицею азиатских государств с показанием пространства, числа жителей, войска и дохода *в гульденах*. Последнее, несомненно, сделано для удобства русских читателей.

Разбор сочинения г. Тенгоборского «О производительных силах России»³, помещенный г. Сенковским в отделе критики 10-го номера «Библиотеки для чтения» по случаю издания русского перевода этой книги, наполнен ошибочными цифрами, на которых, однакож, основываются очень важные выводы. Вот один пример. Принимая, что на каждого жителя Европейской России, без различия пола и возраста, приходится в сутки средним числом по 11 копеек дохода, г. Сенковский полагает, что, за уплатою всех государственных податей, из этого числа остается по 10¹/₂ копеек. Между тем по вычислениям известно, что государственные

* Горы Мосхиа. — Ред.

доходы во всех европейских государствах составляют не менее 15 процентов общего национального дохода (а г. Сенковский принимает, как видим, менее 5 процентов); итак, за вычетом податей, должно оставаться не $10\frac{1}{2}$, а не более, если не менее, $9\frac{1}{2}$ копеек. Точно так же г. Сенковский думает, что сумма доходов зажиточных людей обнимает не более одной седьмой части всей остающейся за уплатою податей массы национального дохода (из $10\frac{1}{2}$ копеек он вычитает на долю больших доходов только $1\frac{1}{2}$ копейки) — расчет также совершенно ошибочный: эта масса никак не может быть менее одной третьей части общей суммы национального дохода, а по всей вероятности более; итак, должно вычитать не менее $3\frac{1}{2}$ копеек. И потому, за обоими вычетами, из 11 копеек среднего дохода остается для массы населения не 9, как полагает г. Сенковский, а разве 6 копеек, если не менее, среднего дохода на день. Прибавим также, что напрасно г. Сенковский думает, будто бы Мишель Шевалье считает средний доход во Франции равным $6\frac{1}{2}$ копейкам в сутки: Шевалье полагает его в 58 сантимов (15 коп.), а другие, достовернейшие экономисты — в 75 сантимов (19 копеек); иначе и быть не может, потому что цена денег относительно цены хлеба во Франции гораздо менее, нежели в России. Все эти ошибки совмещаются на пяти строках. Можно судить о количестве их в целой статье; а между тем на этих основаниях, совершенно ошибочных, построен длинный расчет, приводящий к такому заключению: «уничтожьте роскошь — вы отнимете у бедного средства к существованию; он погибнет в лени, нищете и пороке». Подобные выводы возможны только при незнакомстве с политической экономией, которая, согласно с здравым смыслом, житейскою опытностью каждого и историею, говорит, что роскошь вредна для нравов и разорительна. Желание противоречить выводам науки не показывает еще основательного знакомства с нею. Точно так же не показывает знакомства с положением науки в наше время, например, и непризнание важности определения средней температуры.

«Физика много занималась приведением в известность средних годовых температур в различных точках земного шара и определением изотермических, то есть равнотеплотных линий на его поверхности. Эти задачи могут упражнять любопытство ученых, но в сущности не доставляют никакого полезного сведения: напротив, дают совершенно ложное понятие о климатах. Так, например, близ Ревеля и в ста восьмидесяти верстах к югу от Саратова средние годовые температуры одинаковы: середку на половину, и вы получаете тут и там из сложения стужи и жара в одну сумму по четыре градуса теплоты для каждого божьего дня в году. *К чему же это ведет? Что доказывает? В чем просвещает? Неужели климаты ревельский и саратовский одинаковы? Да эти воздуха и земли вовсе не похожи друг на друга! В окрестностях Варшавы и в окрестностях Ставрополя средняя годовая температура тоже одинакова: $+7^{\circ}$; но какая разница в климатах и произведениях природы!*»

Во-первых, повторим: надобно осмотрительнее приводить цифры и делать сравнения. Не знаем в точности температуры Ревеля; но в ближайших пунктах наблюдений, Балтишпорте и Иеглехте (в 20 верстах от Ревеля) она $3,4^{\circ}$; не знаем и температуры «в 180 верстах к югу от Саратова», но в Саратове она $4,7^{\circ}$; поэтому в 180 верстах на юг не менее $5,4^{\circ}$; итак, разница даже между Саратовом (не говорим уж о местах, лежащих двумя градусами южнее) и Ревелем не менее $1,3^{\circ}$; это огромное различие; не знаем также температуры Ставрополя; быть может, она и равна 7° ; но температура Варшавы не 7° , а только $5,6^{\circ}$ — различие опять огромное: $1,4^{\circ}$. Подобным образом приводить факты — хуже, нежели не приводить их вовсе. Это значит не показывать чужие ошибки, а вводить в ошибки своих читателей. Но еще важнее то, что физика вовсе не думает, как полагает г. Сенковский, из одинаковости средней годичной температуры выводить одинаковость климата; приписывать ей такую мысль значит обнаруживать незнакомство с нею. Климат определяется: 1) средними температурами месяцев или, лучше, недель; 2) гигрометрическими и барометрическими наблюдениями (относительно степени влажности воздуха, ясности погоды, количества дождя и снега и т. д.) и 3) таблицами ветров и других метеорологических явлений. Г. Сенковский напрасно хочет заставить физическую географию определять климат не по всем этим элементам, а по одной годичной температуре, по выводу, который только для других, общих соображений делается из одного элемента, входящего в число других при определении климата. Точно так же неосновательно предполагать, будто бы физическая география хочет посредством средней годичной температуры определять, какие растения могут быть разводимы в известном месте. Это определяется довольно сложным выводом, процесс которого слишком длинно было бы объяснять здесь; но его существенное различие от цифры средней годичной температуры показывается тем, что средняя температура получается посредством деления ежедневных температур, а температура, нужная для того или другого растения, — посредством их сложения. Справедливее, нежели об изотермических линиях, сказать о подобных нападениях против них: «к чему ведут эти нападения?» К обнаружению неосновательности понятий самого нападающего.

О преступности в Англии и Франции («Библ. для чт.», октябрьская книжка), перевод или извлечение; цифры, представляемые в этой статье, были бы интересны, если б изложение не страдало изобилием ненужных мелочей и запутанностью. Выводы не всегда верны, и трудно согласиться с главной мыслью, будто бы с развитием образованности в массе народонаселения число преступлений не уменьшается. Факты доказывают противное; поэтому-то все лучшие экономисты считают образование могущественным противоядием для порочности и преступности.

Герард-Фридрих Мюллер (Федор Иванович Мюллер), монография г. Соловьева («Соврем.» № 10), отличается всеми до-

стоинствами, которые читатели привыкли встречать в трудах ученого автора ⁴. Г. Соловьев рассказывает жизнь Мюллера, пользуясь неизданными материалами, хранящимися в так называемом «портфеле» его, и потому сообщает много новых фактов; рассматривает труды Мюллера в связи с трудами предшествовавших и последующих историков и делает много удачных сближений, показывая влияние взглядов и объяснений, высказанных в первый раз Мюллером, на понятия позднейших исследователей. Не останавливаясь ни на «Описании Сибирского царства», ни на «Ежемесячных сочинениях», потому что достоинство этих изданий хорошо известно ⁵, приведем некоторые из замечаний г. Соловьева о двух статьях, помещенных в «Sammlung russischer Geschichte» *: «Краткое известие о начале Новгорода» и «Опыт новейшей русской истории». Отзыв о характере исторической деятельности Иоанна III в первом из этих сочинений был повторен впоследствии Шлёцером, Щербатовым ⁶, Карамзиным: «Иоанн начал подчинять своему скипетру малые княжества и тем положил основание последующей силе и внутреннему величию государства». Таким образом, по мнению г. Соловьева, мнение, что Иоанн III — творец величия России, было утверждено между нашими историками Мюллером. Столь же решительно, по мнению г. Соловьева, было влияние и «Опыта новейшей русской истории» на понятия последующих изыскателей:

«Мюллер начинает свой труд перечислением источников; здесь на первом месте летописи... Преподобный Нестор положил основание летописям; его труд продолжали другие инок... из этих трудов составила русская история, которая так полна, что ни один народ не может похвалиться подобным сокровищем. Вот тот знаменитый отзыв о русских летописях, который так часто и теперь слышится! В начале рассказа о событиях нас прежде всего останавливает определение характера Бориса Годунова, потому что это определение надолго осталось в русской истории. «Годунов по остроте ума и необыкновенному искусству в делах правления должен быть включен в число величайших людей своего времени. Но его нравственный характер не соответствовал достоинствам умственным... Борис принадлежал к числу тех людей, которые для достижения верховной власти считают все средства позволенными». Вообще, как легко заметить, мюллеров «Опыт новейшей русской истории» послужил для позднейших писателей образцом при изображении тех же времен: характер Годунова, характер его правления, приговор о происхождении Самозванца, выведенный из критического рассмотрения иностранных известий, — все это перешло из книги Мюллера в сочинения XIX века».

Эти указания заслуживают полного внимания. Не менее важны сведения, сообщаемые г. Соловьевым о множестве неизданных статей Мюллера, хранящихся в его портфеле. Мы здесь не можем перечислять их и переходим к рассказу о знаменитом деле по

* Русский исторический сборник. — Ред.

поводу речи Мюллера о происхождении варягов; г. Соловьев и в этом случае пользуется подлинными записками самого Мюллера и сообщает новые данные, очень интересные:

«1749 года, 5 сентября, для дня тезоименитства императрицы Елисаветы Мюллер написал латинскую речь: «О происхождении народа и имени руссов», где развивал положения Байера о скандинавском происхождении варягов — руси. Донесли, что такое мнение оскорбляет честь государства; речь была запрещена; автору объявлено строгое замечание. Шлёцер в своем «Несторе» объявил, что Ломоносов донес о неблагонамеренности мюллеровой диссертации... Но вот как сам Мюллер рассказывает дело... Крекшин (известный собиратель материалов для истории Петра Великого), давно уже сердитый на Мюллера... начал распускать по городу слухи, что в речи мюллеровой находится многое, служащее к уменьшению чести русского народа; при этом он имел в виду привлечь на свою сторону Шумахера и Ломоносова... Шумахер действительно созвал совет из Тредьяковского, Ломоносова, Крашенинникова и Попова... диссертация была запрещена. Мюллер жаловался президенту (*Академии, гр. Разумовскому*)⁷, который велел назначить новое заседание для точнейшего исследования диссертации в присутствии самого Мюллера. Тут-то последовал любопытный диспут, на котором Мюллер защищал свои положения против Попова, Ломоносова и других возражателей. Между прочими положениями в диссертации утверждалось, что о дорюриковском времени в известных источниках или вовсе не говорится, или говорится мало. Попов возражал на это... обещал даже показать книгу, в которой дорюриковские времена «отлично описаны», но не сдержал обещания. На положение, что имена первых князей скандинавские, Попов возражал, что сходство имен... доказывает только, что варяги новгородские одного происхождения с скандинавами, что готы в древности жили вместе с славянами у Эвксинского понта. Мюллер отвечал на это: «мне ничего не остается желать более, если Попов признает тождество происхождения варягов, скандинавов и готов. Если он даже думает, что славяне и готы первоначально произошли от одного корня, соглашаюсь и на это. Желал бы я очень, чтобы все народы признали общее происхождение свое от одного корня и вследствие этого отложили бы всякую ненависть и вражду между собою...» Ломоносов утверждал, что варяги и русь жили на южном берегу Балтийского моря, «возражая Мюллеру, сильно вооружился против Байера» и даже сказал: «жаль, что не было тогда человека, который бы поднес ему под нос химического порошка, чтобы навести на потерянный ум». Скромный, чуждавшийся интриг и происков характер Мюллера давал его врагам возможность безнаказанно делать ему множество неприятностей; именно с целью избавить от них и успокоить почтенного старца Бецкий, по ходатайству Бюшинга, предложил Мюллеру место начальника Воспитательного дома в Москве⁸. Биография, напечатанная теперь г. Со-

ловьсьвым, в самом полном свете выставляет все влияние этого замечательного критика и неутомимого исследователя на развитие понятий о русской истории. Сверх того, как мы уж говорили, в ней перечисляются его неизданные труды и по собственным его запискам объясняются некоторые случаи его жизни.

В «Смеси» октябрьской книжки «Современника» заметим небольшую, но интересную и хорошо написанную статью г. С. Ч—ва *Персидские доктора и персидские пациенты*⁹. Несмотря на свой знаменитый фатализм, несмотря на все толки о неминуемости судьбы, непредотвратимости грозящей беды, на все поверья о том, что кому суждено умереть, непременно умрет, и человеческая помощь бессильна против воли рока, персияне страшные охотники лечиться, и Персия, по словам г. С. Ч—ва, едва ли не самая обильная докторами страна в мире. Каковы эти доктора — другой вопрос; они от простуды лечат арбузами и незрелыми сливами; а если это не помогает, употребляют, как сильнейшее, неизменнейшее средство — мед. Но дело не в качестве, а в количестве лекарей, не в успехах лечения, а в охоте лечиться. Не будем следить за всеми подробностями целебных обрядов и средств, остановимся на этом общем факте. Куда же исчезает мухаммеданский фатализм при этих случаях? Как он успевает согласиться на лечения? О нем просто забывают; персиянин — фаталист, говорит г. С. Ч—в, пока нет беды; а чуть заметил беду — он начинает хлопотать, как бы от нее избавиться; пока нет в виду никакой выгоды — он фаталист и рассуждает с большой уверенностью, что если не суждено ему счастья, то и не бывать ему счастливым; а чуть показалась какая-нибудь надежда улучшить свое положение — фаталист начинает суетиться, хлопотать, хитрить, интриговать, как будто бы никогда и не слыхивал, что есть в мире судьба. Вот живое доказательство, что поверья, противоречащие рассудку, не имеют силы над человеком, как скоро дело доходит до практического действия. Персияне фаталисты только «от нечего делать»: нельзя помочь делу, персиянин говорит: «вообще человеку бесполезно заботиться о своих делах: им управляет судьба»; нет у него никакого полезного дела в виду, он также говорит: «вообще человеку надобно сидеть и ждать, что сделает из него судьба». Что это значит? Больше ничего, как: «я не имею дела; я не умею приняться за дело». И таким образом знаменитый восточный фатализм объясняется очень просто: это — лень, бездейственность, слабосилие, непредусмотрительность, которые стараются найти себе какое-нибудь основание, прикрыться каким-нибудь предлогом.

Десять лет на Кавказе. Статья вторая, помещенная в той же книге «Современника», лучше первой¹⁰. Вместо распространений о том, что уж давно известно, автор сообщает здесь несколько не лишенных интереса подробностей о нравах двух или трех маленьких племен Кавказа. Двух или трех, говорим мы, потому что два из трех могут быть считаемы почти за одно и то же племя.

Говоря о первой статье г. Березина *Христиане в Месопотамии*

и Сирии, помещенной в одном из предыдущих номеров «Москвитянина», мы выражали сожаление, что автор не дал единства, цвета и интереса отрывочным, сухим и монотонным заметкам своего дневника, не представил общей картины положения христиан в посещенных им землях¹¹. Г. Березин предупреждает наши замечания второю статьей («Москвит.» № 17), которой придан именно тот вид, какого мы желали от первой. Поэтому вторая статья имеет интерес, читается легко и не без пользы.

В этой же книжке «Москвитянина» помещена вторая статья г. Железнова о башкирцах. Антипатия к этому племени, высказывавшаяся и в первой статье, здесь достигает уже развития, быть может, не совсем справедливого¹².

ЖУРНАЛИСТИКА

<ИЗ № 12 ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1854>

<...>Статья об Азии и романтизм в «Библиотеке для чтения». — Путешествие по Полесью и Белорусскому краю, г. Шпилевского. — Шеллинг. — Статьи «Паптеона» и сомнительная его заграничная корреспонденция.

В XI книжке «Библиотеки для чтения» помещена вторая и, вероятно, последняя статья об Азии¹; она составлена г. К. Жуковским, принявшим, повидимому, за правило, для приведения своей статьи в гармонию с первою, писанною г. С. в 1835 году, не сообщать данных, относящихся к последующему двадцатилетию, и останавливаться в своих показаниях на 1837—1839 годах². Так, например, говоря о Нижегородской ярмарке, г. К. Жуковский «приводит общие итоги ярмарочной торговли за 1837—1839 годы», как будто сведения наши о Нижегородской ярмарке не простираются далее этих годов. Потом делает он обширные выписки о кяхтинской торговле из «Журнала мануфактур и торговли» также за 1839; данные, сообщаемые выписками, оканчиваются 1837 годом. Сведения о голландской и английской торговле в Азии останавливаются в одних случаях на 1815 году, в других на 1825; редко доходят до 1834 и, как единственное исключение, блещит цифра ящиков опиума, привезенных в Китай в 1845 году. На 1836 году останавливаются сведения, сообщаемые г. К. Жуковским об «Азиатских обществах». Но это еще совершенно современные данные сравнительно с теми, на которых останавливается «Очерк истории азиатских народов»: сведения о распространении английских владений в Ост-Индии заключаются 1799 годом — о дальнейших событиях слухи еще не дошли до Европы, что и очень натурально, если принять в соображение отдаленность расстояния. Нам кажется, что г. К. Жуковскому нужны были большие археологические сведения, чтобы отыскать столь устарелые материалы для своей статьи. Если целью его было представить в наглядном очерке, как неточны и скудны были

понятия об Азии у старых землеописателей, он довольно удачно достиг своей цели. Кроме отсталости данных, статья любопытна в том отношении, что о всем важном говорит очень коротко, о всем неважном чрезвычайно распространяется. Это произошло, вероятнее всего, таким образом: статья какой-нибудь старой энциклопедии, послужившая оригиналом для «Библиотеки», относительно всех важных предметов ссылалась на особенные статьи, помещенные в той же энциклопедии, и говорила только о предметах не столь важных, не заслуживавших объяснения отдельными статьями; «Библиотека для чтения», по всей вероятности, перевела или переделала эту статью об Азии, не пополнив ее сведениями из других статей, на которые она ссылается. Только этим объясняется, почему, например, под рубрикою «Азиатские языки» ничего или почти ничего не говорится о санскритском, еврейском, арабском, монгольском, татарском, а, напротив, очень подробно говорится о бирманском, сиамском, корейском, яванском языках. Точно так же о климате, флоре и фауне Китая говорится гораздо менее, нежели о климате, флоре и фауне Тибета. Мы, впрочем, не думаем обвинять г. К. Жуковского в недостатках его статьи: почти все до сих пор являвшиеся в географическом словаре «Библиотеки для чтения» статьи имеют между собою такое сходство, что должны быть составлены по одной программе, на основании одинаковых правил, по одинаковым материалам; следовательно, в странных качествах статей виновны не сотрудники, действовавшие по программе, а редакция, составившая программу.

Неудобство пользоваться данными, которые устарели на двадцать лет, очень ясно обнаруживается статьею г. Сенковского о «Диагоре», трагедии г. Алферьева («Библ. для чт.» № XI)³. Спор между классиками и романтиками окончился еще в тридцатых годах; в статье же г. Сенковского распря эта представляется живым вопросом, интересным для публики. В ней доказывается, что Корнель и Расин были хорошие писатели: кто же ныне сомневается в этом? Кроме того, доказывается, что историческая верность нравам эпохи не может быть соблюдена в поэтическом произведении, потому что даже г. Алферьев, глубочайший знаток греческих древностей, не мог соблюсти ее. Понимать эту иронию надобно, вероятно, в том смысле, что автор «Диагора» плохо знает греческую жизнь; но стоило ли писать два печатные листа в доказательство этого? Незнание изображаемой эпохи довольно ясно высказывается в «Диагоре», и неужели нужно было прибегать к околичностям, чтобы решиться намекнуть, что «Диагор» плохая трагедия? Уж двадцать один год «Библиотека для чтения» иронически хвалит все плохие произведения⁴: однообразие такой иронии давно уж отняло у ней всякую живость и остроту.

«Современник» бывает очень недоволен, если встретит в каком-нибудь другом журнале статью, которая, справедливо или несправедливо, покажется ему тяжелою. Но редко мы встречали в каком бы то ни было издании произведения столь утомительные,

как огромная «статья четвертая» *Путешествия по Полесью и Белорусскому краю* г. Шпилевского («Соврем.» № XI)⁵. На десятках страниц излагается в ней топография Минска, Заславля и нескольких белорусских сел; на десятках страниц исследуются вопросы вроде того: действительно ли село Лошница существовало в XV веке? Как должно писать это имя: «Лошница», или «Ложница», или «Лосьница»? Наконец, действительно ли в старину бывали в Лошнице торги по субботам? Для разрешения первых двух вопросов г. Шпилевский не находит положительных данных и должен ограничиваться предположениями; но вопрос о субботних базарах в Лошнице, к счастью, может быть положительно решен на основании грамоты Сигизмунда III, которую г. Шпилевский приводит в подлиннике и в переводе (стр. 40—47). Неужели все это важно, интересно и, главное, журнально?..

По случаю смерти Шеллинга⁶ в «Москвитянине» (№ 19) помещена его биография. Жизнь Шеллинга, как известно, разделяется на две половины. В ранней молодости он приобрел себе знаменитое имя, был признан первым из современных философов, увлек вслед за собою лучших немецких мыслителей; его система абсолютного тождества, принятая такими людьми, как Гегель и Окен, имела огромное влияние на развитие наук, особенно естественных. Но скоро Шеллинг замолчал и, продолжая считать себя попрежнему обладателем единственной истинной философской системы, не издал ни одной книги, ни одной брошюры для раскрытия своего образа понятий, который, по словам его приверженцев, уж очень немногочисленных, значительно изменился. Что было причиною такой бездейственности? Вероятнее всего, соединенные чувства оскорбленной гордости и бессилия; вероятнее всего, Шеллинг молчал потому, что сознавал невозможность открыто бороться с преемником своим в области философии, Гегелем, которого система совершенно помрачила славу Шеллинга. По смерти Гегеля Шеллинг отважился было на борьбу с противником, который уж не мог отвечать, и объявил, что разрушит гегелеву систему новою своею «положительною философиею»; но слушатели, с любопытством собравшиеся на его лекции, скоро увидели, что громко возведенная новая философия не более, как жалкое искажение прежней системы Шеллинга произвольными дополнениями, противоречащими духу всякой философии; ожидания были обмануты, любопытство угасло, и Шеллинг был забыт, несмотря на влияние, которое имел в Пруссии Шталь, едва ли не единственный последователь его положительной философии⁷. Статья, помещенная в «Москвитянине», по всей вероятности, переводная, недурно рассказывает первую, блестящую половину жизни Шеллинга, но придумывает слишком наивные объяснения для его бессильного и завистливого поведения в последние тридцать лет, находя тут и смирение, хотя он говорил чрезвычайно надменным тоном, и высокие подвиги самоотвержения, хотя подвиги эти ограничивались недостойными выходками против умерших соперников.

Об *Исследованиях* г. Гильфердинга *О балтийских славянах* (продолжение в № 18 «Москвит.») мы уж говорили несколько раз⁸. О *мере наказаний в древнем русском праве* г. С. Баршева («Москвит.» № 18) — маленькая статья, не имеющая никакой важности. *Уральская старина* (статья первая) г. Железнова — недурной рассказ о приключениях старинного уральского удалца. Нам показалось, однако, что в новом рассказе г. Железнова более искусственности, нежели в прежних его статьях об «аханном рыболовстве»⁹.

«Пантеон» в 9-й и 10-й книжках переводит *Исторические и критические замечания на главные сочинения Шекспира* Гизо. Они писаны уж очень давно; с того времени творения Шекспира исследованы гораздо лучше, и «замечания» Гизо устарели; да и в свое время они не пользовались большой славой ни в Германии, ни в Англии. Странно поэтому, что «Пантеон», желая представить своим читателям ряд статей о Шекспире, не выбрал лучшего комментатора. Впрочем, «замечания» Гизо написаны были для своего времени очень хорошо и, конечно, будут прочтены с удовольствием и не без пользы. — *Заокеанийские сцены* («Пантеон» №№ 9 и 10), подобно отрывкам, переведенным из нового сочинения Жака Араго *Оба океана* (№№ 9 и 10), *Бедствиям на море* г. Новосильского. (№ 9) и сухой статье *О последних арктических экспедициях* того же автора, не представляют ничего замечательного. Но замечательно следующее обстоятельство: в 9-й и 10-й книжках «Пантеона» помещены *Лондонские письма* с подписью В. С. — ясно, что «Пантеон» имеет своего корреспондента в Лондоне; но дурно то, что корреспондент «Пантеона» в то же время и корреспондент «Revue britannique», и письма, помещаемые во французском *Revue* — буквальный перевод с писем, которые он присылает в «Пантеон». Точно так же *Мадритские письма*, подписанные в «Пантеоне» буквами И. К., от слова до слова переведены в «Revue britannique». А так как французский перевод явился двумя или тремя месяцами *раньше* русского подлинника, то многие готовы будут советовать корреспондентам «Пантеона» именно указывать, что в «Revue britannique» помещается перевод, а в «Пантеоне» — оригинальная корреспонденция; иначе ход дела может быть понят превратно.

ЖУРНАЛИСТИКА

<ИЗ № 1 ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1855>

<...> Географический словарь «Библиотеки для чтения» и ее критика. — «Вестник естественных наук». — Газета «Кавказ».

В декабрьском номере «Библиотеки для чтения» продолжение Географического словаря не только занимает, по обыкновению, последние листы книжки, но и совершенно заменяет отделы наук, искусств, художеств и сельского хозяйства; статьи, помещенные

в этой книжке — «Академии» и «Алжирия». Каким образом «Академии» поместились между Австралией, Азией и Алжиром — остается загадкой. Мы столько раз уже говорили о характере этих статей, что, из опасения утомить читателей повторением доказательств и суждений, совершенно сходных с прежними, не хотим разбирать ни «Академий», ни «Азии», ни «Алжирий»¹. Несколько новее могут быть наши замечания о разборе драмы г. Мея «Сервилия»² и потому переходим к этому разбору.

Г. Мей изображает римских стоиков, основываясь на рассказах Тацита. Г. Сенковский не хочет согласиться с его взглядом, имеющим одно достоинство — основательность, но вовсе не поражающим эксцентричностью. Мы не можем, подобно г. Сенковскому, обвинять г. Мея за то, что он не представил стоиков в таком виде, какой принимают они в глазах критика, который, впрочем, находит и другой недостаток в драме г. Мея. Но прежде, нежели скажем о втором недостатке, припомним одно из предисловий немецкого ученого, Розенкранца³: «Я (говорит Розенкранц) опытом убедился, что автор не должен объяснять значения своего произведения. Не укажи он в предисловии, что хотел написать, одни только основательные рецензенты поймут, в чем дело. Но если автор вздумает объяснить, на какие стороны его труда надобно обратить внимание, тотчас же все это будет повторено всеми рецензентами, только с многочисленными ошибками. Я решился не подавать повода к ошибкам и потому не стану говорить, что в моем сочинении хорошо, что недостаточно; не хочу, чтоб мои же суждения выдавались потом рецензентами за открытия их собственной проницательности и представлялись публике дурно понятыми». Нечто подобное случилось с г. Меем. В предисловии к своей «Сервилии» он объяснил, что вывел несколько лиц твердых, спокойных и холодных, потому что эти черты преобладали в римском характере; потом он говорит, что старался верно изобразить нравы представляемой эпохи. Не знаем, что сказали бы ученые критики о «Сервилии», если б сам г. Мей не указал им, что можно сказать; но, прочитав его предисловие, мы уже знали наперед, о чем начнут толковать рецензенты. Не приводя других примеров, ограничимся одним последним. Г. Сенковский повторяет все, сказанное самим автором, и, конечно, ставит каждое указанное автором качество в большой недостаток его драме, не видя в ней никаких других недостатков. По мнению г. Сенковского, г. Мей напрасно старался верно представить нравы изображаемой эпохи — верности нравов в драматическом произведении решительно не нужно, также недоволен критик тем, что некоторые лица пьесы представлены людьми твердого, холодного характера и т. д. Одним словом, критик видит в драме все, что указывается предисловием к ней, и всем, что видит, недоволен, потому что, иначе, в чем же обнаружилась бы самостоятельность его суждения?

Литературные известия из Варшавы г. Паплонского («Москвит.», книжки 20-я и 21-я) сообщают несколько любопытных

сведений о новых исследованиях польских историков относительно славянского богослужения, которое предшествовало в Польше латинскому, особенно о новейших трудах Мацеевского⁴. Что в Польше существовало некогда славянское богослужение, введенное учениками Кирилла и Мефодия, давно признано основательными историками, и мнение об этом, высказанное в первый раз Мацеевским, утвердилось в науке. Едва ли будет иметь такую счастливую участь его новейшее мнение о славянском происхождении салических законов и аллодиального права⁵. Доказательства ученого польского исследователя натянуты, словопроизводства неверны. Каково бы ни было происхождение слова *alod*, или, как хочет писать его Мацеевский — *alot*, ясно, что его нельзя считать составленным из славянского от (отец) и мнимой формы *аль* вместо *для*; в каких же памятниках встречается *аль* вместо *для*? Это форма придуманная, никогда не существовавшая. Мы почли нужным заметить произвольность и неосновательность такой гипотезы, потому что авторитет Мацеевского, очень значительный в науке, может некоторых заставить принять без проверки его мнение, которое необходимо вовлечет в большие ошибки.

В XI книжке «Пантеона» продолжают статьи: *Замечания на главные сочинения Шекспира* Гизо и *Оба океана* Жака Араго; продолжают также парижские и лондонские письма, заимствуемые «Пантеоном» из французских журналов и выдаваемые им за его собственную корреспонденцию; сверх того, помещена переводная статья *Алхимия и искатели философского камня*.

В XII книжке «Современника» окончено извлечение из статей Ломени⁶ *Бомарше*, начавшееся с лишком два года назад, и помещено основательное исследование г. А. Пыпина *О романах в старинной русской литературе*, представляющее довольно много важных материалов для истории русской литературы.

XII № «Пантеона» и последние номера «Москвитянина» еще не выходили до 30 декабря.

Говоря о периодических изданиях прошлого года, считаем долгом упомянуть о «Вестнике естественных наук», издаваемом Московским обществом испытателей природы⁷. Это первое по времени и единственное у нас периодическое издание, популярное по изложению, естественно-историческое по содержанию. Польза и своевременность подобного журнала бесспорны. За границей, особенно в Германии, издания подобного рода появляются в большом числе и расходятся в значительном количестве экземпляров. С той поры, когда популярные сочинения по разным отраслям естествоведения стали пользоваться особенным успехом в русской публике, необходимость в таком периодическом издании, как «Вестник», становилась все более и более ощутительною. Поэтому неудивительно, что «Вестник», несмотря на недавность своего существования и свою специальность, имел успех в публике. Этот журнал и «Русский художественный листок»⁸ в настоящее время у нас — единственные иллюстрированные периодические издания.

Надо отдать справедливость редакции «Вестника»: она исполняет свою программу добросовестно, по мере сил. В течение целого года журнал очень исправно выходил в свет каждую субботу. Политипажи (мы их насчитали до 200) выполнены очень удовлетворительно, а рисунки — даже превосходны и большая часть их в несколько тонов. Те и другие делают честь искусству московских резчиков на дереве, литографий и типографий. Вообще внешняя сторона журнала заслуживает большой похвалы, особенно если принять во внимание дешевизну издания, у нас доселе почти небывалую. Как по числу, так и по объему оригинальные статьи «Вестника» значительно превосходят переводные. Из числа первых особенного внимания заслуживают статьи К. Ф. Рулье («Белемниты», «От нечего делать», «Сипуха или Огонистая сова», «Ибис», «Адансон и Баобаб» и др.), Гр. Е. Щуровского («Коралловые острова», «Чернозем», «Ископаемый каменный уголь»), Н. А. Северцова («Горные хищники»), А. О. фон Лерхнера («Чайки в Соловках»), А. С. Ершова («Электрические телеграфы»), Ф. Базинера («Расселение растений») и многих других. Из числа переводных особого внимания заслуживают: «Переселения» — Шлейдена, «Движение земли около своей оси» — Отто Улэ, «Беспредельность вселенной» и «Небесные светила» — Митчеля⁹. Старания редакции об удачном переводе технических, научных терминов на общеупотребительный русский язык заслуживают особого указания и полной хвалы. Желательно, однакож, чтоб на различные отрасли естествознания обращалось было равное внимание. Почти половина «Вестника» занята статьями зоологического содержания; на долю ботаники пришлось сравнительно мало, а многие естественные науки не имеют вовсе представителей. Пожелаем также, чтоб отдел «Смеси» был полнее и сообщал читателям известия о всех (разумеется, по мере возможности) важнейших современных открытиях в области естественных наук. Мы уверены, что изменение, которое редакция сделала во времени выхода («Вестник» будет теперь выходить один раз в две недели, оставаясь в прежнем объеме, потому что каждый номер состоит из двух листов), послужит в пользу изданию. Через это изменение редакция избавится, между прочим, от необходимости, весьма затруднительной: уменьшать объем статей, чтоб не растягивать их на несколько номеров или не занять всего номера одною статьею. Редакция «Вестника» заслуживает признательность русских читателей: она осуществила на деле мысль, которая давно и сильно занимала многих, но не находила исполнителей, именно: мысль об издании, периодическом по выходу, популярном по изложению, естественно-историческом по содержанию. Мы осмеливаемся думать, что, быть может, скоро «Вестник» не будет единственным у нас изданием в этом роде. Русские типографии и литографии делают с каждым годом изумительные успехи. Скоро мы перестанем вовсе жаловаться на недостатки роскошных по наружности и дешевых по цене изданий. Не далее

как в будущем месяце придется нам говорить об одном и, быть может, даже о двух сочинениях, принадлежащих к этой категории.

Долгом поставляем также обратить внимание читателей на прекрасную газету «Кавказ», издаваемую под редакцией г. Вердеревского¹⁰. Это издание включает в себе драгоценные местные сведения о прошлой и нынешней жизни той любопытной страны, которой имя оно носит, и, сверх того, сообщает все важнейшие сведения об остальной России и современных европейских событиях. «Кавказ» будет издаваться и в нынешнем году. В каждом его номере будут помещаться: 1) главнейшие правительственные распоряжения, замечательнейшие известия из России и высочайшие приказы по Отдельному кавказскому корпусу и войскам, к нему прикомандированным; 2) летопись Кавказского края; 3) военные известия с Кавказа и с закавказско-турецкой границы; 4) важнейшие иностранные известия; 5) статьи учено-литературного содержания, преимущественно (но не исключительно) относящиеся к истории, этнографии и статистике Кавказского и Закавказского края; 6) фельетон или статьи по части изящной словесности, касающиеся по большей части предметов современного местного интереса; 7) разные объявления; 8) известия о зрелищах в Тифлисе; 9) метеорологические наблюдения, производимые на Тифлисской магнитной обсерватории, и, наконец, 10) известия о приезжающих в Тифлис и уезжающих из него. Цена за годовое издание «Кавказа» 8 р. 50 коп., за полугодие — 4 р. 50 коп.

ЖУРНАЛИСТИКА

<ИЗ № 2 ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1855>

<...> Географические статьи «Библиотеки для чтения» и журнал Хметевского. — Жизнь Алкивиада, г. М. ***

Пользуясь этим опытом, не скажем ничего о продолжении географического словаря «Библиотеки для чтения»; уведомим, однако, читателей, что география эта, начинавшая обнимать не только разные области, но и то, что выстроено на земле этих областей (*Академии*, в последнем номере «Библ. для чт.» за прошедший год), ныне простирает свои исследования и на то, что скрывается в земле: в первом номере «Библиотеки для чтения» помещены статьи *Алмаз* и *Алтай*. Итак, читатели «Библиотеки для чтения» теперь познакомились с Абобьернеборгскою губерниею, Австралиею, Австриею, Азиєю, академиями, Алжиром, алмазом и Алтаем и в течение полугода изучили половину буквы А. По расчету оказывается, что через тридцать пять лет познакомятся они и с буквами Θ, V. Тогда, конечно, будет позволительно предполагать, что немногие, дожившие до этого отдален-

ного, но счастливого времени, успели уж позабыть букву А, и снова можно будет начать им уроки алфавита.

Журнал Степана Петрова сына Хметевского, первая половина которого напечатана в «Современнике» (№ 1), совершенно удобен для первоначальных упражнений¹. Уроки, если начнутся, например, с 3 февраля текущего года, могут быть распределены следующим образом:

3 февраля, четверг, урок 1. 15 апреля корабль «Януарий» пошел в крейсерство к Патмосу, к Анатолии, на смену кораблю «Саратову».

4 февраля, пятница, урок 2. 17 апреля корабль «Саратов» пришел в Аузу.

5 февраля, суббота, урок 3. 19 апреля транспортных судов пятнадцать пошли из Аузы, а для конвоирования посланы до Гибралтара фрегаты «Надежда» и «Парос».

6 февраля, воскресенье, урока не задается, отдых.

7 февраля, понедельник, урок 4. 10 мая корабль «Не тронь меня», фрегат «Северный орел» и рагузинских несколько пошли из порта Аузы на Миконский рейд.

И так далее. Говоря серьезно, неужели можно подобные материалы печатать в журнале, старающемся о легкости и занимательности? В кратком и сухом журнале Хметевского о пребывании его корабля на архипелажских водах во время войны 1770—1774 годов, может быть, найдется пять или шесть кратких указаний, не бесполезных для соображения будущему историку этой войны; но возможно ли занимать страницы неспециального журнала сухим перечнем, небольшой образчик которого мы представили? Особенно странно это в «Современнике», который так любит гордиться своим стремлением к легкости, так строго осуждает в других журналах статьи, кажушиеся ему скучными или тяжелыми. Если уж непременно хотелось «Современнику» напечатать что-нибудь о турецкой войне 1770—1774 годов, он мог бы, выпустив все перечни о не ведущем ни к чему передвижении судов, напечатать в виде отрывков те места из «Дневника» Хметевского, где говорится о каких-нибудь важных мерах и о военных действиях: тогда первая статья, вместо тридцати восьми страниц, заняла бы осьмнадцать; но и в них разве восемь нашел бы сколько-нибудь нужными для себя будущий историк или интересными читатель, знакомый хотя посредственно с русскою историею; потому что самые описания сражений, в которых участвовал Хметевский, чрезвычайно сухи, бледны и кратки и не сообщают почти ничего нового.

Жизнь Алкивиада, М*** («Современник», № 1, статья первая) написана, напротив, очень недурно, и хотя не имеет особенного ученого достоинства, но читается с интересом. Эта статья — перевод, хотя она и не отнесена в журнале к переводам.

ЖУРНАЛИСТИКА

<ИЗ № 3 ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1853>

<...> Письма Карамзина к Тургеневу. — Очерки Жмуди.

Письма Карамзина к Александру Ивановичу Тургеневу (числом 29), напечатанные в «Москвитянине» (№ 1) с примечаниями А. И. Тургенева, представляют много материалов для биографии Карамзина; особенно они объясняют ход его работ при составлении «Истории Государства Российского». А. И. Тургенев был, как видно, советником нашего историографа, указывал и доставлял ему много материалов, и корреспонденция, теперь изданная, почти исключительно относится к этому предмету. Так, Карамзин расспрашивает А. И. Тургенева о трудах и мнениях Лерберга (письмо от 23 августа 1807 года и другие), просит у него и получает диссертации Ходкевича (п. 3 сент. 1808 г.), сочинения Гоппе, Энгеля, Зиморовича (п. 3 дек. 1808 г.); А. И. Тургенев указывает ему Ибн-Гаукала (п. 28 февр. 1809 г.); Карамзин получает через него «Ипатьевскую летопись» (п. 17 сент. 1809 г.)¹ и т. д. Вообще мы видим, что А. И. Тургенев был одним из главнейших помощников Карамзину в отыскивании материалов. Карамзин, с своей стороны, также имел иногда случай оказывать А. И. Тургеневу подобные услуги в исторических исследованиях (смотри письмо от 15 окт. 1809 г.). С восторгом сообщает он своему другу о важных находках, какие делал: об открытии «Хождения Даниила Паломника» (первое письмо, ранее августа 1807 г.), «Волынской летописи» (п. 23 сент. 1807 г.), списка «Степенной книги» с неизвестными прибавлениями (п. 21 янв. 1813 г.). По этим письмам следим за движением труда: в первых (1807—1809 гг.) Карамзин сильно занят вопросом о положении Саркела, столицы Хазар; 21 февраля 1811 года пишет: «спешу окончить Василия Темного» (V том И. Г. Р.); 15 июня 1814 года: «оканчиваю Василия Ивановича (VII том) и мысленно уж смотрю Грозного»; 21 сентября 1814 года: «Если бог даст, то послезавтра начну царя Иоанна»; 9 сентября 1815 года: «Казань уж взята, Астрахань наша, Густав Ваза побит и орден меченосцев издыхает» (окончание VIII тома); но в то же время он исправляет и первые томы по новым источникам, например, в 1815 году (окт. 20) пишет: «Насилу достал я Oriental geography и переменил несколько строк в I томе моей истории». Помещенные ныне в «Москвитянине» письма оканчиваются известием, что Карамзин готовится поднести в рукописи императору X и XI томы своей «Истории» (18 авг. 1816 г.). Кроме сведений об исторических занятиях, корреспонденция сообщает несколько известий о семейных обстоятельствах Карамзина, известий, впрочем, кратких и представляющих мало нового. Продолжение (еще 19 писем) обещано «Москвитянином».

В «Пантеоне» (№ 1) можно указать на первую статью г. Древлянского о Жмуди, интересную по своему предмету. О Жмуди очень мало было писано по-русски, и многие читатели вероятно из очерков г. Древлянского познакомятся с бытом этого племени ².

В «Библиотеке для чтения» (№ 2) продолжается буква А, представительницами которой на этот раз избраны «Алхимия» и «Америка». Интересно здесь то, что эти статьи начинают приятно пестриться: имея общую нумерацию, они напечатаны шрифтами, не имеющими между собою ничего общего. «Алхимия» усваивается г. Хотинским, который не почел нужным упомянуть, что сделал только извлечение из недавно вышедшей книги Луи Фигье ³ (см. «Отеч. зап.» нынешнего года, № 2, Смесь, стр. 166); об «Америке» заметим только, что в ней до сих пор существуют только мексиканские и перуанские рудники. Калифорнские золотые россыпи, которые богаче их, до сих пор еще не открыты. Впрочем, и самая Калифорния не завоевана еще Соединенными Штатами (стр. 139)... Да и к чему, скажите, журналу-лексикону следить за современностью? Потомки, когда получат последний том сго, должны же будут переправлять все томы; уж заодно!

ЖУРНАЛИСТИКА

<ИЗ № 4 ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1855>

<...> Ученые статьи в журналах за март. — Отзыв г. Ордынского о самом себе и о нашем разборе его книги.

Ученые статьи наших журналов за прошлый месяц представляют или мало оригинального, или мало замечательного. Так, в «Современнике» (№ 3-й) находим извлечение из сочинения Гервинуса о Шекспире (*Первые драматические опыты Шекспира*), сделанное удовлетворительно, и другую компиляционную или переводную статейку по английской литературе: *Жизнь и сочинения Тобиаса Смоллетта*, менее удовлетворительную по своей сухости. Сверх того, продолжается *История моей жизни Жоржа Занда*, которая решительно обманула ожидания почитателей ее таланта, целые четыре тома наполнив письмами своего отца, интересными для дочери, но не для публики, и *Записки парижского буржуа (Верона)*, которые подвергались во французских журналах самым беспощадным насмешкам ¹. — В «Библиотеке для чтения» (№ 3-й) помещено окончание *Путешествия в Луристан и Арави-стан*, о котором имели мы случай говорить в прошедшем году ², и оканчивается *Америка*, за которою, вероятно, последует и Ангора и Андалузия. — В «Пантеоне» (№ 2-й) г. Новосильский, сам не подозревая того, что стал последователем Канта, доказывает, что в действительности не существует ни времени, ни про-

странства, что и время и пространство просто оптический обман, потому что луч света долетает до земли от некоторых звезд в течение не менее, как трех тысяч лет³. — Наконец в «Москвитянине» (№ 2-й) помещена статья г. Березина *Христиане в Сирии*, служащая продолжением прежних его статей подобного содержания, о которых мы уже говорили⁴.

Итак, не было бы в наших журналах за прошедший месяц ничего нового по части учености, если б г. Ордынский не вздумал напечатать в «Москвитянине» очень горячую реплику на отзыв, сделанный нами в прошедшем году («Отечеств. зап.» 1854, № 9-й, сентябрь) об «Аристотелевой Пиитике», переведенной и объясненной им, г. Ордынским. В этом отзыве мы отдавали должную справедливость трудолюбию г. Ордынского: он называет это комплиментом и сердится за комплимент; мы говорили также, что г. Ордынский сделал удачный выбор, взяв предметом своего рассуждения такое важное сочинение, как Аристотелева Пиитика, и это кажется г-ну Ордынскому комплиментом... Но мы остаемся при прежнем мнении, что г. Ордынский трудолюбивый человек, хотя ему самому и угодно не признавать справедливости такого о нем отзыва. Кроме того, он говорит, что, относительно вопроса, в каком виде дошел до нас текст Аристотелевой Пиитики, разделяет общее мнение ученых, что этот текст — отрывок чернового эскиза, страждущий неисправностями всякого рода. Если так, значит г. Ордынский принял ныне же мнение, которое старались защищать и мы *против* его рассуждения, доказывавшего, что Пиитика — сочинение полное, оконченное, дошедшее до нас в целости, а не отрывок чернового эскиза; в таком случае его нынешнее мнение основательно и мы этому очень рады. Наконец, он уверяет будто бы сделал свой перевод хорошим языком: читатели «Отеч. записок» очень легко могут решить, хорош ли язык перевода, когда потрудятся прочитать выписки из него, представленные в нашем разборе: если они найдут, что перевод г. Ордынского написан хорошим языком, мы опять будем очень рады, хотя не надеемся иметь это удовольствие. Наконец г. Ордынский утверждает, будто бы рецензент не читал его книги. С прискорбием должны мы сказать, что читали и перечитывали ее три раза, стараясь отыскать в ней все малейшие достоинства; это прилежание было вознаграждено успехом: мы убедились, что комментарий составлен старательно, хотя и в защиту неосновательного мнения. Если г. Ордынскому так важно знать, читали ли мы и сколько именно раз читали его книгу, он может удостовериться в этом самым положительным образом: мы готовы передать ему наш экземпляр этой книги; пусть он отдаст его на суд людей, занимающихся сличением почерков — они удостоверят г. Ордынского, действительно ли нашею рукою сделаны замечания на полях его книги; потом г. Ордынский передаст этот экземпляр в руки химиков, и они решат, действительно ли замечания эти писаны семь месяцев назад, и писаны разными чернилами, и сколько раз при-

нимались мы делать эти замечания. Таким образом чрезвычайно важный вопрос будет исследован с торжественностью, какой не бывало примеров с того времени, как совершенно подобным образом в 1818 году был исследован манускрипт чешской песни о Суде Любуши. Вопрос о книге г. Ордынского и о том, сколько раз перечитали мы ее, решаясь сказать, что перевод сделан тяжелым языком, необыкновенно важен для судьбы науки...

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВ, НАУК И ПРОМЫШЛЕННОСТИ *

<ИЗ № 8 ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1854>

Кристалльный дворец в Сейденгэме: его происхождение, местность, наружный вид, цель и значение; обзор его содержания; историко-архитектурные палаты: египетская, греческая и римская, мавританская, ниневийская, византийская, средних веков, эпохи Возрождения, итальянская, помпейский дом; коллекции произведений ваяния; отделения промышленной выставки; портретная галлерея; сады, коллекция допотопных животных; торжество открытия; расчеты основателей на будущее (с планом Сейденгэмского дворца). — Юбилей Королевского английского общества искусств. — Всемирные выставки: парижская, нью-йоркская и общегерманская. — Взгляд на новейшие усовершенствования в устройстве пароходов: пароходы Антильской, Кюнердовой, Коллинсовой, Шотландской компаний. — Новый гигантский пароход. — Быстрота плавания, достигаемая пароходами в последнее время; соединение парового механизма с парусною оснасткою. — Памятник Уатту. — Железная дорога в Калифорнию. — Подводный телеграф между Европою и Африкою. Электромагнитная гравировальная машина. — Добывание металлов из руды электромагнитным процессом. — Обращение диких животных; искусственное разведение рыбы и пиявок. — Акклиматизирование в Европе яка. — Сервиз, поднесенный Либиху. — Речи Ельмерса и Мэкуорта о патологии рабочих. — О связи между ветром и болезнями. — Исцеление кретинизма. — Влияние луны на землетрясение. — Общественная жизнь в Лондоне. — Общественная жизнь в Париже. — Парижская итальянская опера. — Некрологи замечательных людей, умерших недавно во Франции. — Смерть Эмиля Сувестра. — Некролог г-жи Зонтаг (графини Росси). — Опера в Лондоне; Гризи, il Seraglio, опера Модарта. — Santa Chiara, новая опера Эрнста, герцога Саксен-кобургготского.

Прилагая к этой книжке «Отечественных записок» *План Кристалльного дворца и садов в Сейденгэме*¹, мы обязываемся тем самым представить читателям по возможности полное обозрение замечательного здания, о котором не может без увлечения гово-

* Составлено по журналам: Revue des Deux Mondes, Revue de Paris, Revue Britannique, Revue Contemporaine, Edinburgh Review, Bibliothèque de Genève Illustration, Illustrated London News, Illustrierte Zeitung, Magazin für die Literatur des Auslandes, Das Ausland, Erheiterungen, The Athenaeum, L'Athenaeum Français, Novellen-Zeitung, Institut, Indépendance Belge, Journal des Débats:

рить ни один из десятков тысяч людей, присутствовавших при торжестве его открытия, и сотен тысяч посетивших его в течение нескольких следующих недель. В «Отечественных записках» не раз уж говорилось о происхождении, плане и назначении Сейденгэмского Кристального дворца. Напомним кратко эти прежние известия.

Всеобщий восторг, возбужденный Кристальным дворцом Лондонской всемирной выставки, возбудил в его основателях надежду, что правительство, которое отвело для нее место в Гайд-Парке только с условием, что здание будет временное и будет сломано по закрытии выставки, согласится изменить свое решение и позволит оставить навсегда Кристальный дворец на прежнем месте. Вместе с основателями почти вся английская публика надеялась этого. Уже составлены были предположения обратить Кристальный дворец в сад; но парламент не мог согласиться на просьбу директоров и желание общества: решено было сломать дворец, сохранение которого отняло бы у лондонских жителей их лучшее гулянье. Сожаление о гибели, предстоящей чудному зданию, было всеобщее; оно доходило до забавной жёлчности: ревностные поклонники дворца громко осуждали парламент; газеты наполнялись статьями, убеждавшими английский народ «спасти отечество от позора, которым покроет его разрушение Кристального дворца, служащего воспоминанием о столь великом событии, как всемирная выставка». Пользуясь расположением умов, Пакстон, знаменитый строитель дворца, предложил нескольким капиталистам купить здание у прежних владельцев и перенести его куда-нибудь в окрестности Лондона (в городе не нашлось бы места для такой огромной постройки). Он советовал им обратить перестроенный дворец в музей искусств, естественных наук и истории; по его соображениям, предлагаемая им громадная спекуляция должна была найти достаточную поддержку в публике; он успел убедить и капиталистов. 17 мая 1852 года составила «Компания Кристального дворца», под председательством президента Брайтонской железной дороги, Семюэля Лэнга (Laing), и в несколько дней был собран нужный по смете капитал в 1 000 000 фунтов стерлингов (около 6 000 000 руб. сер.). Подробный проект задуманного Пакстоном предприятия, обработанный адвокатом Личем (Leech) и потом просмотренный Фоллером (Fuller), нынешним директором Сейденгэмского дворца, был утвержден компаниею; дворец купили за 75 000 фунт. стерлингов (450 000 руб. сер.). Пакстон отыскал для нового учреждения удобное место по Брайтонской дороге, верстах в десяти на юг от Лондона, близ Сейденгэмской станции. 5 августа 1852 года происходила закладка здания, и менее, нежели в два года, работы были окончены настолько, что 10 июня 1854 года новый дворец был открыт королевою при стечении 40 000 зрителей.

Сейденгэмский музей признает себя сыном Всемирной выставки 1851 года; и действительно, даже в порядке работ было

нечто, напоминающее Всемирную выставку: строителями руководило убеждение, что пересозидаемый дворец должен сохранить свой первобытный характер — служить соединением всего, что только может быть найдено превосходнейшего в искусстве всех народов, и что этого можно достигнуть только при равной помощи английских и иностранных артистов. Отпечаток этой мысли был виден и на материальной стороне труда: французские, итальянские, немецкие художники и отличнейшие мастеровые работали вместе с английскими над построением и украшением нового музея; иностранных рабочих было даже более, нежели английских; на подмостках и лестницах равно раздавались французская *chanson* *, итальянская ария, немецкая песня, английская песня. Даже грубая исполнительная часть труда должна была, по убеждению директоров, соответствовать эстетическому назначению дворца: не щадя издержек, они только искусным мастерам поручали исполнение тех декоративных работ, раскрашивания и резьбы, которые обыкновенно исполняются простыми малярами и плотниками. И действительно, перестроенный дворец вышел чудом искусства, красоты и великолепия; он настолько же изящнее, роскошнее прежнего Гайд-Паркского дворца, насколько Гайд-Паркский дворец был выше самых восторженных ожиданий. Говоря это, мы повторяем похвалы не одних только английских газет: их восхищение вполне разделяли французские газеты; немецкие газеты говорят о «чудном дворце» тоном еще более увлекающимся, нежели даже английские. И с какою недоверчивостью ни начали бы мы читать эти сотни восторженных статей, невольно придем к убеждению, что всеобщее увлечение чистосердечно и основательно. Чем более читаешь о новом дворце, тем более убеждаешься в этом: и единодушные восторга, и тысячи подробностей, и виды разных частей дворца, наполняющие теперь иллюстрированные журналы, — все показывает, что новый Кристальный дворец в Сейденгэме — нечто необыкновенно великолепное, изящное, ослепительное.

За удачное исполнение ручались директорам и публике имена людей, которым компания поручила управление работами: большею частью это были люди, уже удостоившиеся всеобщих похвал за построение прежнего Кристального дворца в Гайд-Парке. Сэр Джозеф Пакстон, архитектор прежнего дворца, управляет в Сейденгэме работами по саду, парку, оранжереям и всему растительному отделению, заведывая также общим построением самого здания; подрядчикам, выстроившим прежний дворец, Фоксу, Гендерсону и К⁰ поручена была и перестройка дворца в Сейденгэме; устройство художественных отделений и вся эстетическая сторона постройки поручена также ученым архитекторам, заведывавшим этою частью на Всемирной выставке — Ону Джонсу (Owen Jones), Дигби Уэйтту (Digby Waytt) и Чарльзу Уильду: первые

* Песня. — Ред.

два поровну разделили между собою историко-артистические «палаты» дворца, последний управляет инженерными работами. Юридические дела и все формальности были под надзором того адвокатского дома, один из членов которого, Лич, написал подробный проект нового дворца. Директором дворца по приему публики, хозяйству, заведыванию прислугою после открытия музея назначен Фоллер, окончательно просматривавший проект Лича.

Перенесенный в Сейденгэм, Кристальный дворец стоит на хребте ряда высоких холмов, идущих с севера на юг параллельно Брайтонской железной дороге; теперь к дороге выходит одно из крыльев здания; скоро будет проведена другая особенная дорога прямо в сад, на который выходит главный фас дворца. Сообразно местности, и здание дворца своею длиною стоит с юга на север. Отлогость возвышения довольно крута; поэтому с одного из двух длинных фасов, обращенного под гору, понадобилось сделать высокий каменный фундамент, образуемый рядом колонн. Фундаментом воспользовались для того, чтоб сделать в нем очень высокий подвальный этаж, называющийся теперь «Пакстоновым тоннелем»; он идет во всю длину здания, и в нем помещается громадный паровой аппарат для нагревания всего здания в холодное время. Об огромности снаряда можно судить из того, что длина всех теплопроводных труб в сложности составляет 50 миль (75 верст); кроме того, чрезвычайно обширное помещение осталось в тоннеле для выставки разного рода тяжелых машин, которые должны представляться публике постоянно в полном действии. Поставить их вверху, значило бы слишком обременить пол здания; кроме того, их шум беспокоил бы посетителей. Тут же стоят усовершенствованные земледельческие орудия всех родов.

От оконечностей главного здания идут перпендикулярно ему два узкие крыла, охватывающие лежащую перед дворцом садовую террасу. Каждое крыло длиною в 576 футов (82 сажени) и оканчивается башнею в 230 футов (33 сажени) высоты; наверху каждой башни устроен громадный водоем, содержащий около 2 000 бочек; из этих резервуаров вода, в случае надобности, может быть мгновенно устремлена во всякий данный пункт здания; с верхней галлерей башен виден весь Лондон и цветущие сады, поля и луга живописно возвышенными, усеянными деревьями и дачами окрестностей на пятнадцать или двадцать верст. Северное крыло предназначено для частных выставок, и, кроме того, в нем находятся апартаменты королевы; южное крыло — крытая галлерей, ведущая от железной дороги во дворец. Переходим теперь к описанию дворца.

План его несколько изменен при перенесении. Во дворце Всемирной выставки был замечен один архитектурный недостаток: он был непропорционально низок сравнительно с своею длиною. Теперь эта несоразмерность исчезла: длина здания уменьшена при перестройке на 240 футов, высота увеличена 44 футами, так что главный центральный трансепт Гайд-Паркского дворца сде-

лан в Сейденгэмском только одним из двух трансептов, совершенно подавляемых новым главным трансептом. Общий вид нового здания гораздо стройнее, нежели вид прежнего; кроме того, изменение назначения дворца повлекло за собою изменение стиля его постройки. Гайд-Паркский дворец, сообразно своему расчетливому назначению — служить пантеоном всемирной промышленности — был построен в суровом дорическом стиле, чуждающемся всяких украшений; Сейденгэмский дворец, служа музеем искусств, построен в стиле роскошного коринфского ордена и покрыт изящными орнаментами. Возвышенное местоположение дворца также производит чрезвычайно выгодный эффект; особенно поразителен его вид издали: синеватый оттенок стекла сливается с цветом неба, и дворец представляется волшебным полувоздушным замком. Длина дворца 1 608 футов (230 сажен); в среднем трансепте (трансептами называются части здания, где кровля возвышается идущею поперек здания аркою и сообразно тому расширяется выходящими с обеих сторон уступами) ширина здания 384 фута (55 сажен), в других частях несколько менее, от 40 до 50 сажен. Дворец в 40 раз больше величайшей в Англии залы, Вестминстерской залы; в четыре раза более громаднейшего здания в Англии, лондонского храма св. Павла. Чтоб дать понятие о громадности нового Кристального дворца петербургским жителям, сравним его с Пассажем. Ширина Сейденгэмского дворца почти равняется длине нашего Пассажа; длина соразмерна этой страшной широте. Тридцать или сорок пассажей едва равнялись бы Кристальному дворцу. Он, вместе с крыльями, занимает своим фундаментом площадь в 600 000 квадр. футов (более 5 десятин; здание, приготовляемое для Парижской всемирной выставки, занимает вдвое меньшее пространство); стеклом, употребленным на стены и кровлю его, можно было бы устлать пространство в 25 экров (около 10 десятин); если б все эти стекла положить в один ряд, они составили бы линию в 375 верст. Общая высота здания (не считая фундамента, 110 футов (16 сажен); в трансептах она увеличивается) и вершина арки среднего трансепта 176 футов (25 сажен) от полу и 200 футов (28½ сажен) от земли. Поперечник арки среднего трансепта 120 футов (17 сажен), то есть тремя саженями более диаметра купола храма св. Петра в Риме.

Весь объем здания по увеличении высоты его кажется гораздо громаднее Гайд-Паркского дворца, так что описывающие его французы, с наивною своею склонностью к преувеличению, восклицают: Гайд-Паркский дворец был маленький домик в сравнении с новым зданием! Действительно, впрочем, фасад перестроенного дворца стал почти наполовину более прежнего.

Вдоль стен идут вокруг всего здания две галлерей; нижняя шириною в 24 фута (3½ сажени), верхняя в 8 футов (с лишком сажень). В боковых и среднем трансептах идет над ними третья галлерей ширины одинаковой со второю. В центральном тран-

септе идут выше этой галлерей еще две, так что в этом месте дворец опоясывается *пятью* идущими одна над другой галлерейми; самая верхняя идет в 130 футах ($18\frac{1}{2}$ саженьях) от полу, и длинные стороны продолговатого четырехугольника, ею опоясываемого, сообщаются одна с другою двумя висячими мостами.

Дворец открыт, но еще не все его отделения получили свой окончательный вид. Так залы южного конца, предназначенные для постоянной выставки мануфактурных произведений, не все еще заняты товарами; группировка статуй подвергнется новым преобразованиям; машины, которые должны стоять в тоннеле, еще не привезены; зоологические коллекции еще не все готовы; сады вполне распланированы и насажены, но деревья еще слишком молоды, так что полного великолепия достигнут они только через несколько лет. Но главное совершенно готово — само великолепное здание, которое мы описали, историко-архитектурные палаты, великолепные коллекции статуй и тропических деревьев, группами которых усеяно все здание; и новый Кристальный дворец, если будет еще во многих частях пополнен, то в целом уж представляется публике тем, чем должен быть по мысли основателей. Скажем же несколько слов о том, что именно хотели — и успели — сделать из него Пакстон и общество капиталистов и художников, приведших в исполнение проект изобретателя; и потом постараемся как возможно короче, чтоб не написать вместо нескольких страниц нескольких десятков листов, рассказать, чем теперь привлекает и восхищает Кристальный дворец десятки тысяч своих ежедневных посетителей.

Изучение наглядным образом чрезвычайно успешно, легко и с тем вместе привлекательно — вот основная мысль, породившая дворец. Среднее сословие в Англии далеко не имеет такого образования, чтобы любить и понимать науку в каких-нибудь монографиях, со всеми их подробностями. Насколько зрелище самого предмета поучительнее и интереснее, нежели его описание, насколько природа и произведения искусства прекраснее и увлекательнее руководств и бледных рассказов, настолько музеев, который наглядным образом будет знакомить с историею, естественными науками, произведениями древнего и нового искусства, нравами и образом жизни древних и отдаленных народов, будет для огромного большинства привлекательнее всех книг об искусстве, истории, этнографии, ботанике, зоологии. Как бы ни были громадны издержки, необходимые для такого музея, стечение публики поддержит это предприятие, вознаградит с избытком за все расходы, лишь бы только совершенство исполнения удовлетворяло требованиям любопытства и доставляло удовольствие посетителям. Таковы были коммерческие расчеты, которыми Пакстон, при помощи Лича, убедил капиталистов затратить огромные суммы для осуществления его прекрасной мысли, и, как мы увидим ниже, расчеты не обманули капиталистов. Но в предприятии, задуманном Пакстоном, есть, кроме коммерческой, и другая сторона.

Сейденгэмский Кристальный дворец должен знакомить посетителей своих с историею, искусствами и образом жизни древних народов и европейской старины своими историко-архитектурными копиями древних и старинных зданий, со всеми их украшениями, свидетельствующими о нравах и характере образованности людей, воздвигнувших эти здания; он должен своими портретами и бюстами представить посетителям замечательные исторические лица, он должен представить им копии со всех великих произведений скульптуры и, насколько то возможно, живописи; знакомить их с образом жизни и нравами отдаленных народов этнографическими коллекциями, в которых все племена являлись бы в характеристических сценах своей жизни; знакомить с промышленностью и произведениями новейшей образованности постоянными выставками и огромными магазинами; знакомить с приложениями науки к жизни коллекциею машин всех родов, с зоологиею — коллекциями животных, представленных в характеристических группах; с ботаникою — живыми растениями южных стран и Нового Света; восстановить допотопных животных и представить геологические коллекции так, чтоб посетители наглядным образом узнали историю земного шара; наконец своими фонтанами, орнажериями, статуями, своим архитектурным великолепием и разнообразием содержания, своими садами он должен быть для всех лучшим, привлекательнейшим местом отдыха и развлечения.

Не все это готово, как мы сказали, но все будет готово через несколько недель, месяцев; через два, три года разрастутся и великолепные сады. Взглянем на то, что уж совершенно готово и приняло свой окончательный вид.

Сейденгэмский дворец разделяется на три главные части: огромный четырехугольник центрального трансепта — главное средоточие коллекций скульптуры; они размещаются по четырем углам; середина трансепта оставлена свободною для прогулок и для того, чтоб одним взглядом можно было посетителю окинуть все здание; на южной половине — палаты произведений промышленности и искусств, портретная галлерея, и, на конце крыла, помпейский дом и коллекции естественной истории Старого и Нового Света; Северная половина вся занята знаменитыми архитектурными дворцами, залами или палатами (Courts). И на южной и на северной половине различные отделения дворца идут в два ряда вдоль стен, оставляя средину свободною, так что она представляет по ту и другую сторону главного трансепта непрерывные галлерей почти в 100 сажен длины, установленные роскошными группами цветов и деревьев; в конце той и другой галлерей фонтаны, с огромными мраморными бассейнами овальной формы; в бассейнах расстилают свои огромные листья водные растения; вокруг бассейнов, как и повсюду, группы деревьев и куртины цветов.

Начинаем свое обозрение северною половиною. По левой стороне ее от главного трансепта идет ряд египетских, греческих,

римских, мавританских палат; в конце галерея сфинксов, за нею ассирийская или ниневийская палата. Весь этот ряд построен Оном Джонсом. По правой руке от среднего трансепта идет ряд византийских и средневековых палат, палаты эпохи Возрождения и итальянская палата. Этот ряд построен Дигби Уйэттом.

Идем сначала по левому ряду палат, начиная от ближайшей к среднему трансепту, египетской.

Египетская палата состоит из нескольких отдельных частей, как и многие другие палаты; это было следствием желания представить образцы всех главных стилей, чрез которые прошло египетское искусство: выбор был сделан так удачно, что люди, путешествовавшие по Египту, остаются им совершенно довольны; некоторые даже восклицают, что, проездив год по разным частям страны фараонов, едва ли составишь себе такое отчетливое понятие о различных периодах египетского искусства, какое дает один взгляд на египетские палаты Сейденгэмского дворца. Гипербола эта становится правдоподобною, когда подумаем, что памятники различных периодов египетского искусства, разделенные неделями плавания по Нилу, здесь соединены в одно, и противоположность их ярче выставляет на вид характеристические особенности каждого стиля.

Вдоль одной стены главного отделения этих палат поставлены восемь колоссальных статуй египетских царей. Они стоят в конусообразных шлемах с золотою диадемою. У каждого в руках, сложенных на груди, пастуший посох и тройной бич; уста их спокойно улыбаются. Противоположная стена покрыта золотыми и пламенно-багряными солнцами, парящими на черных ястребиных крыльях. Между ними идут полосы яркоголубого, зеленого и красного цветов. Стержни колонн, вырезанные в виде стволов папируса, как бы связываются синими перевязями, между которыми квадраты покрыты высеченными гиероглифами; капители колонн — то простые четырехугольники, покрытые пятиконечными звездами, то имеют вид пальмовых или лotosовых листьев. Это период древнеегипетского искусства. Второе отделение — искусство птолемеевского периода; стиль архитектуры легче, изящнее. Колонны вырезаны в виде восьми связанных в один пук папирусовых стволов; потолок темносиний, усеянный звездами. Тут лазурный Озирис, которому поклоняются красные люди. Внешние панели палаты покрыты рисунками, изображающими подвиги Сезостриса. Третье отделение палат — «Абу-симбельская (Ипсамбульская) гробница» — нубийское видоизменение египетского искусства. Это отделение находится подле ниневийской палаты, за Адъгамброю (между №№ 37 и 35 нашего плана); к нему ведут громадные сфинксы (№ 43). Здесь две статуи Рамзеса Великого (Сезостриса); внутренность здания наполнена статуями богов и царей; посредине мраморный бассейн, в котором плавают лотосы. В одной из комнат знаменитый розеттский камень, которого надпись послужила ключом к чтению гиероглифов. Египетские

палаты украшены пальмами; на стенах повсюду высечены гиероглифы. Характер египетского отделения — какое-то таинственное, загадочное, величественное спокойствие и неподвижность.

За египетскими палатами — греческие. Не будем подробно описывать их, потому что характер этого стиля всем известен. Здесь собраны копии с лучших произведений греческой скульптуры: залы наполнены статуями и бюстами; стены покрыты парфенонскими фресками, и эта часть греческих палат породила жаркую полемику: строитель, Он Джонс, держась мнения некоторых ученых, что греки раскрашивали свои фрески, решился сделать опыт и выкрасил копии своего дворца. Очень многие знатоки нашли попытку неудачною, мнение ошибочным; время и общий голос посетителей решит, ошибся ли смелый художник; если ошибся, его ошибка легко может быть исправлена в несколько часов. Не будем распространяться и о римских палатах, также наполненных сотнями статуй римского периода искусства. В этих двух отделениях Аполлон Бельведерский, Венера Медицейская, Венера Милосская, Лаокоон, Умирующий гладиатор, сотни других знаменитых статуй и бюстов богов, богинь и исторических лиц. Здесь же копии с эгинских мраморов, этих интересных произведений младенчеству греческого искусства, в которых мы видим несколько ступеней развития ваяния от египетских неподвижных статуй до произведений Фидия.

Альгамбрские палаты — одно из удачнейших воспроизведений Сейденгэмского дворца; они — верная копия прекрасного подлинника; но в гранадской Альгамбре фрески осыпались, краски побледили, позолота потускла; в Сейденгэме все блестит свежестью и яркостью колорита; это часть Альгамбры XV века, от которой уцелела в Гранаде только поблекшая тень. В альгамбрских залах нет статуй и бюстов, на фресках нет ни одного живого существа; но ослепительная гармония, математически-правильная причудливость пестрых арабесков, чудный архитектурный стиль, мрамор и золото едва ли не вознаграждают с избытком отсутствие произведений скульптуры: красоты здания достигали мавры другими средствами, но достигали в таком же совершенстве, как и греки. «Львиная палата» прекрасно воспроизведена с знаменитым мраморным фонтаном, чашу которого поддерживают львы. Другое отделение — копия знаменитой «Залы Правосудия». Стены раскрашены синими, красными и желтыми арабесками и покрыты золотыми надписями из корана.

Ассирийская палата — не копия, а гармоническое воспроизведение различных развалин и древностей, найденных в Ниневии и Персеполе. Главная зала поддерживается четырьмя колоннами, имеющими около семи сажен высоты; они скопированы с персепольских; украшения капителей спускаются до половины колонн; самые стержни колонн вырезаны желобчатыми полосами; основания у них шарообразные, как в индийской архитектуре; у других колонн, поддерживающих широкий карниз стен, капители состоят

из двух быков. Плоский потолок расписан быками, антилопами, гранатовыми яблоками, еловыми шишками. Господствующие краски: красная, голубая и желтая. На барельефах перед нами живые картины ассирийских нравов. Вот царь в тиаре, осыпанной драгоценными камнями; вокруг него евнухи и воины; он скачет на битву в своей колеснице с балдахином; подле него лук и стрелы. Вот ассирийцы штурмуют крепость; вот данники приводят царю слонов, верблюдов, приносят золотой песок и слоновую кость. Вся внутренность палаты — воспроизведение хорсабадского дворца. У входа стоят колоссальные быки с крыльями и с человеческими головами — это копии с хранящихся в Лувре.

Мы обозрели одну сторону северной половины Сейденгэмского дворца, занятой архитектурно-историческими палатами; этот ряд палат (египетские, греческие, римские, мавританские, ниневийские) сооружен Оном Джонсом; теперь переходим к другому ряду, построенному Дигби Уйэттом. Между оконечностями обоих рядов фонтан, проектированный и построенный Рафаэлем Монти; его огромный продолговатый бассейн назначен для водных растений. Посредине северного трансепта, поперек рассекаемого этим бассейном, идет почти через всю ширину дворца галлерей громадных сфинксов, стоящих в два ряда. Она пересекается бассейном и примыкает к нубийскому отделению египетских палат. Прошед западный (левый, смотря из среднего трансепта) ряд палат по направлению от трансепта к оконечности дворца, мы будем обозревать восточный (правый) ряд их, начиная с оконечности и постепенно приближаясь опять к центральному трансепту, так требует их историческая последовательность: архитектор соображался в историческом расположении этих палат с порядком, в каком будет обозревать дворец большая часть посетителей.

Первая в восточном ряду от северного конца — византийская палата; она не так огромна, как ниневийская, не так блестяща, как альгамбрские, но очень интересна, потому что она памятник перехода от греко-римского искусства к средневековому; притом же она украшена копиями с картин Джотто и Чимабуэ². Образцы византийского стиля для Кристального дворца выбраны из его западноевропейских произведений; гигантские здания константинопольские не могли быть перенесены сюда в достойном виде: в уменьшенных размерах они потеряли бы свое оригинальное величие. В византийской палате скопированы: монастырь Иоанна Латеранского с фресками Джотто; двери кильпекской церкви; аугсбургские и гильдерсгеймские бронзовые врата, покрытые барельефами из ветхозаветной истории; кроме того, несколько образцовых частей из других зданий того же стиля в Германии, Ирландии и Англии. Нестройность архитектурных форм этих зданий отчасти выкупается их мозаиками, живописью и разноцветными мраморными колоннами.

Построение средневековой (готической) палаты представляло очень большие затруднения; трудна была задача совместить в

небольшом пространстве разнообразные формы огромных зданий, стиль которых выказывает свою легкость и красоту только под условием громадности размеров. Архитектор сделал все, что мог; он собрал лучшее в готических зданиях Англии, Франции и Германии. Среднее отделение занято фронтонами, памятниками и т. д. из Вестминстера и других английских готических зданий; в германском отделении замечательны резные группы мюнхенского ратгауза * и другие барельефы. Раскраска стен воспроизведена во всей оригинальности.

Разнообразие зданий эпохи Возрождения представляло архитектору столько же трудностей; но он успел счастливо победить их и привести в одно гармоническое целое флорентинские врата, венецианские статуи, перуджиянский плафон, нюрнбергские фонтаны. В одном из отделений этих палат стоит копия знаменитых резных ворот, чеканенных Гиберти, которые Микель Анджело считал лучшим произведением в этом роде и над которыми Гиберти работал двадцать лет³. На каждой половине их по десяти барельефов из священной истории; по краям гирлянды лилий и колосьев. Множество других подобных произведений оспаривают у них первенство по совершенству отделки. Тут же, посредине залы, два фонтана, один с нюрнбергского рынка, другой из Château de Gaillois; тут же два надгробные памятника герцогов Висконти. Все эти произведения, все стены самой палаты покрыты резьбою, усеяны сатирами, купидонами, грациями, птичками, клюющими плоды, медальонами; отделка повсюду так чиста и мелка, что кажется скорее гравюрою, нежели скульптурою; и если эпоха Возрождения была слишком расточительна на орнаменты, то каждый орнамент ее прекрасен. Палаты этого стиля в Сейденгэмском дворце — здание, все составленное из галантерейных вещей удивительной отделки. В этих палатах есть особенное отделение королевы Елисаветы — копия с ее Голланд-Гоузского дворца, украшенная фонтанами и статуями.

Не будем распространяться о последней и изящнейшей в этом ряду палат — итальянской палате: это роскошная зала — палатца Фарнезе в Риме, стены которой покрыты копиями с лучших картин и фресков великих живописцев XVI века; архитектурный стиль и живопись Микель Анджело и его современников так известны, что ими надобно только восхищаться, но излишне было бы здесь описывать их.

Мы обозрели историко-архитектурные палаты, занимающие всю северную часть дворца, и нам остается только сказать несколько слов о грациозном прибавлении к этой величественной галлерее — о «Помпейском доме», устроенном на другой, южной, половине дворца, среди кабинетов естественной истории Нового Света и палаты шеффильдских товаров. Наружность его не

* Орган городского управления в германских средневековых городах. — Ред.

обещает много; но внутренность очаровательна изяществом отделки и прекрасною живописью. Помпейский дом вместе с Альгамброю — самые любимые публикою отделения дворца.

В главном трансепте сосредоточены произведения скульптуры, не вошедшие в число украшений греческой, римской и итальянской палат. Их бесчисленное множество. Много есть в Сейденгэмском дворце и оригинальных статуй; но понятно, что никакие миллионы не могли доставить того, что уж хранится, как драгоценность, в музеях — с Лаокоона, Аполлона Бельведерского можно иметь только копии. Коллекция копий в Сейденгэме прекрасна и чрезвычайно полна, потому что компания Сейденгэмского дворца, не щадя издержек для приобретения, если возможно, самих оригиналов, не щадила издержек и для приобретения копий: художники ее ездили повсюду и, говорят, едва ли есть хоть одна знаменитая статуя, с которой не было бы копии в Сейденгэме. Кроме нескольких сот статуй и бюстов, рассеянных по всему дворцу, в среднем трансепте помещаются четыре коллекции произведений: 1) греческого и римского ваяния; 2) скульптуры средних веков и эпохи Возрождения; 3) французской и итальянской и 4) английской и германской скульптуры. Было бы излишне утомительно и невозможно хотеть представить сколько-нибудь полный список лучших из этих оригинальных произведений и копий, потому что и лучшие считаются здесь не десятками, а сотнями. Но назовем несколько знаменитых художников, которых имена особенно выставляются на вид многочисленностью и достоинством находящихся во дворце оригинальных произведений; к этому числу принадлежат из английских ваятелей: Джибсон, Уэстмэкотт, Мэршэль, Тид (Theed), Белль, Мэкдональд, Лагру (Lagrew), Спенс, Бэкон, Робильяк; из германских (и датских) — Торвальдсен, Раух, Шванталер, Даннекер, Ричель, Майер; из итальянских — Ринальди, Бриджиа, Санджиорго, Маньи, Бартолини, Страцца; особенно богато итальянское отделение произведениями Кановы: в Сейденгэмском дворце есть его Танцовщица, Нимфа и Купидон, Три Грации, Марс и Венера, Парис, Венера и Адонис, Геба, Магдалина и несколько других статуй; из французских ваятелей прислали свои произведения Клоде, Дюре, Бозио, Жюльен, Лекен, Нантейль, Дебэ, Гильом. Из всех этих бесчисленных групп и статуй заметим только колоссальные статуи Дюкена, Рубенса и Роберта Пиля (работы Марокетти) и группу фарнезского Геркулеса. Они стоят отдельно от прочих, образуя квадрат посредине площади главного трансепта; к числу украшений этой площади принадлежат также две прекрасные норфольк-айлэндские сосны, достигающие самой кровли здания. В центре южного трансепта возвышается над окружающими ее деревьями статуя Карла I.

Из среднего трансепта переходим на южную половину Кристального дворца. Большая часть ее занята отделениями промышленной выставки; они построены в разнообразных стилях: одни

в стиле времен Возрождения, другие готической архитектуры; фасады украшены арабесками, барельефами и медальонами. Особенно хвалят изящество архитектуры манчестерского отделения. Не будем подробно осматривать их, потому что они еще не все заняты товарами, хотя, без сомнения, скоро будут предметом упорной борьбы между фабрикантами, потому что выставленные вещи продаются чрезвычайно быстро; так, например, выставка мебели была два раза раскуплена вся до последней вещи в течение первой недели по открытии дворца; очень удачно идут дела и всех других промышленных отделений.

Кабинеты естественной истории, которые должны помещаться на самом южном конце дворца, еще не были совершенно готовы ко дню открытия дворца, хотя уж очень многое было поставлено на свои места. Животные, сделанные в натуральную величину из *rarier-maché*, представлены здесь в характеристических сценах: ягуар, терзающий антилопу; караван верблюдов, идущий по пустыне, и т. д. Но, вероятно, мы будем еще иметь случай говорить об этих коллекциях и потому спешим теперь перейти к портретной галлерее, протягивающейся от центрального трансепта на несколько десятков сажен между восточною (правою от центрального трансепта) стеною южной половины дворца и палатами иностранных изделий.

Мы не могли при обозрении архитектурных палат останавливаться над описаниями впечатлений, которые навеваются на зрителя египетским или ассирийским дворцом, Парфеноном или Альгамброю, не могли пускаться в подробную характеристику искусства различных народов и эпох: это заняло бы целые десятки страниц, и притом наши размышления не заключали бы в себе много нового; впечатления легко может вообразить себе каждый читатель, припомнив известные всякому в общих чертах характеристические особенности искусства и жизни народов в различные исторические периоды; но, говоря о исторической портретной галлерее Сейденгэмского дворца, мы выпишем несколько слов из статьи английского «Атенея»: здесь более новости в впечатлениях, более интересности в выводах.

«Особенное чувство овладевает нами, когда взойдем хоть на несколько минут в длинные аллеи исторического пантеона. Это чувство, подобное тому, какое должно было овладевать душою римского патриция в зале, установленной восковыми изображениями его предков, которые, кажется ему, благосклонною улыбкою одобряют его добродетели или грозными взглядами укоряют его за пороки. Мы понимаем здесь чувства, с которыми египтянин смотрел на мумии своих предков. Слабым и малым чувствуешь себя среди этого множества избранных детей природы, этих людей, давно умерших, но еще говорящих нам из гробов своих. В портретной галлерее окружают нас живописцы прошедших веков, от набожных Джотто и Фра Анджелико до прекраснейшего из людей — Рафаэля и Рубенса, гордо-приветливого, как

вельможи, с которыми он водил дружбу; поэты прошлых веков, от мрачного и восторженного Данте до любезного и веселого Ариосто; композиторы прошедших веков, от грустного Палестрины до Моцарта, живого, как венские слушатели его; нас окружают короли и полководцы, от благочестивого Людовика IX до блистательного Людовика XIV, от героя Баяра ⁴ до храбреца Мюрата ⁵. Один взгляд — и сколько возникает картин в нашей памяти! Этот Галилей уж не боится инквизиции; он смотрит гордо: кто скажет теперь, что земля не вертится? Потомство заплатило Корреджио за неблагодарность современников; Мильтон оценен позднейшими веками: он уж не нищий отверженец. Да, отрадно видеть, что время вознаграждает все несправедливости, и следующий век заглаживает вины предыдущих. Вот гордый Торреджиано, разбивший вдребезги свою статую, когда гидальго, ее заказавший, не хотел дать условленной цены; он умер, забытый современниками, а теперь его венчали славой; вот еще более гордый Микель Анджело, который, однакож, был в молодости принужден лепить статую из снега, чтоб сильный враг мог издеваться, глядя в окно на его шутовскую работу. Интересно сравнивать бюсты разных эпох. Нравственно испорченные женщины времен Римской империи, как например Фаустина, Агриппина, отличаются кривым круглым лбом и маленьким мягким подбородком, какие были отличительными чертами лиц века Людовика XV, и повторяются на портретах изнеженных и чувственных красавиц Кнеллера и Лели ⁶. Да, нельзя не видеть, что каждый век напечатлевал свои пороки и добродетели на лицах детей своих. В XV веке господствует лоб угловатый, в XVII — круглый, в XIII — плоский и широкий, в XVIII — выдавшийся вперед, нависший на глаза. Нам кажется, что в наш век начинает господствовать лучшая физиономия: лицо становится овальнее, лоб развитее и выше, губы определеннее, нос благороднее, прямее. Байрон, Шелли, Соути, Вордсворт, Китс ⁷ были прекрасны лицом. Многие из нынешних авторов имеют в лице нечто напоминающее век королевы Елисаветы».

Довольно много между знаменитыми людьми не уступающих в безобразии Сократу, который говорил, что его грубая физиономия свидетельствует, однакож, в пользу физиономики, потому что от природы он действительно получил грубые страсти и облагородил свой характер и ум только силою воли. Но есть в портретной галлерее Сейденгэмского дворца много и прекрасных лиц, которые красотою и величием выше греческих идеалов, и резец, их воспроизведший, произвел нечто совершеннейшее, нежели самые статуи Фидия. Общее впечатление исторической галлерей в Сейденгэмском дворце — задумчивое, но чрезвычайно отрадное убеждение в высокой красоте и благородстве человеческого лица.

Мы обозрели дворец и выходим на один из открытых коридоров того фаса, который обращен к парку.

Все отдают справедливость изящному вкусу и соображению

Она Джонса, Дигби Уйэтта и других строителей разных отделений Кристального дворца; но их имена бледнеют перед именем человека, задумавшего и построившего самый кристальный дворец; еще более Пакстон заставит забывать в Сейденгэме о всех других именах, когда его произведение восполнится до совершенно гармонического единства окончанием и развитием садов и парка. Специальность, которой посвящал свою жизнь Пакстон до всемирной выставки, было устройство садов и оранжерей; самая идея кристального дворца возникла у него в связи с прежним его изобретением огромной стеклянной теплицы для бассейна, в котором цвела гигантская *Victoria Regia*, эта гвианская водяная роза, у которой цветок имеет аршин в поперечнике, а листья — сажень. По одному этому можно уж было ожидать что Сейденгэмский парк и сад, при устройстве которых Пакстон должен был заботиться только о всевозможном величии и красоте, не стесняясь никакими расходами, будет нечто удивительное. Разнообразие местности, обильной каскадами и состоящей из беспрестанно сменяющихся холмов и долин, как нельзя лучше благоприятствовало планам строителя, и сейденгэмские сады, занимающие несколько верст, должны быть, по отзывам знатоков, чем-то невиданно величественным и прекрасным. Не нужно и говорить, что они наполнены гротами, каскадами, фонтанами, озерами, статуями и т. д. Скажем пока несколько слов о коллекции допотопных животных, помещающейся в садах. Фигуры этих гигантов сделаны в естественную величину Хокинсом (Hawkins) под руководством одного из первоклассных английских геологов и почетного члена нашей Академии наук, Она (Owen), по рисункам Кювье и Мэнтеля⁸, восстановивших по скелетам формы чудовищ древнего мира. Животные поставлены среди обстановки, воспроизводящей ту природу, среди которой они жили. Чтоб дать понятие о страшной массивности этих громад, скажем, что многие модели имеют более 2 000 пудов весу и что туловище игуанодонта поддерживается образующими кости его четырех ног чугунными столбами в четверть аршина толщиной. А есть много чудовищ превосходящих игуанодонта своею огромностью. В Сейденгэмском парке стоят ихтиосавр — рыбоподобная ящерица, совмещавшая в себе формы пресмыкающегося, птицы, млекопитающего и рыбы, лабиринтодонт, мастодонт, десятки других допотопных исполинов и огромнейший из всех своих современников — мегалосавр, перед которым нынешний слон то же, что овца перед крокодилом.

Нет сомнения, что великолепное здание, вмещающее в себе столько сокровищ науки и искусства, столько поучительного и истинно прекрасного, не только огромная спекуляция, но и учреждение, действительно имеющее цель серьезную и полезную. В этом убеждены все в Англии, стране не слишком доверчивой, и все англичане, народ совсем не мягкосердечный и восторженный, увлеклись своим новым Кристальным дворцом до восторга, до несоблюдения этикета, требуемого высшим обществом: в пер-

вые три дня недели, назначенные для простолюдинов, были в Кристальном дворце тысячи посетителей из высшего общества: какое же большее доказательство нетерпеливости может представить чопорный Домби, или мистеры Градгринд и Бондерби? Мистер Бондерби был в Кристальном дворце вместе с отцом Сисси Джюп! ⁹ Он не вытерпел, не дождался фешенебельного дня субботы и не побоялся в понедельник и среду ходить в толпе рядом с отцом Сисси Джюп! — это «факт», изумительный «факт» по выражению мистера Градгринда. Да, положительный факт, что до сих пор Кристальный дворец в Сейденгэме не имел еще ни одного порицателя. Многие находят много недостатков в отдельных частях его; так, например, раскрашенные фрески Парфенона вызвали против Она Джонса сотни нападений; так, например, англичане справедливо удивляются, что в ряду архитектурных палат нет индийской палаты; можно найти и находят много других недостатков и опущений в частностях; но не было еще ни одного голоса, который поднялся бы против самого дворца, против его мысли и исполнения. Потому его открытие было весьма торжественно и было почтено присутствием королевы, которая сама провозгласила открытие нового дворца.

Присутствовать при торжестве открытия были допускаемы все особы, взявшие годовой билет; число их простиралось до 35 000; к участию в церемонии были приглашены особенными билетами члены палаты лордов и палаты общин, высшие правительственные лица, лорды-меры и шерифы Лондона, Йорка, Эдинбурга, Дублина и других городов, придворные сановники, дипломатический корпус, иностранные и королевские комиссары лондонской, нью-йоркской, дублинской и парижской выставок, президенты ученых обществ Великобританского королевства и другие замечательные или почетные лица с семействами. Эти приглашенные были вводимы через главный вход, и места для них были приготовлены в центральном трансепте, отгороженном балюстрадаю от других частей здания, предоставленных для остальной публики, которая была принимаема через боковые ходы южной и северной половин здания. Среди площади главного трансепта на высокой платформе был поставлен королевский трон под балдахином. Места для представителей выставок и ученых обществ, для лорд-меров, шерифов и их семейств были назначены на платформе против королевского трона; места для лордов — на главной галерее, против трона, по правую руку; для членов нижнего парламента на той же галерее, против трона, по левую руку. По обеим сторонам королевской платформы были места дипломатического корпуса. Сзади трона почти вся западная (ближайшая к входу) половина площади среднего трансепта была занята громадным амфитеатром для 1 800 музыкантов и певцов; на нижних скамьях амфитеатра были места для певцов и певиц лондонских итальянской и немецкой оперных трупп; немного выше, для примадонны-соло, Клэры Новелло. Оркестром и хором дирижировал извест-

ный капельмейстер оперы, Коста. У главного входа директоры и чиновники дворца принимали своих гостей. В два часа весь дворец был наполнен десятками тысяч посетителей; другие десятки тысяч толпились в садах и на террасах, дожидаясь прибытия королевы, назначенного в три часа. Ровно в три часа громкие клики приветствовали ее; честь принятия королевы была предоставлена Лэнгу, президенту компании, и Пакстону, основателю дворца.

Однако, как бы ни было прекрасно частное предприятие, оно не может устоять, если будет в убыток предпринимателям. Таким образом коммерческая сторона играет очень важную роль и при вопросах о Сейденгэмском Кристальном дворце. Капиталисты, его построившие, конечно, прежде всего желают себе не убытков, а выгод, потому что уж и не иметь выгод в Англии значит терпеть убытки. Лэнг и компания вовсе не скрывают этого желания и расчета; они хотят только, чтоб их выгодное предприятие было вместе и предприятием общепользным, для достижения чего они не щадили и не щадят расходов. Все в Англии желают им, повидимому, вознаграждения за услугу и с сочувствием следят за вопросом: принесет ли Кристальный дворец выгоды своим строителям? По первым двум или трем неделям, отчеты о которых напечатаны в журналах, конечно, трудно судить наверно о будущих постоянных доходах Кристального дворца. Но представляем цифры и думаем, что они во всяком случае обещают дворцу хорошую будущность.

Плата за билет для входа в Сейденгэмский дворец в первые четыре дня 1 шиллинг (около 30 коп. сер.); с проездом в оба конца от Лондона и в Лондон 1½ шиллинга (около 50 коп. сер.); по пятницам (с проездом туда и обратно) 2½ шиллинга (75 коп. сер.); по субботам (также с проездом) 5 шиллингов (1 р. 50 коп. сер.). По воскресеньям дворец закрыт, как и все общественные увеселения в Англии. Это последнее распоряжение вызывает едкие нападки в немецких, французских и отчасти даже английских журналах, потому что именно воскресенье было бы самым удобным днем для простолюдинов. Если действительно английские нравы не допускают открытия дворца по воскресеньям, нечего и толковать об этом; если же распоряжение директоров не соответствует в этом случае мнению самих англичан, то распоряжение скоро будет отменено и Кристальный дворец откроется по воскресеньям. Кроме того, есть годовые билеты (именные, так что передача их не допускается); они стоят 2 гиней (около 13 р. сер.).

Взглянем же на доходы дворца в первое время. Годовых билетов было до 10 июня взято более 35 000, так что сбор за день открытия простирался до 80 000 фунтов (около 500 000 р. сер.).

Потом в первые три дня по открытии число посетителей по билетам в 1 шиллинг было в понедельник более 10 000; во вторник — около 13 000; в среду — около 15 000; всего в первые три дня было собрано до 2 000 фунтов (12 000 р. сер.); пропорция сбора в пятницу и субботу была почти такова же, как и в дни.

когда плата за вход шиллинг. На основании первых трех недель рассчитывают, что недельный доход за билеты будет 3 000 фунтов; следовательно, в год 150 000 фунтов; кроме того, за годовые билеты получено 80 000 фунтов; от торговцев, выставяющих свои товары — 30 000 фунтов; кроме того, большие доходы приносят буфет и кухня. Всего рассчитывают в год на 250 000 фунтов (1 500 000 р. сер.); годовые расходы должны простираться до 50 000 фунтов. Чистый доход 200 000 фунтов (1 200 000 р. сер.). Как же велик капитал, затраченный на дворец? Теперь уж 1 000 000 ф. ст.; но для окончательной отделки всех частей дворца и парка потребуется еще 500 000 фунтов, всего 1 500 000 фунтов, или более 9 000 000 р. сер. Если предположим, что годовые доходы будут менее предполагаемых, а расходы более, так что вместо 200 000 получится чистого дохода только 150 000 фунтов, то и это составит 10 процентов — доход, которого не дают в Англии ни железные дороги, ни большая часть других спекуляций. Итак, Сейденгэмский дворец, по всей вероятности, будет предприятие столько же удачное в коммерческом отношении, сколько полезное в умственном и нравственном, и прекрасное в артистическом отношении.

Говоря о Сейденгэмском музее и предшественнице его, всемирной выставке, нельзя не вспомнить о лондонском «Обществе искусств, мануфактур и торговли» (Society of Arts, Manufactures and Commerce), в недрах которого зародилась первая мысль о всемирной выставке, которое было ее устроителем; и столетний юбилей общества пришелся очень кстати через несколько дней по открытии Сейденгэмского дворца. Общество собралось на юбилейное торжество (по-английскому обычаю — обед) в это учреждение, которого родоначальником было общество. Председательствовал граф Грэнвилль; обедающих было до 800 чел. Основание всемирной выставки далеко не единственное право Общества искусств на почетное место в английской истории; Общество заведывает почти половиною первоначальных школ в Англии; в июле открыта по его проекту «Воспитательная выставка», о которой мы скажем в будущем обозрении новостей, если она будет заслуживать внимания; вообще Общество искусств теперь очень много хлопочет о первоначальном воспитании. Мы еще будем иметь случай упоминать о двух или трех обыкновенных заседаниях Общества искусств по поводу произнесенных его членами замечательных речей о простонародных болезнях и средствах к их отвращению; а теперь, чтоб за один раз разделаться на месяц с известиями о более или менее кристальных дворцах, более или менее всемирных выставках, возникших в подражание Гайд-Паркскому дворцу и великой выставке (как называют ее англичане), скажем, что ближайшая дочь ее, Парижская всемирная выставка, возбуждает в Англии и некоторых других государствах сильное сочувствие и, кажется, будет (если только будет) довольно полна, по отношению к произведениям некоторых стран даже полнее Лондонской.

Лондонские фабриканты по всем почти важнейшим отраслям промышленности уже собирались для решения вопроса об участии в ней. Во всех собраниях было одинаково решено принять в выставке самое полное участие; почти во всех важнейших промышленных городах Британской империи составились комитеты для заведывания делами относительно этого участия; то же делают различные общества, например, Земледельческое. Ливерпуль отправит на выставку модели своих судов; в Лондоне образовались комитеты по всем важнейшим ремеслам и отраслям промышленности; — так что английская промышленность будет представлена Франции чрезвычайно полно и в обширных размерах. Будут участвовать в общей выставке и изящные искусства: уж назначены в Лондоне комитеты живописцев, архитекторов и ваятелей. Как сильно развито во всех классах английского общества желание посетить эту выставку, можно судить по тому факту, что все норвичские фабричные рабочие откладывают уж несколько месяцев по несколько пенни еженедельно, чтоб таким образом составить общий капитал для поездки в Париж *en masse* *: Ост-индская компания, принимавшая очень слабое участие в Лондонской выставке, ассигновала 50 000 ф. ст. (310 000 р. сер.) на издержки провоза ост-индских произведений на Парижскую выставку. Австралийские английские колонии также ассигновали для провоза своих произведений в Париж 2 000 ф. ст. (12 000 р. сер.). Английский министр колоний послал ко всем колониям циркуляр, предлагающий им позаботиться о наивозможно полнейшем участии. С 1 июля открыта в парижском Hôtel de ville ** книга для записывания лиц, желающих прислать свои товары на нее.

Любовь к кристальным дворцам так распространяется, что неаполитанское правительство разрешило одной частной компании построение кристального дворца в Неаполе. Он предназначается для зимнего сада; а пока устроится он, в Мюнхене уж открыта общегерманская промышленная выставка, также в кристальном дворце. После первой общегерманской промышленной выставки, бывшей в 1844 году в Берлине, баварское правительство изъявило намерение открыть вторую такую же выставку в Мюнхене; различные обстоятельства несколько лет препятствовали приведению в исполнение этой мысли; наконец все затруднения миновались; торговый трактат, недавно заключенный германским таможенным союзом с Австриею, почти вдвое увеличив число участвующих в выставке, одушевил новою ревностью баварское правительство, и оно назначило для выставки три месяца, с 15 июля до 15 октября нынешнего года. Между тем кристальные дворцы лондонский и нью-йоркский доказали превосходство подобного рода зданий для огромных выставок, и баварское правительство тем скорее решилось построить кристальный дворец, что в Мюнхене не было

* Коллективно. — *Ред.*** Городское самоуправление — *Ред.*

здания, которого пространство было бы достаточно. Король выразил желание, чтоб здание было сохранено и по закрытии выставки и было обращено в сад для тропических растений. Эта мысль решила и выбор местности для здания: его построили среди Мюнхенского ботанического сада. Ближайшие соседние здания — дом и лаборатория знаменитого Либиха, которому так много обязана технология: совпадение очень оригинальное и счастливое. С обыкновенною скоростью подобных работ постройка была кончена в семь месяцев. Новый кристальный дворец, далеко уступая колоссальностью Гайд-Паркскому, или Сейденгемскому, почти одинаковых размеров с Нью-Йоркским; длина его 800 баварских футов (около 110 сажен), ширина 160 футов (около 22 сажен); площадь, занимаемая дворцом, 134 400 квадр. футов (около 2 500 кв. сажен).

Что касается до Нью-Йоркской всемирной промышленной выставки, то она обращена, как известно, в постоянное учреждение; и Кристальный дворец ее, закрывавшийся на некоторое время для необходимых переделок, снова открыт в мае нынешнего года, при стечении 20 000 зрителей. Одним из главных действующих лиц при этом торжестве был оратор мирных конгрессов, Элигу Боррит (Elihu Burritt). Президент постоянной выставки объявил, что это учреждение назначает золотую медаль в 1 000 долларов (1 300 р. с.) за полезнейшее изобретение, которое будет сделано в течение 1854 года, с тем условием, чтоб его модель была представлена в Кристальный дворец; пять других медалей в сто долларов каждая, под тем же условием, за другие изобретения и еще пять медалей, также по сто долларов, за пять лучших артистических произведений текущего года.

От выставок перейдем к всемирной торговле и главным ее двигателям — морским судам, железным дорогам и путям сообщения. Шарль Дюпен читал в Парижской академии отчет о сочинении капитана Бургуа (Bourgois) «О коммерческом пароходстве Англии»¹⁰. Записка Дюпена представляет довольно подробное и очень интересное обозрение усовершенствований, введенных в последние годы в устройстве почтовых и торговых пароходов, и здравые, если не особенно блестящие соображения о разных вопросах, касающихся этого предмета. Первое почтовое сообщение посредством пароходов между отдаленными странами было устроено между Англиею и Антильскими островами в 1839 году. До того времени почта отправлялась на парусных судах и по этой линии, как по всем другим путям через океан. В этом году новосоставившаяся «Компания Вест-индского почтового пароходства» заключила с английским правительством условие, по которому обязывалась, при пособии от правительства в 1 500 000 р. сер., содержать правильное почтовое сообщение между Англиею и Антильскими островами на пароходах в 400 сил. По числу рейсов, которые обязывалась она сделать, ей приходилось получать пособия около 2 р. 25 к. сер. за каждую версту, сделанную пароходом.

Условия были выгодны для английского правительства, потому что прежде ему стоило более миллиона рублей сер. содержать это сообщение на парусных судах; расходуя сумму только наполовину большую, оно получало средство пересылать почту гораздо быстрее и правильнее. Пароходы компании были деревянные и не могли ходить быстрее 13 или 14 верст в час. Заатлантическое путешествие было еще так трудно и опасно для лучших тогдашних пароходов, что компания потеряла в течение нескольких месяцев шесть пароходов; и вообще спекуляция сначала была для нее убыточна. Но торговля между Англией и Америкой быстро развивалась, увеличивалось вместе с этим число пассажиров и количество товаров, перевозимых компаниею, и мало-помалу дела компании пошли очень хорошо. Погибшие пароходы были заменены сильнейшими и лучше устроенными, так что с 1852 года компания имела уж пять пароходов, каждый в 800 сил и 2 250 тонн (около 140 000 пуд.) клади. Пароходы были деревянные, потому что английское адмиралтейство включило это условие в контракт для того, чтоб обратить их, в случае войны, в военные суда — предположение, оказавшееся ныне совершенно неосуществимым, по негодности почтовых пароходов выдерживать битву, — их стены слишком тонки для этого. Потом Кюнерд основал другую, более сильную компанию, обязавшуюся содержать почтовое пароходство сначала только между Ливерпулем и Галифаксом (в Канаде), а с 1846 года также между этими городами, Бостоном и Нью-Йорком. Кюнерд обязался отправлять в три зимних месяца пароходы через две недели, в остальное время года еженедельно (всего 44 рейса). Пароходы по условию должны были иметь 400 сил, но Кюнерд нашел выгоднее делать их не менее 650 сил; для достижения большей быстроты он начал делать пароходы длиннее прежних, так что у него длина пароходов была более ширины в 5, 6, 6 $\frac{1}{2}$ раз и даже более. Наконец он стал употреблять в своих машинах сильнейшее давление паров, нежели какое допускалось прежними машинами, и, таким образом, его пароходы достигли скорости 17 и 19 верст в час. Несмотря на больший размер своих пароходов, он нашел возможность довольствоваться пособием меньшим того, какое получали антильские пароходы; ему приходилось получать от английского адмиралтейства только 2 руб. сер. за каждую версту, пройденную пароходом. С 1850 года вступает в соперничество с ним северо-американец Коллинс (Kollins), устраивающий новое почтовое пароходное сообщение между Нью-Йорком и Ливерпулем. Новая компания построила пароходы больше и сильнее кюнердовых и тем принудила самого Кюнерда увеличивать размер своих пароходов, так что, наконец, он построил (в Англии) пароходы «Аравия» и «Персия», имеющие 960 сил и 2 400 тонн (150 000 пудов) груза. Они имеют длину в семь раз более ширины, чего прежде еще не бывало. Вместе с этим их машины допускают давление паров в 14 фунтов на квадратный дюйм, вместо 4 фунтов, которыми до-

вольствовались в 1845 году. При этих усовершенствованиях «Аравия» ходит из Нью-Йорка в Ливерпуль (против морского течения) 19 верст, из Ливерпуля в Нью-Йорк (по течению) 22 версты в час. Коллинсовы пароходы не достигают быстроты «Аравии»; но вообще ходят быстрее кюнердовых пароходов: средняя скорость по сложности за три года была у английских (кюнердовых) пароходов 20,222 километров (19 верст), у американских (коллинсовых) пароходов 21,7 (20 верст) в час. Коллинсова компания получает от североамериканского правительства очень большую плату за перевозку почты, пропорционально почти вдвое более, нежели кюнердова компания от английского.

Но эта чрезмерная быстрота, которой достигают почтовые пароходы соперничающих компаний, давая им средство совершать путь между Нью-Йорком и Ливерпулем в 12, 11, даже 10 суток, вместо прежних 14 или 15, стоит огромных пожертвований. Известно, что сопротивление воды возрастает по кубам скоростей, так что для двойной скорости надобно увеличивать движущую силу в 8 раз, для тройной — в 27 раз. И для того, чтоб проходить 20 верст в час, пароходы должны тратить втрое более силы, нежели достаточно было бы им для скорости 14 верст в час.

На этом расчете была основана возможность новой компании, не получая никакого пособия от правительства, вступить в соперничество с пароходами Кюнерда и Коллинса, получающими ежегодно миллионы из английского или американского государственного казначейства. Эта компания составила в Шотландии, отечестве Уатта, на берегах Клайда, где строится ныне ежегодно больше пароходов, нежели во всей остальной Англии и Ирландии. Причина развития постройки пароходов на берегах Клайда — близость железных рудников и каменноугольных копей. Новая компания довольствуется машиною в 300 сил для парохода в 1 600 тонн (98 000 пудов груза) и скоростью 8 узлов (14 верст) в час, вместо 20 и 21 версты в час кюнердовых и коллинсовых пароходов. Таким образом, издержки проезда сокращаются и шотландская компания, перевозя пассажиров и товары гораздо дешевле, нежели почтовые компании, все-таки получает выгоду, не нуждаясь в пособиях.

Но как ни быстры и огромны пароходы Кюнерда и Коллинса, они еще далеко не последняя достижимая для нынешних строителей степень быстроты и огромности. Когда более разовьется торговля Европы и Америки с Китаем и Япониею, мы увидим суда гораздо огромнейшие и быстрее. Уж и теперь сделано много шагов вперед с 1851 года — времени постройки коллинсовых пароходов. Дюпен указывает один пример: пароход, который строится на Темзе Брюнелем (французом по происхождению, сыном знаменитого Брюнеля, построившего тоннель под Темзою). Этот пароход будет втрое длиннее 120-пушечного корабля (то есть около 100 сажен длины) и подводная часть его будет вытес-

нять в восемь раз большую массу воды. Он весь будет построен из железа. Один только запас каменного угля, который он будет брать для своих поездок, будет по весу равняться всей тяжести двух линейных кораблей. Этот колоссальный корабль будет иметь четыре мачты, не считая бугшприта, и будет ходить на парусах и силою паров вместе. Паровые машины будут у него устроены и с колесами и с винтом. Этот же самый корабль, прибавим мы, описывается гораздо точнее, нежели у Дюпена, в статье «L'Indépendance belge» *. Постройка его будет окончена через два года. Длина его будет $213\frac{1}{3}$ метров (100 сажен и $1\frac{1}{4}$ аршин), ширина $25\frac{1}{3}$ метров (11 сажен 2 аршина); вместимость его будет 22 000 тонн (1 375 000 пудов), то есть в 7 или 8 раз более величайших кюнердовых пароходов. Устройство его не менее замечательно, нежели огромность. Стены будут состоять из двойной железной одежды, облекающей изнутри и снаружи железный скелет или каркас, шириною в аршин. Внутренность разделена по длине тринадцатую, а по ширине двумя сплошными железными перегородками, в том роде, как большие дома разделяются на несколько отделений капитальными стенами, так что корабль будет разделен на 42 части, или ящика. Эта система построения имеет две цели: во-первых, придать большую стойкость всему кораблю, во-вторых, совершенно обезопасить его судьбу от всяких пробоев и повреждений. В самом деле, если б корабль был пробит подводною скалою, то вода затопила бы только одно из его 42 отделений, и корабль от этого повреждения не только не сел бы на дно, но даже не потерпел бы существенного вреда. Гигантский корабль при хорошем ветре будет ходить и на парусах; но главным и постоянным его двигателем будет паровая машина в 2 600 сил, которая в одно время будет действовать и колесами и винтом. Соединение в корабле винтового и колесового механизмов имеет целью разделение напора страшной паровой силы на стены корабля, а еще более — соединение выгод винтового и колесового устройства, потому что именно в тех обстоятельствах, когда винт действует невыгодно, колеса действуют самым выгодным образом, и наоборот. Компания, строящая этот колоссальный корабль, который обойдется более нежели в 2 250 000 р. сер., надеется иметь возможность перевозить на нем товары и пассажиров по низшим ценам, нежели обыкновенные пароходные таксы. В самом деле, вместимость корабля возрастает по кубам, когда его перпендикулярный разрез и сопротивление воды возрастают по квадратам, или гораздо менее, так что, например, корабль, вдвое больше другого длиною, шириною и осадкою в воде, будет поднимать в восемь раз более груза, между тем как его разрез будет только в четыре раза более; и, поднимая груза в восемь раз более, он будет требовать только в четыре раза большей силы, то есть будет расходовать на каждую тысячу пудов

* Бельгийская независимость. — Ред.

груза вдвое менее силы; взяв вместо двойного тройное увеличение длины, ширины и осадки, мы получим и втрое меньшие расходы на перевозку каждой тысячи пудов груза. Расчет простой и верный, и на нем основано стремление к баснословному увеличению кораблей. Кроме того, чем длиннее и массивнее корабль, тем быстрее пойдет он при одинаковой пропорции движущей силы на каждую тысячу пудов груза. Это также математически верный закон. Основываясь на всем этом, компания рассчитывает, что ее корабль, при 500 пудов груза на одну силу паровой машины, пойдет так же быстро, как лучшие кюнердо-коллинсовские пароходы, берущие только 200 пудов на одну силу машины. Таким образом, гигантский корабль будет, по расчету, брать 10 000 тонн каменного угля, 5 000 тонн (320 000 пудов) товаров и иметь 500 кают 1-го класса, кроме соответственного числа пассажирских мест низших классов. С запасом 10 000 тонн угля он может идти на полных парах 38 суток, то есть сходить в Америку из Англии и воротиться, не задерживаясь нагрузкою нового угля, и еще привезет огромный остаток прежнего запаса. Строители даже рассчитывают, что, при помощи парусов, он с одним запасом угля будет совершать рейсы из Англии в Австралию и обратно, не запасаясь углем не только на пути, но и в Австралии.

Заметим кстати, что цифры, приведенные Дюпенем о скорости пароходов, — средние цифры по трехлетней сложности, и что теперь почтовые пароходы ходят уж более 20 верст в час. Так «Атрато» пришел из Саутемптона на остров Св. Фомы (в Вест-Индии; длина рейса 3 622 англ. миль, около 5 500 верст) в 11 суток и $8\frac{1}{2}$ часов, что дает среднюю скорость с лишком 23 версты в час, или более 500 верст в сутки — быстрота сообщения, почти равная быстроте сообщения по железным дорогам во Франции и России, большая, нежели скорость езды по железным дорогам в Германии. И по величине есть пароходы гораздо более кюнердовских «Аравии» и «Персии». Так «Гималай» имеет 1 600 сил и берет 4 200 тонн (более 250 000 пудов) груза; этот едва ли не громаднейший из нынешних пароходов ходит еще быстрее «Атрато»: по 14 узлов (около 25 верст) в час, или около 600 верст в сутки!

Но пароходы, несмотря на все свои усовершенствования, вовсе не вытесняют еще парусных судов из морской торговли: на стороне пароходов быстрота и точность, на стороне парусных судов дешевизна доставки. Поэтому в 1851 году только одна пятнадцатая часть товаров была перевезена во всесветной торговле на пароходах; остальные четырнадцать пятнадцатых были перевезены парусными судами. С того времени пропорция в пользу пароходов должна была увеличиться. 1 января 1854 года Англия имела, по отчету, представленному в палату депутатов, 1 375 пароходов, общая вместимость которых была 248 623 тонны, или около 15 000 000 пудов. Это более, нежели в 1851 году; но все еще ничтожно для количества товаров всесветной торговли. Этим паро-

ходам было бы надобно сделать семь рейсов, чтоб удовлетворить требованиям одной нашей волжской торговли, провозящей 100 000 000 пудов товаров вверх и 80 000 000 пудов вниз по Волге. В один раз не могли бы они поднять товаров, отправляемых из одного Рыбинска. Из 1735 пароходов 395 железных (155 винтовых, 240 с колесами) и 980 деревянных.

Но возвратимся к записке Дюпена. Между паровым и парусным механизмом вместо соперничества начинает водворяться некоторое единство, и наибольших успехов надобно ожидать судоходству именно от этого соединения различных сил. Паруса будут при попутном ветре избавлять от расходов на пары, пары будут двигать судно при недостатке ветра, и, таким образом, экономия, аккуратность и быстрота доставки соединятся. Этот принцип уж начинают принимать строители пароходов. Теперь только некоторые речные пароходы движутся исключительно силою паров. На всех морских торговых пароходах есть и паруса; но парусность их слишком мала, по мнению Дюпена, и должна быть увеличена. На некоторых пароходах объем парусов еще только в 12 раз более разреза судна в самом широком и глубоком месте. На других пароходах парусность достигает уж величины 20 разрезов, а на пароходно-парусном корабле «Наполеон», чрезвычайно быстром ходоке, получившем премию «за наисовершеннейшее применение парового устройства к военным кораблям», объем парусов равняется 28 поперечным разрезам корабля в самом широком месте. Здесь, как и во всей почти своей записке, Дюпен развивает мнения, высказываемые Бургуа, опытным и ученым моряком; потому его слова должны быть не пустыми теориями человека, незнакомаго с делом специально; но тяжесть мачт и значительное сопротивление, представляемое воздуху оснасткою парусного судна, едва ли дозволит пароходам, которые должны ходить в затишье и против ветра, слишком значительно увеличивать свою парусность. Что касается до издержек на парусное устройство, они не могут служить ни малейшим препятствием прибавления парусности к пароходу, едва равняясь одной сороковой части цены парового механизма.

Но и чисто парусные суда стремятся, наравне с пароходами, увеличивать свою скорость. Общее средство к этому — устройство их по форме пароходов, главным образом увеличение длины при прежней или уменьшенной ширине и осадке в воде. С другой стороны, год от году лучше знакомятся с теориею ветров и распределением морских течений, так что год от году парусные суда будут вернее рассчитывать удобнеее время и лучший путь для плавания.

Заметим здесь кстати, что почитателям памяти Уатта, изобретателя паровых машин, предлагают присылать в Гриноук, место его рождения, по одному камню с надписью своего имени. Из этих камней будет воздвигнут памятник Уатту на высокой скале близ Гринока. Подобный же памятник воздвигают Вашингтону. Не

только в Англии, но и в Канаде нашлось уже множество желающих участвовать в исполнении этой истинно поэтической мысли.

О новооткрытых участках железных дорог и ныне, как всегда, множество известий. Скажем только несколько слов о гигантском предприятии, которое давно уж кружит головы североамериканцам — железной дороге из внутренних областей в Сан-Франциско. Она нужна не только для прямых сношений с Калифорнией, но еще более для того, чтоб североамериканцам получить возможность ездить в Японию и Китай прямым путем, не огибая Южной Америки: эта дорога сократила бы путь из Нью-Йорка в Японию и Китай с лишком вдвое, и американские товары доставлялись бы туда в 25 дней. Наилучший, повидимому, проект этой дороги, составленный Нотом (Not), таков: дорога пойдет из Джефферсона, стоящего на Миссури на запад от Сен-Луи, почти прямо на запад, к Бриджерскому проходу чрез Скалистые горы, оттуда пойдет на западо-северо-запад к озеру и лежащему на нем городу Утах (Utah), чрез мормонские поселения, и потом на западо-юго-запад чрез Сьеру-Неваду (Снеговые горы) к Сан-Франциско. Уклонения от прямой линии были бы очень незначительны, если принять этот проект, и притом была бы та выгода, что дорога пошла бы в теплом климате, между 30° и 40° северной широты; почва пустынных ныне государственных земель, лежащих по этому пути, чрезвычайно плодородна, и выгода от их продажи и обработки скоро покрыла бы с избытком все издержки дороги. Приблизительная длина дороги будет: от Джефферсона до Скалистых гор около 1 600 верст; от Скалистых гор до города Утах около 374 верст; от города Утах до Сан-Франциско около 1 750 верст; всего около 3 725 верст — расстояние, почти равное расстоянию от С.-Петербурга до Парижа. Невозможного тут еще нет.

А Калифорния сама по себе стоит железной дороги в 40 или 50 миллионов долларов. Всего добыто золота в ней, со времени открытия рудников до конца прошедшего года, на сумму 44 000 000 фунтов стерлингов (более 270 000 000 р. сер., или около 18 000 пудов). Вот еще несколько вновь обнародованных цифр, свидетельствующих о быстром возрастании благосостояния и могущества Соединенных Штатов.

Из недавно изданных отчетов видно, что в 1851 году в Соединенные Штаты привезено было товаров на сумму 45 000 000 ф. ст. (280 000 000 р. сер.) и почти на такую же сумму (45 400 000 ф. ст.) вывезено.

Доходы Североамериканских Соединенных Штатов простирались в прошедшем финансовом году (считаемся с 1 июля) до 74 760 264 долларов (около 99 000 000 р. сер.); доходы прошедшего года (с 1 июля 1852 по 1 июля 1853 г.) простирались только до 61 000 000 долларов; увеличение в один год равняется почти 13 800 000 долларов (около 18 000 000 р. сер.); излишек доходов перед расходами был 30 000 000 долларов (около 40 000 000 р. сер.); из них 20 миллионов употреблены на уплату государствен-

ного долга, а 10 миллионов еще остаются в запасе. В число доходов налоги и пошлины принесли 68 миллионов долларов, а 7 700 000 доставила продажа государственных земель в западных краях.

Но возвратимся к новостям, свидетельствующим об усовершенствованиях в приложении науки к промышленной деятельности.

В сентябре 1851 года первый подводный телеграф был проложен между Дувром и Кале. После того устроены подводные телеграфы между Дувром и Остенде, между Форт-Патриком и Донади (между Ирландией и Великобританией). Но длиннейший и важнейший из всех ныне существующих подводных телеграфов устраивается для соединения Европы с Африкою, чрез Корсику и Сардинию. Подводный канат телеграфа будет состоять из трех частей. Первая (около 90 миль, 140 верст) будет положена в Средиземное море между Спецциею (в Италии) и мысом Корсо (самую северную оконечность Корсики); потом пойдет телеграф по земле, чрез всю длину Корсики до южного ее конца; работы на материке Корсики уже начаты; Корсика соединится с Сардиниею вторым отделением подводного телеграфа, длиною около 15 верст; по Сардинии опять пойдет обыкновенный электрический телеграф; третья и самая длинная часть подводного каната проложится между южною оконечностью Сардинии (мысом Кальяри) и африканским берегом, близ Туниса, где соединится с французско-алжирским электрическим телеграфом, который будет готов к январю. Длина подводного каната между Сардиниею и Африкою будет не менее 150 англ. миль (230 верст); эта последняя часть каната будет весить около 75 000 пудов; и когда мы подумаем, что глубина моря, в которое должен быть погружен канат, доходит до 350 сажен, то невозможно не удивляться успехам науки и промышленности. Весь канат делается в Англии; первая часть его (150 верст) уж готова и скоро будет отправлена для погружения. Приготавливается он следующим образом. На пеньковый канат, пропитанный смесью из масла, сала, дегтя и смолы, навиваются шесть медных проволок, собственно составляющих «телеграф»; они покрыты гуттаперчевой одеждой, которая изолирует их и предохраняет от ржавчины; они не касаются одна другой; для этого и для сохранения совершенно правильной круглой формы в промежутках навиваются вместе с ними толстые пеньковые шнуры, их разделяющие. Все это покрывается слоем лучшей пеньки, приготовленной так же, как и центральный канат; слой этот сплетается в виде сплошной непроницаемой сетки. Потом все это обвивается двенадцатью толстыми железными проволоками. Сплошная наружная спираль их идет так плотно и верно, что имеет очень красивый и математически правильный вид. Английская миля каната весит около 8 тонн (500 пудов), или каждая сажень около 25 фунтов; весь подводный канат, длиною около 250 миль (375 верст), будет весить 2 000 тонн (125 000 пудов) и будет совершенно готов к августу. Как быстро идет дело,

можно заключить из того, что еще 16 января было поле там, где ныне фабрика, выстроенная для приготовления каната. Телеграф устраивает частная компания, «Компания телеграфа чрез Средиземное море»; ее директор Джон Бретт, телеграфический инженер. Об огромности расходов говорит уже то, что наем парохода для отвозки готовых 100 миль каната и его нагрузка обошлись более нежели в 60 000 р. сер. Отправка происходила в присутствии множества ученых и других почетных лиц, приглашенных на это торжество промышленности и науки. 30 июня этот пароход (*Persian*), с своим канатом между Италиєю, Корсикою и Сардиниею, пришел в Геную, и теперь канат, вероятно, уже погружен и половина дела сделана. Остается положить самую длинную часть, между Сардинией и Африкой.

Вот обыденные известия того же рода: швейцарское правительство строит электрический телеграф между Риги и Люцерном. Открыт электрический телеграф между Бомбеем и Калькуттою.

В Лондонском обществе заграничных ученых была недавно читана записка о том, как необходимо для Индии улучшение путей сообщения, проложение железных дорог, проведение каналов; как необходимо правительству позаботиться о развитии в этой стране земледелия и т. д. В самом деле, доказательства представлены очень ясные: всего из Индии вывозится товаров на сумму только от 10 до 20 миллионов фунтов стерлингов, при народонаселении в 150 миллионов; сравните эти цифры с цифрами доходов и торговли Соединенных Штатов, имеющих в *шесть* раз менее населения, и вы скажете, что Индия действительно находится в жалком положении. Есть за нынешний месяц и другие известия об электромагнетизме, постоянно расширяющем круг своих полезных приложений.

В Готе (в Саксонии) изобретена Вильямом Ганzenом электромагнитная гравировальная машина. Доведена ли она до совершенства изобретателем, или будет еще нуждаться в улучшениях, чтоб достигать своей цели — об этом можно будет судить, только увидев гравюры, исполненные при ее помощи; но что способ, на котором она основана, совершенно удобоприменим, это можно сказать уж и теперь. Не ошибемся мы, если предскажем и то, что применение электромагнетизма к гравированию должно произвести переворот в этом искусстве, довести его до чрезвычайной степени совершенства, и с тем вместе сделать гравюры на стали гораздо более дешевыми. Не входя в технические подробности, расскажем сущность дела. Резец, утвержденный в станке, приводится в сообщение с проволокою электромагнитной машины. Смотря по тому, идет ли через проволоку, или прерывается электромагнитный ток, резец то приподнимается, то опускается. Под резцом гравированная доска, которая медленно движется механизмом, подобным часовому. Опустившись, резец делает на ней точки или черты, смотря по тому, мгновенно поднят он опять вверх силою электромагнита или остается несколько времени прижат

к доске. Когда мы припомним быстроту и точность, с какою может нажимать и поднимать резец электромагнитная машина, то убедимся, что гравюра может быть исполнена таким образом необыкновенно чистая, точная, превосходная, и что процесс гравирования может идти значительно быстрее, нежели ныне.

Вот и другое приготовляемое наукою для промышленности приложение электромагнетизма. Известный французский физик Бекрель (Besquerel) читал в Парижской академии наук записку о своих опытах извлечения драгоценных металлов не промыванием или ртутным процессом, как это делается теперь, а электрохимическим путем. Он занимается этими опытами уж около двадцати лет и производил их над довольно большим количеством (около 1 000 пудов) руды, доставленной ему из Мексики, Колумбии, Перу и Алтая. Он подвергает руду разным химическим операциям и таким образом превращает ее в химическую смесь, растворяющуюся в воде. Растворив эту смесь водою, он подвергает ее действию электричества, которое разлагает ее, отделяет металлы и осаждает их. Вместе с краткою запискою он представил Академии сочинение, трактующее об этом вопросе во всех подробностях, и объявил, что скоро начнет его печатать.

Из других еще более прямых приложений науки к жизни скажем, во-первых, о размножении числа пород полезных домашних животных. Но прежде выпишем несколько слов из вышедшего недавно нового издания лучшей книги об этом предмете (*Domestication et naturalisation des animaux utiles*, par Isidore Geoffroi Saint-Hilaire) «Приучение полезных животных к тому, чтоб они делались домашними (акклиматизировались)». Из древних народов римляне старательнее и успешнее всех занимались обращением животных, живущих на воле, в домашних. Но внимание их было обращено преимущественно на дрессирование страшных зверей, владеть которыми было лестно для тщеславия знатных покупателей; известно, что у них были ручные львы, тигры, пантеры, которых можно было запрягать в экипажи. И теперь умеют достигать этого: в одном из парижских цирков «укротитель» ездил, подобно Гелиогобалу, в колеснице, запряженной двумя львами¹¹. Теперь в зверинцах фокусников есть слоны, умеющие становиться, к неопisanному восторгу толпы, на передние ноги, вниз головою, вверх задними ногами. Римские дрессировщики достигали еще большего успеха: у них были танцующие слоны, как теперь есть пляшущие собаки; и этого мало: во время триумфальных торжеств в честь Германика римлянам показывали слонов, пляшущих на канате¹². Но все это были пустые штуки, из которых не могло произойти никакой пользы. Так же искусно умели римляне откармливать разных животных для своих гастрономических столов; умели откармливать даже улиток, составлявших у них лакомое блюдо; но и здесь искусство служило только роскоши, прихоти, а не пользе. Гораздо большего внимания заслуживает искусственное разведение не только речных, но и морских рыб, хотя и оно имело

целью удовлетворение причудливому вкусу гастрономов, а не общей пользе. Так римляне переселили любимую гастрономами рыбу *scarus* из Греческого моря в Тосканское и акклиматизировали ее там. Нам еще далеко до такого искусства. Наконец Варрон говорит, что римлянам было известно искусственное оплодотворение рыбьей икры — дело, столько занимающее ныне естествоиспытателей и возбуждающее столько споров¹³.

Относительно искусственного размножения рыб можем сообщить интересные опыты, которые делал Лами в пруду Ментенонского парка с искусственными приютами для метания икры; эти удачные опыты могут до известной степени вести к той же цели, какой стараются достичь искусственным оплодотворением икры. Известно, что рыба ищет для метания икры мест, поросших водяными травами, за которые цепляется икра; Лами придумал устраивать в пруду подобные искусственные загороди, которые, по окончании метания икры, могли бы с прилипшею к ним икрою быть передвигаемы в особенные резервуары, где икра будет уж совершенно предохранена от всех опасностей и где, поэтому, ни один зародыш не будет погибать. Он устроил пловучие кустарники из привязанных к деревянным решеткам прутьев; они погружаются в воду и прикрепляются веревками к баласту, брошенному на дно. Когда приходит время метания икры, водяная трава в пруду уничтожается, и таким образом вся рыба должна приходиться метать икру в этих кустарниках. Из рыб, живущих в пруду Ментенонского парка, первые мечут икру окуни. С ними опыт удался: в резервуары передвинуто было на кустарниках огромное количество икры, из которой вышли миллионы молодых окуней, теперь по достижении достаточного роста выпускаемых в реку Эру (*Eure*). Когда первый отчет был послан, оставалось еще видеть, в такой ли же степени удачен будет опыт над карпами и другими породами ментенонской рыбы, для которой не приходило еще тогда время метания икры; но успех вероятен. Способ, употребленный Лами, с незапамятных времен употребляется китайцами, которые во время метания икры на целые десятки верст устилают реки рогожами и потом перетаскивают эти рогожи с приставшей к ним икрою в места, где икра безопасна от хищной рыбы и других врагов.

Вот еще известие, хотя отчасти относящееся сюда. Известно, как часто случается больным терпеть недостаток в пиявках. Простой поселянин в департаменте Жиронды с большим успехом разводит пиявок у себя в пруду, загоняя туда на несколько времени старых коров и лошадей, кровью которых откармливаются пиявки. Эта спекуляция приносит ему большие выгоды. Но жестокость ее ужасна.

В Европу привезли между тем нового товарища волам, коровам и лошадям. Гость издалека, и провоз его стоит больших хлопот; но если гость привыкнет к Европе, то все хлопоты вознаграждаются с избытком новыми удобствами, которые доставит он своим хозяевам. Этот новоприезжий — як (*yack*), китайский буйвол

с лошадиным хвостом. Польза от распространения в Европе этой породы скота была бы, по мнению Изидора Жоффруа Сент-Илера, неисчислима¹⁴. В горных областях Тибета и Китая як вполне заменяет жителям лошадь, корову и овцу: на нем они перевозят вьюки, его запрягают в телегу, его употребляют для распахивания полей, от него получается и мясо, и молоко, и, наконец, его очень густая и длинная шерсть заменяет овечью волну. Як очень скоро размножается, неприхотлив на пищу, не боится никаких холодов. Потому надобно думать, что его легко акклиматизировать в Европе. Но до сих пор в Европе существовал только один экземпляр этой породы; он принадлежал зверинцу лорда Дерби. Теперь благодаря усилиям Жоффруа Сент-Илера и Парижского зоологического общества было поручено французскому агенту Монтиньи, возвращающемуся из Азии в Европу, привезти с собою несколько яков для разведения их во Франции, и Монтиньи успел довести в целости до Гавра стадо этих животных, состоящее из двенадцати голов отборного качества.

Английские почитатели Либиха собрали по подписке более 1 000 ф. ст. (6 000 р. сер.) для поднесения ему подарка, в знак уважения к его заслугам науке. На собранную сумму куплен серебряный сервиз. Это подает нам повод сказать опять несколько слов об Англии и Обществе искусств.

В Лондонском обществе искусств (Society of Arts) доктор Кинг Чельмерс (Chalmers) читал интересную записку «О промышленной патологии, или болезнях и вредных последствиях, соединенных с некоторыми занятиями». Он указал ремесло портных, которые должны постоянно сидеть с поджатыми ногами, отчего расстроивается желудок и внутренности, страдает спинной хребет и грудь; на сапожников, которые, кроме всего этого, еще должны постоянно сильно надавливать колодкой верхнюю часть живота и грудь; на прачек, у которых, от долгого стоянья, страдают ноги; на зеркальщиков, которые постоянно вдыхают ртутные пары, и т. д. Дело промышленной патологии исследовать, не может ли быть устроен верстак для портных так, чтоб они могли сидеть в менее вредном положении? не может ли быть сапожная колодка устроена так, чтоб не давить легкие? не может ли быть изобретена удобная для прачек скамья? Вся эта речь — следствие предположения Общества искусств обратить внимание на эти важные вопросы и говорена с намерением выставить на вид всю их важность. Вследствие этой речи, основные мысли которой, несмотря на всю важность свою, очень удобоприменимы и ни от кого не требуют никаких пожертвований, члены общества решили ежегодно устраивать выставку новоизобретаемых рабочих инструментов и других принадлежностей работы, которые имеют целью облегчить и сделать менее вредными для здоровья различные роды работ. Кроме того, Общество искусств предположило ежегодно готовить подробное «разыскание» подобного рода относительно той или другой части промышленной патологии. В ны-

нешнем году назначило оно «разыскание о вредных последствиях различных работ для глаз» и в ответ на свою тему получило уже много дельных записок.

В этом же заседании Общества искусств была прочитана Мэкуортом (Mackworth) записка «О патологии рабочих в рудниках и копях (On the pathology of the miners)», имеющая тесное родство с Чельмерсовою. Он говорит, что в Великобритании из тысячи таких рабочих 125 бывают убиваемы, засыпаемы землею, убиваемы обрушивающимися кусками земли, балками и вообще кончают жизнь неестественною смертью, так что из 250 000 рабочих в Англии 30 000 должны погибнуть насильственной смертью. В Бельгии пропорция эта вдвое менее. Но гибель от подобных несчастных случаев зло еще ничтожное в сравнении с непременным сокращением естественного срока жизни, рановременностью смерти, общеою участью всех работающих в рудниках и копях. Статистические таблицы доказали Мэкуорту, что работа в каменноугольных копях, железных, медных, оловянных и свинцовых рудниках (других в Великобритании очень мало) сокращает жизнь рабочего пятнадцатью или, в самом счастливом случае, двенадцатью годами и вредные условия, производящие такое страшное влияние, почти все могли бы быть устранены с выгодною для самих владельцев рудников. В пример этого приведем только очищение и освежение воздуха в шахтах, духота и нездоровость которого одна из пагубнейших сторон работы. В тех рудниках, где устроена хорошая вентиляция, рудокоп работает гораздо успешнее, живее, сильнее, так что в четыре дня успевает сделать столько же, сколько делает в пять дней в рудниках без вентиляции. Поразительное доказательство представляют «соединенные рудники» корнуэльские. Год назад прокопать в них английскую сажень (одним футом менее русской) стоило 17 ф. ст.; температура в рудниках была 105° Фаренгейта (32° Реомюра — духота действительно изнурительная); рабочие должны были сменяться каждые пять минут. По просьбе директора, Уильямса, г. Мэкуорт осмотрел рудники и составил проект вентиляции; проект был принят; воздух освежился, температура упала до 70° Фаренгейта (19° Реомюра — несколько жарко, но уж очень сносно. Мэкуорт говорит, что можно было бы, при лучшем соблюдении плана, понизить теплоту до 17° или даже менее) и теперь прокопать английскую сажень стоит только 5 ф. ст. (31 р. сер. вместо прежних 105 р. сер. — в 3½ раза дешевле).

Не так удобоприложимы, но тем не менее интересны наблюдения другого английского врача относительно связи между господствующими ветрами и болезнями. Записку об этом читал доктор Мобфет в Лондонском литературном обществе. По его исследованиям, наибольшее число больных бывает при южных ветрах; наименьшее число умирающих при ветрах северных. Есть болезни, особенно развивающиеся при известных направлениях ветра. Апоплексия, эпилепсия и другие причины так называемой «скоро-

постижной» смерти свирепствуют преимущественно во время града и снега и во время северо-западного или юго-восточного ветра, при которых обыкновенно бывают эти атмосферические явления. Конечно, наблюдения доктора Моффета относятся только к Лондону, и в других местностях выводы должны измениться сообразно различию в качествах того или другого ветра.

Несколько очень отрадных подробностей об исцелении кретинизма, этой страшной язвы низменных долин у подошвы Альпов, обнародовано в брошюре об абендсбергском заведении для кретинов, находящемся в Бернском кантоне и основанном доктором Гуггенбюлем (Guggenbühl). Заведение построено на Абендсберге, в Альпийских горах, на высоте 5 000 футов над морем; такое возвышенное местоположение избрано, без сомнения, потому, что тяжелый воздух низменностей считается главною причиною кретинизма. Неутомимые попечения доктора о своих воспитанниках награждаются желанным успехом: расслабленные, старчески изможденные, слабоумные дети через несколько месяцев превращаются у него в понятливых и здоровых; прежде они могли только мычать; в Абендсберге они приобретают способность говорить. Когда он принимает их, они почти совершенно не имеют чувств обоняния и вкуса: они едят всё без разбора, руководясь только инстинктом голода; хорошая пища не пробуждает в них удовольствия; в заведении Гуггенбюля они становятся существами рассудительными. А еще недавно считали кретинизм и соединенное с ним слабоумие неизлечимым. Метод исцеления и воспитания, принятый в Абендсберге, очень прост и разумен. Физическое расслабление кретинов, происходящее от гнилого и сырого климата их родины, там лечат свежим воздухом, ясным климатом, в котором расположено заведение, здоровою пищею и гимнастическими упражнениями, укрепляющими силы. Укрепив тело, начинают развивать и рассудок, подавленный прежнею немощью его. Главный труд — выучить кретинов говорить, пробудить в них разумную деятельность слуха и голоса. Для этого учат их шевелить губами, как нужно это для произношения звуков, говорят им через слуховую трубу (так заснуло в них чувство слуха!), рисуя в то же время фосфором на стене предметы. Этот утомительный путь доводит, наконец, учителя до цели возвращения слабоумному крестину его человеческого достоинства. Успех абендсбергского заведения, существующего с 1842 года, был причиною основания других подобных заведений для кретинов и идиотов в Вюртемберге, Баварии, Англии и других странах. Вообще результаты, в них достигаемые, так удовлетворительны, что число заведений, возникающих по их образцу, должно быстро увеличиваться.

Но вот и чисто ученое, совершенно, повидимому, отвлеченное от приложения открытие за нынешний месяц, чрезвычайно, однако, интересное по связи своей с ужаснейшим из бедствий, поражающих целые страны.

Если справедливо, что твердая кора земного шара очень тонка

в сравнении с его поперечником, будучи не толще пятидесяти верст, и что вся внутренняя материя земного шара находится в расплавленном состоянии (заметим, однакож, что такое мнение отвергается ныне многими учеными), то внутренняя жидкая масса должна, подобно наружной массе жидкости — водам океана, подчиняться притягательной силе луны и, хотя в меньшей степени, солнца. Как действие луны производит прилив и отлив вод океана, так и внутренняя жидкая масса должна стремиться приливать к тем местам, над которыми проходит луна. Такое же действие, только в меньшей степени, как и на воды океана, должно оказывать на нее и солнце; когда (во время новолуния и полнолуния) притягательная сила обоих светил действует по одному направлению, приливы жидкой внутренней массы должны быть сильнее; когда (как в первую и третью четверть луны) притягательное действие солнца, направляясь именно на те места, где от действия луны происходит отлив, ослабляет влияние притягательной силы луны, приливы жидкой внутренней массы должны быть слабее, подобно тому, как ослабевают в это время и приливы океана. Но, стремясь приливать к известному пункту, внутренняя жидкая масса должна встречать сопротивление в неподвижной твердой оболочке земли, должна сильно давить на нее, производить в ней сотрясения, и это может быть считаемо одною из причин землетрясений. Чтобы подобная гипотеза обратилась в положительный факт науки или была отвергнута наукою, как неосновательное положение, надобно подвергнуть ее проверке фактами. Такою проверкою занимается постоянно уж несколько лет французский ученый Перрё (Alexis Perrey)¹⁵. Он собирает все известия о времени месяца и дня, когда происходили землетрясения, и потом соображает их время с положением луны и солнца относительно места, где происходило землетрясение. Труд его далеко еще не полон: и теперь он просит Парижскую академию помочь ему в собирании материалов; но он уж успел вычислить положение луны и солнца во время нескольких тысяч землетрясений; за одно только нынешнее столетие собрал он более 7 000 наблюдений; особенно подробно анализирована им таблица 824 землетрясений, замеченных в Арекипе (Arequipa), в Перу. Из этого анализа он вывел: 1) что в то время, когда притягательное действие луны и солнца направлено по одной линии и взаимно усиливается (во время полнолуний и новолуний), землетрясения бывают чаще, нежели в другие времена; 2) что они также бывают чаще в то время, когда луна стоит на меридиане места, нежели тогда, когда она далеко отходит от меридиана; 3) что они бывают чаще в то время, когда луна в ближайшем расстоянии от земли (в перигее), нежели тогда, когда она отдаляется от земли. Нельзя не согласиться, что этими выводами совершенно подтверждаются априорические соображения о влиянии луны на землетрясения, подобном ее влиянию на приливы и отливы.

Так как речь идет о землетрясениях, то прибавим, что недавно

было два землетрясения, одно в Америке, и очень сильное, Сан-Сальвадор, главный город области того же имени в Центральной Америке, разрушен им 14 апреля; в первые десять дней после этого бедствия было отыскано под развалинами 308 трупов; но большая часть жителей, предостереженные легкими сотрясениями земли, предшествовавшими страшному кризису, успели спастись бегством. Другое землетрясение, довольно сильное, было слышно в конце июня в Козенце, в Неаполитанском королевстве.

В лондонской общественной жизни мы отметили уже довольно много явлений; во-первых, открытие Кристального дворца — новость, которая занимала лондонское общество уже несколько месяцев и столько же, если не более, будет занимать его; потом обеды, следовавшие за торжеством открытия; юбилей Общества искусств; Воспитательная выставка; несколько художественных выставок, хотя не особенно блестящих, однакож достойных занять внимание публики; но, кроме того, в Лондоне две оперные труппы, о которых мы будем говорить ниже и из которых одна, итальянская, отличается прекрасным составом (Лаблаш, Марио, Гризи, Виардо и проч.), другая, как увидим, также иногда способна возбудить интерес новыми или забытыми операми, придающими большую занимательность ее спектаклям. И этого мало. У лондонцев теперь есть еще истинно блестящая надежда: увидеть, наконец, истинный блеск солнечный, непомрачаемый, как прежде, каменноугольным чадом, достойным диккенсова Кокстоуна¹⁶. В самом деле, жители Лондона надеются, что скоро дым не будет вечно лежать на их городе, как черный саван. Такая нездоровая и неприятная оригинальность Лондона легко может быть уничтожена, потому что происходит не столько от качества каменного угля, как теперь открывается, сколько от дурного устройства печей и труб, в которых уголь плохо перегорает. Давно уж думали о средствах уничтожить этот заражающий атмосферу недостаток. Наконец придуман снаряд, в котором чад и дым совершенно перегорают, так что труба перестает изрыгать страшное количество смрада. Акт парламента теперь обязывает лондонских домохозяев и заводчиков, которых печи превышают размер обыкновенных комнатных печей, к 1 августа запастись этим снарядом.

Ничего этого нет у парижан. У них почти нет и солнца, потому что беспрестанно идут дожди; фельетонисты не могут из своей изобретательной головы выжать ни одной новости и принуждены говорить о погоде. Они пытались было говорить о новых или старых лавреатах, отысканных Французскою академиею для выдачи им премий за прилежание в сочинении драм; но выходило очень плохо. Вообще очень многими странностями обильны действия Французской академии. Например: každогодно назначает она темы для похвальных слов (*éloge*) тому или другому великому человеку, часто выбирая при этом таких великих людей, которые уж давно перестали считаться великими и которых ровно не за что хвалить. Не менее оригинально и то, что, раздавая ежегодно пре-

мии за лучшее стихотворение, за лучшее драматическое произведение и т. п., она имеет почти на каждую награду постоянного лауреата, который с незапамятных лет неизменно получает премию и неизменно остается лучшим поэтом — только в глазах Академии, потому что только одна она и читает его увенчанное произведение. Так премию за стихотворство всегда получает одна и та же мадам, или мадмуазель, Луиза Колле; так и в нынешний раз драматическую премию получил знаменитый последователь Расина и Корнеля, Понсар, за свою комедию «Честь и деньги» (*l'Honneur et l'argent*)¹⁷. Но возвратимся к погоде. Не в одном Париже, а почти во всей Франции погода была до последнего времени такая, что говорить о ней надобно было не болтливыми шутками фельетониста, а грустным языком экономиста: проливные дожди грозили погубить все хлеба; но в последнее время солнце опять показалось и надежды на порядочную жатву оживились. Прежде парижанам было всегда готово приятное убежище от дождя — театр; в нынешний сезон и театры в Париже были плохи; особенно мучила парижан София Крувелли, которою они прежде так восхищались. Она не столько пела, сколько кричала, и не столько кричала, сколько размахивала руками на весь театр. Кроме этого, она еще довела до удивительной крайности слабость многих примадонн искажать свою партию всевозможными изменениями: она решительно вообразила, что должна петь не музыку Мейербера или Россини, а то, что ей придет в голову; так что не было никакой возможности отгадывать, какую партию, из какой оперы она поет — да она и не пела никакой партии, а просто фантазировала. Это вывело из терпения парижскую публику, может быть, содействовало и совершенному расстройству дел несчастной парижской оперы, которые уж много лет были в самом жалком положении, несмотря на все пособия от казны. Наконец правительство увидело, что опера решительно погибает при нынешнем своем устройстве (она, подобно всем другим парижским театрам, кроме Théâtre-Français была частным предприятием директора, содержавшего ее на свой счет) и поэтому решилось принять оперу в свое непосредственное заведывание и обратить ее из частного учреждения в придворное, как это было при Наполеоне и при Бурбонах. Директором от казны оставлен прежний содержатель оперы (Нестор Рокплан) с жалованьем 24 000 франков. Посмотрим, лучше ли пойдут дела на следующий сезон, потому что теперь опера закрыта. Кроме этой новости сомнительного характера, все остальные в парижском артистическом мире — похоронные. Умерла Ребекка, сестра Рашели, довольно хорошая актриса. При таком уменьшении числа родных очень естественно усиление привязанности к тем, которые остаются в живых. Но вынуждать, как это, говорят, сделала Рашель, у Французского театра 12 000 франков жалованья своему брату, Рафаэлю Феликсу, которого талант так хорошо известен и нашей публике, значит простирает свою родственную любовь слишком далеко.

Умер *Жюль Севест*, директор *Théâtre Lyrique*. Все хвалят его прекрасный характер и правила и искренно сожалеют о нем. Столько же жалеют и молодого композитора *Жоржа Буке* (*Bousquet*), очень даровитого и начинавшего приобретать известность. У него осталось семейство почти без всяких средств к существованию. *Жюль Севест* перед смертью приготавливал две оперы *Буке* к постановке на сцену своего театра. Умер также *Эмиль Сувестр*, один из даровитейших современных французских беллетристов. Вот его краткая биография. *Эмиль Сувестр* был родом из Бретани и первую известность в литературе приобрел своими статьями о народной словесности, нравах и суевериях бретонцев; они печатались в «*Revue des deux mondes*», а потом вышли отдельною книгою под заглавием «*Les derniers Bretons*»^{*}; прекрасные «*Récits de la muse populaire*» («*Рассказы простонародной музыки*») служат продолжением этим статьям. Кроме того, он писал повести вроде *Тёпфера*¹⁸, отчасти сентиментальные, отчасти юмористические; одна из них («*Охота за козами*») переведена в одном из последних номеров «*Москвитянина*». Если *Сувестр* и вдавался иногда в сентиментальность, то еще чаще он чрезвычайно наивно и мило описывал простонародный быт. В самой Франции этот писатель не пользовался всею известностью, какой заслуживал: он был слишком безыскусствен для французской публики.

Этим еще далеко не окончен длинный ряд более или менее известных лиц, умерших в Париже: к ним надобно прибавить *Лаказа* (*Las Cases*), сына того *Лаказа*, которому *Наполеон* диктовал свои записки, и супругу маршала *Нея*, храбрейшего из наполеоновских маршалов. Если присоединить к этому знаменитого французского археолога *Рауля Рошетта*, какая выйдет длинная процессия! Стольких известных имен, стольких даровитых людей лишилась в несколько недель Франция, уже и без того небогатая ныне знаменитостями! И Германия лишилась знаменитого в сценическом мире имени.

Госпожа Зонтаг, одна из первых певиц, если не первая певица нашего времени, умерла 18 июня в городе *Мехико* от холеры после кратковременной болезни.

Генриэтта Зонтаг родилась в *Кобленце* 13 мая 1805 года. Отец ее был второстепенный актер, мать — также второстепенная актриса. Сама она вступила на сцену с детства: шести лет *Генриэтта* играла в опере «*Donaueibchen*»^{**} (из которой переделана наша «*Русалка*», столь знаменитая лет тридцать назад), в роли *Salomé* и, говорят, возбудила всеобщий восторг. На девятом году, лишившись отца, она была принята в *Пражскую консерваторию*: «в уважение к необыкновенным талантам» для нее сделали исключение из правил *Консерватории*, не принимавшей воспитанниц моложе

^{*} «Последние бретонцы». — *Ред.*

^{**} «*Дунайская дева*». — *Ред.*

двенадцати лет. В 1821 году шестнадцатилетняя девушка дебютировала на пражском театре ролью «Принцессы Наваррской» в опере Буальдье «Jean de Paris» *. Ее репутация быстро возростала, так что, приехав чрез два года в Вену, она была избрана Вебером ¹⁹ для исполнения главной роли в его «Эврианте», и Бетховеном для исполнения Solo soprano в его «Хоральной симфонии». В 1824 году Зонтаг получила приглашение в Лейпциг и Берлин, и с этого времени начинается ее торжество: шесть лет она повсюду возбуждала энтузиазм, каким не награждали даже Каталани. Ее безукоризненная репутация, красота, приятность и благородство манер, прекрасный характер — все это увеличивало общее расположение к ней; но прелесть ее голоса, совершенство ее методы были действительно несравненны. Потому она была ангажирована за неслыханную в то время цену на парижскую сцену, которая тогда имела Пасту и Малибран, и новая певица с честью выдержала сравнение с этими великими примадоннами ²⁰. Через два года она явилась в Лондоне, и успех ее был так же велик на лондонской сцене, как и на парижской. По возвращении в Париж она получила предложение от графа Росси, состоявшего при сардинском посольстве в Париже. Покойный король прусский устранил все возражения родственников жениха, пожаловав дворянский титул любимой берлинской певице, и первая половина сценической карьеры Зонтаг окончилась; она вступила в аристократический круг и была двадцать лет его украшением. Но в 1848 году граф Росси потерял все свое состояние, тогда графиня благородно и мужественно решила прибегнуть к своему таланту, чтоб обеспечить положение мужа и будущность детей. Она явилась опять на сцене Лондонской королевской оперы, ангажировавшей незабытую в течение двадцати лет певицу за 7 000 фун. стер. (43 000 р. сер.). Много трудностей предстояло победить мадам Зонтаг. Репертуар совершенно изменился с тех пор, как она оставила сцену; сорокапятилетняя женщина должна была готовить новые роли, не имевшие ничего общего с ее прежними партиями; ее предшественницею на лондонской сцене была Джени Линд, возбуждавшая неслыханный, небывалый восторг — как опасно было сравнение! Многие с недоверчивостью смотрели на «графиню», не певшую на сцене двадцать лет; но великий талант благородной артистки восторжествовал вполне и над репертуаром, и над публикою, и над пристрастием к восхитительному, свежему голосу «шведского соловья». Успех мадам Зонтаг был полный. В 1849 и 1850 году она продолжала петь в Лондоне; потом путешествовала по Германии, бывшей колыбелью ее славы, и в 1852 году отправилась в Америку. Объехав Соединенные Штаты — и здесь Джени Линд была ее предшественницею, не повредившею успехам ее — она отправилась в Мексику и через несколько месяцев сделалась жертвою появившейся там эпидемии. Трагизм

* «Жан Парижский». — Ред.

этого несчастья довершается странным стечением случайностей: когда мать умирала, ее дети, оставшиеся в Европе, отправились к ней — и найдут теперь ее могилу. Голос мадам Зонтаг был очарователен от природы; но еще более была она обязана своему искусству и изящному вкусу: люди, несколько лет ее слушавшие, не запомнят, чтоб она хоть однажды была не в совершенстве прекрасна; но лучше всего пела она моцартову музыку.

Одна из величайших примадонн нашего времени умерла, другая сходит со сцены: прощальные представления Гризи в Лондонской королевской опере возбуждают все больше и больше энтузиазма в публике. Английские журналы дают и прощальные биографии знаменитой певицы.

Джульетта Гризи родилась в Милане, в 1816 году; теперь ей 38 лет. Семейство, из которого она происходит, дало много знаменитостей театру. Упомянем только о Джудитте Гризи, сестре ее, бывшей примадонною лондонской оперы. Другая сестра, Карлотта, первоклассная танцовщица. Талант Джульетты развился очень рано и обратил на себя внимание Марлиани, довольно известного в то время композитора; он дал ей полное музыкальное образование, и скоро Джульетта Гризи была признана достойною петь в «Норме» вместе с Пастою. Скоро вместе с воспитателем своим Гризи отправилась в Париж, и в 1834 году, восемнадцати лет, дебютировала в парижской опере. На той и другой сцене она имела громадный успех, какого не имела ни одна дебютантка со времени Каталани. С того времени она была постоянно любимейшею примадонною парижской, лондонской и петербургской публик. В настоящее время ее прощальные представления в Лондоне должны уж окончиться; из Лондона Гризи поедет в Соединенные Штаты и, заключив этим путешествием свою блестящую карьеру, удалится в свою виллу близ Флоренции.

На Дрюриленском театре, где играет немецкая оперная труппа, возобновлена давно забытая, почти совершенно неизвестная в Англии опера Моцарта «Il Seraglio» *. Труппа театра, состоящая почти исключительно из немецких певцов и певиц, не в состоянии выполнить ее достойным образом; в самой музыке заметны, по мнению английских дилетантов, следы неопытности композитора («Il Seraglio» написана, однако, немногим раньше «Дон Жуана»), но гениальность великого Моцарта слышится в каждом мотиве, и это возобновление было истинным праздником для лондонской публики.

Santa Chiara новая опера Эрнста, герцога Саксен-кобург-готского, по отзывам знатоков, лучшее его произведение. Немецкие критики жалеют только о том, что либретто оперы, составленное довольно известною немецкою писательницею Бирхфейфер, очень плохо: г-жа Бирхфейфер довольно неудачно переделала повесть Цшокке «Принцесса Вольфенбюттельская» ²¹. Для постановки оперы был приглашен Лист.

* «Похищение из Сераяля». — Ред.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВ, НАУК И ПРОМЫШЛЕННОСТИ

<ИЗ № 9 ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1854>

Мюнхенская выставка произведений промышленности немецкого таможенного союза и Австрийской империи. — Парижские и лондонские новости. — Еще о Кристальном дворце в Сейденгэме. — Усовершенствование фотографии. — Периодичность северных сияний. — Теория движений небесных тел, представляемая Сегеном. — Исключения из закона о расширении тел при возвышении температуры. — Электричество, развивающееся при горении тел. — Пополнения к формуле закона теплоемкости. — Электрическое освещение. — Греческий огонь. — Новые чернила. — Наблюдения температуры океана, как средство определять положение корабля. — Наблюдения над звездой Геркулеса. — Теория личных сравнений. — Определение долготы русских обсерваторий. — Известия Боплана о парагвайском чае. — «Албания» Гана. — Известия о Тибете, Крика. — Известия о раскопках в Италии и Ниневии. — Смерть Рауля Рошетта. — Записки г. Гревинга о рисунках на берегу Онежского озера. — Венская академия. — Берлинская публичная библиотека. — Железные дороги в Англии. — Положение журналистики и книжной торговли в Англии и Франции. — Недостаток бумаги. — Новости английской литературы: «Записки» г-жи Бичер-Стоу, продолжение романа Диккенса «Hart-Times» и отзыв о нем в английском «Атенее». — «История итальянских общин», Джудичи. — Оценка таланта Мери. — Новости немецкой литературы. — Перевод «Оксаны» Основьяненко и «Повестей» гр. Соллогуба на французский язык. — Некролог г-жи Саути, доктора Лальмана. — Памятники: Окену, Вашингтону, Шекспиру. — Портрет Шекспира.

Нынешний месяц может представить довольно важную новость в германском промышленном мире, о котором так редко случается слышать что-нибудь новое: Мюнхенская промышленная выставка, об открытии которой говорили мы в предыдущем номере, теперь привлекает посетителей не только из Берлина и Вены, но даже из Лондона и Парижа. Не имея такого всесветного значения, как лондонская выставка 1851 года, она, однакож, устроена с назначением очень обширным: служить представительницею промышленной деятельности 70 миллионов жителей германского таможенного союза и Австрийской империи; размеры ее совершенно достаточны для этой цели: около 7 000 экспонентов прислали на нее произведения своих фабрик и заводов.

Вообще она, по отзывам не только немецких, но и других журналов, доказывает, что немецкая промышленность сделала очень большие успехи со времени общей выставки германского таможенного союза в Берлине: в тех отраслях промышленности, которыми Германия славилась прежде, она продолжает сохранять свое превосходство над Англией и Францией; те отрасли, которые прежде,

* Составлено по журналам: *Revue des Deux Mondes*, *Revue de Paris*, *Revue Britannique*, *Revue Contemporaine*, *Edinburgh Review*, *Bibliothèque de Genève*, *Illustration*, *Illustrated London News*, *Illustrierte Zeitung*, *Magazin für die Literatur des Auslands*, *Das Ausland*, *Erheiterungen*, *The Athenaeum*, *L'Athenaeum Français*, *Novellen-Zeitung*, *Institut*, *Indépendance Belge*, *Journal des Débats*.

сравнительно с английскими и французскими, были слишком далеки от совершенства, улучшились. Много выигрывает выставка и от прекрасной классификации произведений, чем она, говорят, превосходит все бывшие доселе большие выставки. Венские шелковые материи, по отзыву знатоков, очень мало уступают лионским. Мюнхенские галантерейные вещи из окисленного серебра почти так же хороши, как парижские. Чугунные вещи из Вюртемберга и Пруссии — превосходны. Богемское стекло и саксонский фарфор вполне достойны своей старинной славы.

Через несколько дней после открытия промышленной выставки открыта в Мюнхене и выставка произведений искусств. Еще более разнообразия общественной жизни в баварской столице придает то, что на время выставки согласились приехать в Берлин почти все знаменитости бесчисленных немецких сцен; не приехали только те, которых удержали контракты и не отпустили директора театров. Особенный интерес представлениям этой соединившейся на время труппы первоклассных артистов придает то, что они согласились сыграть все великие произведения немецкого репертуара: «Натана Мудрого», «Марию Стюарт», «Вильгельма Телля», «Эгмонта» и т. д.¹

Париж и Лондон не представляют ничего особенно нового. В Лондоне окончился «сезон»; посетители, приезжающие туда на это время, разъехались: зато привезен в Лондон новый маленький гиппопотам, у которого еще не прорезались зубы и которого поэтому воспитатель поит с руки, как поят маленьких телят. Молодость лет не мешает, однакож, малютке быть ростом с порядочную корову; и однажды, неосторожно приласкавшись к сторожу, малютка так сильно прижал его к стене, что воспитатель едва не был раздавлен; к счастью, несколько человек успели во-время рычагами отодвинуть шаловливое дитя. Новопривезенный гиппопотам — самка, и потому в своем роде еще первый экземпляр в Европе.

Но попрежнему в Лондоне более всего продолжают говорить о Кристалльном дворце в Сейденгэме: он и в нынешнем месяце продолжал более всех других новостей интересоваться не только английскую, но даже и немецкую публику. Только французские газеты молчат о нем, боясь, что уж и в первом порыве увлечения насказали слишком много об этом опасном сопернике будущей парижской выставки. Поэтому, на основании вновь появившихся журнальных статей, дополним несколькими подробностями описание некоторых частей музея, представленное нами в прошлом месяце.

Египетская палата более всего занимает публику своими колоссальными и странными статуями, своими загадочными иероглифами и рисунками. При входе в нее стоят в два ряда громадные львы, скопированные с привезенных из Египта герцогом Нортемберлендским (галерея львов обозначена маленькими квадратами, находящимися перед египетскими палатами. № 31-й, на нашем плане, приложенном к 8-му № «От. запис.»). Став по-

середине их, вы видите перед собой внешнюю сторону стен и наружные колонны храма; они не скопированы с какого-нибудь одного здания, а составлены по соображению различных дворцов и храмов, так, чтоб служить самой полной характеристикой стиля египетских колонн и капителей при Птоломеях, около 300 лет до Р. Хр. На стенах вырезаны раскрашенные барельефы, изображающие царя, приносящего жертву богам. Капители колонн сделаны в виде пальмовых и лotosовых листьев; некоторые украшены изображениями папируса во всех периодах его развития, от простого ростка до времени цветения. На фризах, идущих над колоннами, иероглифическая надпись, составленная в египетском духе и говорящая, что «в семнадцатое лето правления Виктории, повелительницы волн, построен этот дворец и украшен тысячью статуй, тысячью колонн, тысячью растений, подобно книге, в научение людей всякой земли». Та же надпись повторяется и на фризах внутри храма. На внутреннем и наружном карнизах вырезаны иероглифами имена Виктории и принца Альберта. Через среднюю дверь храма, на косяках которой иероглифически написаны титулы одного из Птоломеев, мы входим во внешнюю залу храма, назначавшуюся для народа; украшения стен подобны тем, которые мы видели снаружи: они раскрашены в точности по остаткам древних барельефов. На левой стене огромная картина, скопированная с рисунка, украшающего большой храм Рамесеса III, или Рамесеса Маи-Амуна в Мединет Абу близ Фив. Она представляет, как перед царем, сидящим в боевой колеснице, считают руки убитых врагов. На правой стене картина, изображающая битву и штурм крепости египетским войском. Налево от этого храма другой, принадлежащий периоду древнего египетского искусства и относящийся к XIV столетию до Р. Хр. Фасад его образуют восемь гигантских статуй Рамесеса Великого. Колонны состоят из осьми стеблей папируса, связанных вместе; они сняты с колонн из черного гранита, находящихся теперь в Британском музее.

Из этого храма вход в темную гробницу, скопированную с находящейся в селении Бени-Гассан. Это — древнейшее здание в Кристальном дворце; оно относится к 1660 году до Р. Хр. Бени-гассанский гроб высечен в гряде скал, отделяющей долину Нила от восточной степи. В Египте есть строения еще древнейшие; но гробница эта предпочтена им потому, что представляет первый орден египетских колонн; они, с своими желобчатыми выемками, послужили для греков образцом их старинных колонн дорического ордена.

Другое воспроизведение, еще удивительнейшее, нежели памятники Бени Гассана, Ипсамбуля и Фив — коллекция допотопных животных, находящаяся на одном из островов, лежащих на прудах или озерах великолепных садов Сейденгэмского дворца. Этот «геологический остров» лежит на большом озере, находящемся близ нижнего конца парка, и составлен из различных наслоений

земной коры, положенных друг на друга так, что очень легко наблюдать общий закон, в котором они следовали одно за другим, и границы различных формаций сами собою ясны для посетителя. На этой почве стоят в различных положениях модели допотопных чудовищ, о которых мы говорили в прошлом месяце. Не будем ни перечислять, ни описывать этих столь же странных, как и огромных пресмыкающихся и млекопитающих, воспроизведенных в натуральной величине: то и другое завлекло бы нас слишком далеко; скажем только, что один из них, игуанодонт, имел в длину не менее 14 сажен, и строители моделей, Хокинс и профессор Он, во внутренней пустоте его модели устроили обед для 27 своих помощников. За этим истинно геологическим обедом были провозглашены тосты в честь Кювье и других знаменитых геологов и зоологов. Вместо перечисления допотопных животных стараемся представить краткий ответ на вопрос, естественным образом возникающий при мысли о том, что от этих странных созданий сохранились только кости: «каким же образом по костям отгаданы наружные формы, которые имело то или другое животное в живом виде?» Трудami Кювье сравнительная анатомия доведена до такого совершенства, что по скелету животного с точностью восстанавливается его наружный вид. В самом деле, устройство костей находится в непосредственной связи с массивностью мускулов, которыми они покрыты; по устройству зубов и ступней можно узнать образ жизни животного: зубы плотоядной кошки устроены совершенно не так, как зубы травоядной овцы; ступни волка, бегającego по земле, совершенно не так, как ступни пантеры, лазающей по деревьям. Зная образ жизни животного и устройство его скелета, можно с точностью определить свойство его кожи, длину и густоту шерсти, ее покрывавшей: овечья волна не похожа на шерсть лошади или щетину кабана; но такое же точно различие существует и между скелетами овцы и лошади. Этих простых соображений достаточно для того, чтоб увериться в возможности по скелету животного отгадывать наружный вид его, по нескольким костям воспроизводить чертeж всего скелета. И всякое сомнение в точности подобных воспроизведений должно исчезнуть после того, как она подтверждена фактами, из которых приводим один. По одной кости, уцелевшей от всего скелета допотопного животного, Кювье восполнил и начертил весь скелет; впоследствии был найден полный скелет животного, и чертeж Кювье был совершенно верен с ним: великий зоолог не ошибся ни в одной подробности.

Между тем важнейший упрек, который могли до сих пор сделать Сейденгэмскому дворцу — то, что он закрыт по воскресным дням, когда большей части публики всего удобнее было бы его посещать, повидимому, скоро будет устранен. Сильные толки об этом обратили внимание английского парламента на вопрос: нельзя ли и по воскресеньям открыть для публики национальные музеи. Комитет, назначенный нижним парламентом для рассмот-

рения этого дела, предлагает парламенту решить его в пользу открытия. То, что Британский музей и Национальная галерея закрыты по воскресеньям, кажется комитету еще менее извинительным, нежели то, что закрыт Кристальный дворец, составляющий частное учреждение, между тем как музей и галерея основаны на счет государственного бюджета, и потому (слова доклада, подготовленного комитетом) «нет в Англии ни одного бедняка, который бы не участвовал до некоторой степени в расходах на эти учреждения и не имел бы права пользоваться ими; потому и несправедливо отнимать у людей, живущих поденною платою и не имеющих возможности располагать будничными днями, единственный день, в который они могут посещать музей».

Сообщим здесь кстати, что основная мысль о наглядном способе изучения, которой обязан своим происхождением Сейденгэмский дворец, получает все более и более применения. Так профессор Гепперт (Göppert) успел наглядным образом осуществить в Бреславском ботаническом саду идеи Гумбольдта о физиономике растений². Он разделил сад на 54 характеристические группы; первые 41 группа составлены каждая из растений одного и того же существенного характера. Так в одном отделении находятся исключительно мхи, в другом ползучие растения, в третьем кактусы, в четвертом банановые деревья и т. д. Из других тринадцати отделений каждое представляет по возможности полную картину растительности той или другой страны, не заключая в себе ни одного растения, чуждого тому климату. Так в одной группе собраны формы растительности полярных стран, другая представляет деревья и травы Южной Европы, третья — Китая, четвертая — Южной Америки и так далее.

Фотография — это прекрасное изобретение, посредством которого каждый из нас может передавать другим в верной копии все, чем было заинтересовано его зрение, — быстро совершенствуется. В Лондоне Мэйоль (Mayall), устроив камер-обскуру в огромных размерах, достиг возможности снимать фотографические портреты в натуральную величину; еще замечательнее, нежели увеличение размера, то, что, посредством своего снаряда, он снимает портреты гораздо лучшего достоинства, нежели получались они прежде.

<Дальше следовал текст Д. М. Перовошикова>.

Начав это путешествие вокруг света, продолжим его и посмотрим, что нового открыто в малоизвестных странах, что нового открыто под землею раскапыванием развалин. Географических и этнографических открытий немного; почти всего только одну книгу можно назвать замечательною в этом отношении, «Albanesische Studien — von Hahn» (Албания и албанцы). Албания — одна из самых малоизвестных стран Европы: албанцы — народ, о котором очень мало знают самые ученые этнографы. Даже ал-

банский язык почти совершенно неизвестен. Первые, очень скудные, но все-таки драгоценные сведения об этом загадочном языке сообщил в коротенькой грамматике и маленьком сборнике слов прусский офицер Ксиландер³. А между тем ближайшее знакомство с албанскими нравами и языком было бы очень важно для науки: оно могло бы пролить свет на темные вопросы о том, к какому племени принадлежали древние иллирийцы и их родственники — македоняне, потому что македоняне были «варвары», не имевшие по своему происхождению ничего общего с греками: только незадолго до времен Филиппа и Александра Македонского греческая цивилизация проникла в Македонию и обратила высшие классы македонского народа (но только высшие классы; народ оставался очень долго верен своей национальности) в чистых, повидимому, греков. Македонское царство очень долго было греческим почти в той же только степени, как и царства Птолемея и Селевкидов; они носили чисто греческий характер только на поверхности, в высших слоях общества. Вопрос о том, к какому племени принадлежали македоняне, очень важен и очень темен, сказали мы; и знакомство с албанцами и их языком может объяснить его, потому что, по всей вероятности, албанцы — остатки древнего иллирийско-македонского народонаселения. Если и не так, то нет сомнения, что они коренные обитатели стран, лежащих на север от древней Греции, и исследование их языка и нравов оказало бы во всяком случае большую услугу истории Балканского полуострова. Потому книга Гана⁴, представляющая сборник албанских поверий, преданий, песен, описания нравов, исследования о происхождении албанцев, будучи очень занимательною для большинства публики, которой гораздо интереснее читать живые очерки почти совершенно неизвестной страны, нежели перечитывать повторяемые в тысячный раз описания Рима, Венеции, Константинополя или Севильи, имеет еще гораздо большую цену для специальных ученых. Если не по ясности выводов, то по драгоценности материалов, это одно из капитальных для науки сочинений, каких выходит в году немного. Г. Ган не отвергает, что довольно сильное влияние на албанцев имели турки (как это ясно уж из того, что многие албанцы мухаммедане), греки в древности, потом во время Македонского царства и во время Византийской империи (когда албанцы приняли христианство) и особенно славяне (доказательством служит албанский язык, имеющий много славянских слов; много точек соприкосновения с славянами находим и в албанских поверьях, записанных г. Ганом; так, например, у албанцев есть бурдалак — сербский вурдалак, наш упырь, или вампир); тем не менее он думает, что вообще албанцы довольно чисто сохранили свою старинную народность, и признает их потомками иллирийцев, ближайшими соплеменниками древних македонян. Это кажется несомненным. Повидимому, совершенно основательно и то предположение г. Гана, что албанцы, то есть иллирийцы и македоняне, соплеменники европейских бригов и

малоазийских фригийцев. Но в этих предположениях нового мало. Вероятно, справедливо и то его мнение, что все эти народы принадлежали к индо-европейскому племени, другими ветвями которого были санскритские народы, персы, греки, римляне, немцы, литовцы и славяне. Но и то и другое предположения нуждаются в проверке более точными и полными исследованиями албанского языка, нежели какие могли быть сделаны доселе; интереснее сбивчивых, повидимому, исследований г. Гана собранные им песни и предания. Вот, например, албанские сказки, указывающие на коренное родство или на тесные связи между индо-германским племенем и албанцами.

«Была молодая женщина, вышедшая замуж на чужую сторону; она пять лет не видалась с родными. Раз она пошла на ключ за водой, а сама вздыхала, вспоминая о родных. Тут к ней подошла старуха и сказала: «О чем ты горюешь, мое дитятко?» А старуха эта была людоедка; у нее было четыре глаза: два на лбу, а два на затылке; только женщина этого не заметила, потому что задние глаза были спрятаны под повязкою. Она сказала старухе: «Вот уж пять лет я не видала ни отца, ни матери; дорога дальняя, а проводить меня некому». Старуха сказала ей: «Я провожу тебя, дитятко; мне самой надобность идти в ту сторону. Снарядись, а я тебя подожду». Молодая женщина пошла домой, снарядилась в дорогу и воротилась к старухе; а старуха дожидалась ее у ключа. Они шли несколько времени и пришли в захолустье, где была избушка людоедки. В избушке сидела Маро, дочь людоедки. Тут женщина увидала, что старуха — людоедка; только ей уж нельзя было убежать. Людоедка вошла в избушку, велела дочери топить печь, а сама пошла набрать дров. Когда она ушла, женщина спросила у Маро: «Зачем ты топишь печь?» Маро сказала: «Мы тебя хотим изжарить и съесть». — «Мне ничего, что вы меня съедите; только смотри, как бы не погас огонь». — «Я его раздую, он разгорится». Тут Маро нагнулась раздувать огонь, а женщина сзади толкнула ее в печь и заслонила заслонкой, а потом, покуда не воротилась людоедка, поскорее убежала, прибежала в свое село и там рассказала матери, что с нею случилось. И все удивлялись, какая она была смелая, что толкнула в печь людоедкину дочь».

Едва ли сказка заимствована албанцами из славянской сказки о том, как Яга баба хотела изжарить мальчика и велела своей дочери посадить его в печь, а сама ушла; как мальчик обманул дочь Яги бабы, сказав, что не умеет сидеть на лопате, и как он, когда дочь Яги бабы села на лопату, чтоб выучить его сидеть, всунул ее в печь и заслонил заслонкою: разница между сказками велика; наша гораздо полнее и эффектнее, и притом все подробности албанской сказки кажутся самостоятельными; о нашей Яге бабе не слышано, чтоб у нее было четыре глаза; из подробностей славянской сказки не находим ни одной в албанском варианте; потому и надобно думать, что заимствования не было, что обе сказки самостоятельно развиты из одного общего поверья, и ско-

рее служат свидетельством коренного родства обоих народов, нежели последующего влияния.

Другая албанская сказка чрезвычайно близка к греческому мифу о Персее. Царю было предсказано, что внук убьет его; поэтому он бросил новорожденного внука в море; но волны вынесли малютку на берег и он вырос сильным молодым человеком. Когда он вырос, в той земле явилось чудовище, требовавшее, чтоб ему отдали на съедение царскую дочь; на это принуждены были согласиться, и царская дочь была оставлена в назначенном месте на жертву чудовищу. Тут юноша увидел ее, узнал ее судьбу, дождался чудовища и убил его. Царь отдал за него дочь. На свадебном пиршестве жених во время метания в цель булавою, промахнувшись, убил своего деда. Это буквально миф об Акризии, Персее и Андромеде. Некоторые подробности сказки также буквально верны мифу, и едва ли можно сомневаться, что она заимствована албанцами у греков, хотя уж и успели они забыть греческие имена действующих лиц и отчасти даже облекли рассказ в подробности из народных преданий о Лубии, чудовище, пожирающем детей и иссушающем потоки.

Одна из земель, еще менее известных, нежели Албания, Тибет. Во многих французских журналах напечатаны довольно большие и прекрасно написанные отрывки из записок французского миссионера Крика (Krick), пытавшегося в конце 1851 года пробраться из Асама в эту страну. Если б ему удалось достичь цели своего путешествия, то его записки были бы очень интересны и драгоценны для этнографии. После невообразимо трудного перехода по Гималайским горам он действительно добрался до границ Тибета; но правитель области, в которую попал путешественник, тотчас же отослал его назад под предлогом, что провинция скоро будет театром войны, в которой погибнет «ученый лама», лама-гуру. Потому записки предприимчивого миссионера имеют только романический интерес дневника, ничего не прибавляя к нашим сведениям о малоизвестной стране, дальше границ которой не мог он проникнуть. Вот почти все, что случилось с ним и что успел он заметить в Тибете:

«Перейдя границу, два дня шел он до первого города. В начале января погода была такая, как во Франции в мае. Лимонные, апельсиновые, лавровые деревья были в полном цвету: повсюду пестрели цветы и зеленели нивы, засеянные рисом и пшеницею. Жители города, предуведомленные о прибытии миссионера, столпились на площади. «Мне велели взойти на узкую галлерею, которая возвышалась над головами зрителей. Там лежала огромная тибетская собака, зарывавшаяся при моем приближении. Еще важнее было то препятствие, что на галлерею не было снаружи лестницы. Я вскарабкался кое-как, цепляясь за столбы и доски. Все бросились за мною; галлерея наполнилась в минуту. Они рылись в моих карманах, ощупывали мне глаза и бороду, раскрывали мне рот, глядели мне в зубы, считали у меня пальцы на руках, рас-

смаatrивали цвет моей кожи; следствием всех исследований было заключение, что я существо странное, но довольно похожее на человека. Вообще их жесты выказывали доброе расположение, и, наконец, один из них подал мне фляжку из тыквы, наполненную какою-то беловатою жидкостью. Страшно проголодавшись, я жадно выпил все, не переводя духа, и почувствовал себя гораздо лучше. Но мне надобно было найти покровителя в толпе, меня окружавшей. Проводники указали мне гелонгов (ламайских духовных); я сказал им, что я также духовное лицо, и просил приюта у старшего из них. Он повел меня в свою комнату, заваленную мешками, набитую народом, и велел сесть подле себя на разостланную попону. Нам подали чай в деревянной чашке. Чай был приправлен солью, мылом (?) и прогорклым коровьим маслом (то есть это был кирпичный чай?). Он был свзрен в грязном, отвратительном котле; но я, несмотря на все это, выпил три чашки — так я был голоден. Потом хозяин угостил меня рисовым пирогом и сыром. Между тем пожитки мои оставались на улице; я не знал, где провести ночь. Деньги у меня были все отняты на дороге дикарями. Что мне было делать? я решился действовать смело: вышел на улицу, взял свои вещи и уселся с ними в самом скромном уголке комнаты. Хозяин был несколько удивлен таким полным принятием его гостеприимства, но не рассердился.

На другое утро я вышел осмотреть окрестности. Они были великолепны. Снять верно прелестную картину, расстилавшуюся передо мною, значило бы создать пейзаж, которому нет подобных в мире живописи. Дома городка рассеяны между вечно зеленеющими деревьями. Налево, в версте, течет Брахмапутра. С двух сторон опоясывают горизонт высокие горы; скат их покрыт гигантскими соснами; на вершинах белеют снега; с двух других сторон бесконечные нивы и луга; привольно пасутся здесь и там стада коров, волов, лошадей, ослов, мулов; в пяти или шести верстах к северу замок на террасе — это рима, жилище правителя области, «юнга».

Несколько дней провел я среди не могшего на меня довольно надивоваться и добродушного населения деревни; но 17 января, когда я читал свои молитвы, вдруг растворилась дверь комнаты и послышались крики, извещавшие о прибытии правителя области. Через минуту вошел юнг. Он был окружен свитою; народ падал перед ним ниц. Я хотел уклониться от аудиенции и расспросов; но это было невозможно, и я предстал судилищу правителя, сидевшего на опрокинутом корыте, покрытом дрянным ковром. «Лама-гуру (ученый лама), — сказал мне мой хозяин, — подойди к правителю и поклонись ему». — «Я умею кланяться только по-французски». — «Нужды нет, поклонись как умеешь». Я отвесил три низжайшие поклона. Юнг отблагодарил меня наклонением головы и улыбкою: ему было лестно, что ему кланяются по-французски. Сановники, меня окружавшие, старались подражать моим поклонам. «Лама-гуру, — продолжал хозяин, — садись

подле меня. Вот великий лама, в руках которого гром, в мысли которого солнце. Его язык — меч, его слово — буря; он может повелеть всё по воле своей; он властен отрезать руку и ногу, выколоть глаза, осудить на смерть — и никто не смеет противоречить. Он приехал сюда для тебя». Я поклонился, говоря, что я в восхищении, удостоившись видеть такого важного человека.

Тогда юнг начал меня допрашивать: «Откуда ты? как тебя зовут?» Я отвечал. «Зачем ты сюда пришел? Ты хочешь высмотреть нашу землю, чтоб прийти воевать?» — «Нет, я француз, а не англичанин, духовное лицо, а не офицер». — «Зачем же ты пришел именно в нашу землю, а не в другую?» — «Я узнал, что ваш народ благочестивый». — «Кто же тебя прислал сюда?» — «Никто; я пришел сам». — «Есть ли у тебя жена, дети?» — «Нет; я лама». При этом сановники шепчут один другому: «Правда, правда; ламы не бывают женаты». — «Ты пробудешь здесь года два, потом воротись в Асам?» — «Нет, я останусь здесь навек». — «Стало быть, ты бежал из отечества. Добрый человек не покинет навек родины». — «Я не преступник. Напишите обо мне моему королю: он вам это скажет». — «Есть у тебя деньги? Чем ты будешь жить?» — «Я полагался на гостеприимство тибетцев». — Этим кончился допрос. Судьи принялись пить чай и совещаться. Через несколько минут решение составилось, и юнг сказал мне: «Лама-гуру, тебе надобно воротиться в свою землю». — «Нет; зачем я пойду отсюда?» — «Затем, что здесь будет война». — «А мне что за дело до войны?» — «Тебе, иностранцу, будет она еще опаснее, нежели другим: тебя убьют. Будет страшная резня». И тут все сановники вскочили, выхватили сабли, начали ими махать, колоть, рубить воображаемого неприятеля, чтоб я мог видеть, как страшна будет война. Я не мог не улыбнуться».

Не взирая на все настояния Крика, чтоб ему позволили остаться в Тибете, ему, однакож, велели выехать; но проводили очень почетно и радушно: дали ему конвой, нагруженный всяким добром (которое, однако, растащили сами провожатые), охранную грамоту за одиннадцатью печатями; весь город вышел провожать его; прощаясь, все жали ему руки, желали счастливого пути, всевозможных благ, наконец сжимали руки свои кулаком, вытянув при этом большой палец вверх — высочайшее изъявление приязни и уважения.

Несмотря, однако, на всю дружбу с тибетцами, лама-гуру должен был уехать, не видав почти ничего.

Счастливей был другой путешественник в другой совершенно недоступной европейцам стране. Английскому лейтенанту *Бортону* удалось быть в Мекке и Медине, куда строжайшим образом запрещается допускать христиан. Он переоделся афганцем и был так счастлив, что действительно был принят за афганца молящися, отправлявшимися в Мекку, подружился с ними и уговорил их взять его с собою. Таким образом удалось ему быть в обоих священных городах мусульман, видеть все церемонии хаджа (по-

клонения) и снять планы и виды Мекки, Медины и знаменитого меккского храма Каабы. Теперь лейтенант Бортон возвратился в Каир, получив право на всеобщее уважение мусульман, как «хаджи», посетитель священных мест — почетный титул, который будет служить ему очень важным пособием и защитой во всех дальнейших путешествиях по мухаммедаанскому Востоку.

А погибель третьего, отважнейшего всех путешественника уже признается несомненною официальным образом: завещания, сделанные некоторыми офицерами франклиновой экспедиции, теперь представлены в судебные места для засвидетельствования и приведения в исполнение.

Если немного нового узнали мы от путешественников, издавших свои рассказы в последние месяцы, то еще меньше представляют нам раскопки древних городов. Серьезным образом эти раскопки не производились нигде в последнее время: у одних изыскателей не доставало ревности, у других — денег, как, например, у Бонуччи, управляющего раскопками в Канозе, и Пласа, отрывавшего развалины Ниневии; у третьих, как у большей части заведывавших раскопками в Италии, ни того, ни другого. Так, например, работы в Помпее, Геркулануме и многих других местах приостановлены теперь на некоторое время; и надобно дивиться, как, при общем невнимании, они еще не повсюду и не всегда покинуты. Бросим общий взгляд на результаты раскапываний в последние месяцы. В Геркулануме открыты дворовые площади домов, лежащих на отлогости, спускающейся к морю. Важного почти ничего не найдено. В Помпее работы остановлены на долгое время. Подле большого театра там найдена бронзовая статуя Аполлона, принадлежащая римскому периоду искусства. В Канозе найдены греческие гробницы, имеющие вид маленьких комнат с колоннами и живописью по стенам. Здесь найдено много интересных предметов: оружия, галантерейных вещей и прекрасных камеев, глиняных вещей, ваз, очень замечательных по красоте рисунка. Бонуччи предлагает послать копии с открытых им гробниц и проч. в Сейденгэмский дворец. В Капуе также открыта довольно интересная «самнитская гробница». Недавно открыли в Помпее баню, обширнее открытой прежде; кроме того, нашли увеличительное стекло, существования которых у римлян до сих пор не предполагали. Случайным образом сделано довольно любопытное открытие в Равенне: там, близ гавани, нашли могилу Одоакра, предводителя герулов, нанесшего последний удар Западной Римской империи, отняв императорский титул у Ромула Августа⁵. Рабочие, копавшие землю в этом месте, отрыли гроб, в котором лежал скелет в золотых доспехах, превосходно вычеканенных. Работники разломали доспехи и продали их по кускам. Начальство города, узнав о находке, произвело исследование; снова откопали могилу, которую работники, из предосторожности, засыпали землею; в ней нашлось еще много драгоценных вещей и камень с надписью «Одоакр».

Непонятнее всего то, что по распоряжению французского правительства остановлены дальнейшие раскапывания в Хорсабаде, на месте древней Ниневии. Причины этого странного приказа неизвестны; но самая остановка тем более прискорбна, что Плас (Plase), которому были поручены работы, надеялся в самом скорейшем времени сделать открытия, еще более важные, нежели все прежние. И теперь он посылает в Париж две вновь отрытые колоссальные статуи и двух столь же огромных каменных быков. Несмотря на недостаток механических снарядов и трудность перевозки этих тяжелых громад (каждый бык весит около 2 000 пудов) до Тигра, находящегося в двадцати верстах от места, где найдены они, Пласу удалось довести их до реки на огромной телеге, которую ташили 600 человек арабов, и в скором времени они будут доставлены во Францию.

Археология потеряла одного из основательнейших и знаменитейших своих деятелей: умер на 65 году жизни Рауль Рошетт, член и неперменный секретарь Парижской академии наук, первый из современных французских археологов. Вот его краткая биография. Дешире-Рауль Рошетт родился в 1789 году; в 1811 году, 22 лет, он был уж профессором истории в тогдашнем Императорском лицее; ученая слава его прочно утвердилась около этого же времени; в 1813 году получило в рукописи премию от института, а в 1815 году появилось в печати его прекрасное сочинение: «*Histoire critique de l'établissement des colonies grecques*» («Критическая история учреждения греческих колоний»); столь же знаменито и особенно для нас интересно его сочинение: «*Antiquités grecques du Bosphore Cimmérien*» («Греческие древности Босфора Киммерийского»). Из других сочинений его назовем «Записки о греческих, римских и этрусских древностях», «Курс археологии», несколько сочинений о греческих рисунках. Его заслуги в науке чрезвычайно высоко ценятся его соотечественниками, ставящими его наряду с Нибуром — это преувеличение, но действительно Рауль Рошетт был очень замечательным археологом. Произнося, как секретарь Академии, бесчисленное множество похвальных речей своим сочленам, Рауль Рошетт слишком живо чувствовал всю внутреннюю пустоту этого обычая и потому изъявил желание, чтоб ему, как члену Академии des Inscriptions, не говорили похвальной речи.

При скудости археологических открытий тем приятнее нам представить извлечение из записки г. Гревинга (Grewingk) «О рисунках, начерченных на гранитной скале у восточного берега Онежского озера» («Über die in Granit geritzten Bildergruppen am Ostufer des Onega-Sees»), читанной в заседании Историко-филологического отделения императорской С.-Петербургской академии наук и напечатанной в №№ 271 и 272 «Известий» историко-филологического отделения⁶.

«В 1848 году, во время геогностического путешествия по Олонецкой и Архангельской губерниям, я нашел на восточном берегу

Онежского озера гранитную скалу с вырезанными на ней рисунками, неизвестными еще ученым. Я упоминал о них в записке о своем путешествии, помещенной в «Известиях» Физико-математического отделения Академии. Потом Географическое общество обнародовало в своих «Известиях» (1850 г. стр. 68) снимки и краткие описания этих рисунков, сделанные г. Шведом; это подало мне теперь повод напечатать из моего неизданного отчета о путешествии место, относящееся к онежским рисункам. Они начерчены на скале Бесова-Носа, мыса, лежащего против Петрозаводска, подле деревни Бесовец. На юг от этой группы рисунков находится другая, а еще южнее — третья. Фигуры или очерчены неглубокими линиями на чрезвычайно твердом граните, или камень выдолблен во всей поверхности фигур. Они изображают людей, сохатых, собаку, лисицу, белок, выдр, лебедей, уток, журавля и рыбу; почти все они представлены в профиль. Есть и символические знаки, но письмен, повидимому, нет никакого следа. Рисунки сделаны, по всей вероятности, охотниками, частью в воспоминание об удачной охоте и местах ее, частью в честь божку, покровителю охоты или рыболовства».

Подробно разобрав значение каждой группы, г. Гревинг находит в них большое сходство с рисунками на правом берегу реки Тома, по дороге из Томска в Кузнецк, и в Пермской губернии близ города Чердыни, снимки которых представил Штраленберг в своем сочинении «Der nördliche und östliche Teil von Asien» * (Stockholm, 1730) ¹; отсюда г. Гревинг выводит заключение, что все эти рисунки, онежские, чердынские и томские, одного происхождения — финского, и принадлежат времени, когда чудские племена жили по всему пространству от Сибири до Ботнического залива.

Заклучим наш обзор новостей наук несколькими известиями о деятельности ученых учреждений.

Ученые труды Венской академии наук далеко еще не пользуются той известностью, какой вполне заслуживают. Устройство же Академии очень замечательно некоторыми особенностями, выгодно отличающими ее устав от уставов Парижской и Берлинской академий.

Венская академия — младшая из всех своих европейских сестер. Она основана 30 мая 1846 года; но открытие последовало не ранее февраля 1848 года, когда президентом был назначен эрцгерцог Иоанн (избранный потом правителем империи). Академия получает 40 000 гульденов (около 24 000 р. сер.) ежегодного содержания; кроме того, пользуется правом бесплатно печатать все свои издания в государственной типографии. Она состоит из двух отделений: математико-естественного и философско-исторического, и по штату имеет 8 почетных членов в пределах империи и 16 иностранных; 60 действительных членов в пределах империи

* Северная и восточная часть Азии. — Ред.

(из них назовем знаменитого геолога Леопольда фон Буха, известного ориенталиста Гаммера, Тирша, одного из первых современных эллинистов, и Штенцеля, известного историка. Заграничные ученые не могут быть действительными членами; в этом случае очень выгодно отличается от устава Венской академии устав нашей Академии наук, позволяющий ей причислять к своим действительным членам таких ученых, как Мурчисон)⁸; кроме того, она имеет 60 членов-корреспондентов в пределах империи и столько же за границею. Из действительных членов 24 должны быть избраны между учеными, живущими в самой Вене; остальные 16 могут жить в провинциях, но должны приезжать на торжественные годовичные заседания и в случаях избрания новых членов, для чего и получают прогонные деньги — мысль довольно счастливая, потому что дает провинциальным ученым средства часто посещать столицу. Президент Академии — нынешний министр финансов и торговли Баумгартнер, принимающий самое живое участие в делах Академии. (Президент избирается на три года, и первым был Гаммер, оказавший, что бы ни говорили против него, великие услуги знанию Востока.) Заседания Академии открыты для публики — это также учреждение, приносящее заметную пользу. Важнейшие из специальных занятий Академии теперь: издание источников для австрийской фауны и флоры; исследование австрийских каменноугольных копей. По каждому из этих предметов назначен особенный комитет. Прежде были еще комиссия для издания геологической карты и метеорологическая комиссия; но важность их возросла до того, что они теперь преобразованы в самостоятельные учреждения. Уже из этого видим, что деятельность Венской академии заслуживает полного внимания ученого мира; но еще лучше доказывается это многочисленными ее изданиями: она ежегодно печатает четыре тома «Известий», два или три тома «Записок», том «Метеорологических летописей», два тома «Архива» для австрийской истории и несколько томов других сборников, кроме того, несколько отдельных сочинений.

Не лишен также интереса недавно изданный *Отчет Берлинской публичной библиотеки* (одной из богатейших в Европе), составленный директором ее Перцем, издателем знаменитого «Собрания источников для германской истории», *Monumenta historica Germaniae*. Отчет обнимает три года: 1851, 1852 и 1853. Прежде всего надобно заметить, что для удобства сообщений между разными залами огромного здания по всей библиотеке проведены проволоки электрического телеграфа, идущие также от библиотеки в штаб берлинской пожарной команды, так что о всякой опасности от огня может быть дано знать мгновенно. Сумма, отпускаемая библиотеке ежегодно на покупку и переплет книг, журналов и атласов — 10 000 талеров (9 125 р. сер.). Из новых приобретений библиотеки замечательнейшее — коллекция арабских книг, составленная Вецштейном, дамасским консулом, и состоящая из 215 рукописных томов. Замечательна еще пергаменная

рукопись «*Matricula*», «Список» студентов и учителей Эрфуртского университета с 1392 года до уничтожения университета. В ней много рисунков, сделанных студентами и профессорами; в том числе есть рисунки, сделанные Лютером. Число печатных сочинений увеличилось в эти три года 13 780 номерами, в числе которых есть огромные коллекции. Число книг, выдаваемых библиотекою «на дом», ежегодно возрастает: в 1851 было выдано 25 000, а в 1853—33 500; быстрое увеличение этой цифры тем интереснее, что оно несомненно свидетельствует о возрастающей любви публики к серьезному образованию: на дом отпускаются только книги ученого содержания.

Вот цифры о первоначальном образовании в Бельгийском королевстве, официальная и прекрасно составленная статистика которого недавно появилась в свет.

В Бельгии в 1850 году число детей обоего пола, учащихся в первоначальных школах, простиралось до 441 172 при общем итоге народонаселения 4 426 202 души, что дает почти ровно 100 человек учащихся на 1 000 душ народонаселения; число учащихся в средних и высших учебных заведениях простиралось в то же время до 24 636. Заметим кстати, что в Пруссии пропорция несравненно выше, нежели в Бельгии: в Пруссии на 1 000 душ народонаселения приходится более 150 детей, обучающихся в первоначальных школах.

В Англии чаще всего родители не посылают детей в школу потому, что спешат поместить их на фабрику. Не говоря о других пагубных последствиях такой привычки, уж это одно достаточно показывает вред ее. Баварское правительство издало закон, что дети моложе десяти лет не могут быть принимаемы на фабрики; что десятилетние дети могут быть принимаемы только по свидетельствам от патера и школьного учителя о том, что получили первоначальное образование и знают закон божий; работать они должны не более шести часов в сутки и три часа непременно проводить в школе. На фабрике за ними должны быть назначены особенные наблюдатели; мальчики и девочки не могут работать вместе.

Раз увлекшись статистическими подробностями, приведем еще несколько цифр из недавно обнародованного отчета о железных дорогах в Великобританском королевстве. Всего в конце 1853 года было открыто железных дорог 7 686 миль (11 586 верст); из того числа в Англии около 8 800, в Шотландии — 1 500 и в Ирландии — 1 300 верст. Более нежели 1 000 верст новых дорог скоро будет готово. На открытых дорогах разных смотрителей и прислуги было в половине прошедшего года 80 409 человек. Пассажиров проехало в 1852 году более 89 миллионов, а в 1853 году 102 286 660 человек, так что средним числом каждый великобританец в течение прошедшего года проехал по железной дороге четыре раза. Всех доходов было получено железными дорогами в 1852 году более 15 700 000 фунтов

(около 100 миллионов руб. сер., а в 1853 году 18 035 879 фунтов (около 114 миллионов руб. сер.)). Особенно значительно увеличились доходы от пассажиров третьего класса.

Переходя к новостям литературы, скажем сначала несколько слов о французской и английской журналистике и книжной торговле. Газета Эмиля Жиардена, который два раза понижал цену своего журнала от 120 франков (прежней цены больших парижских ежедневных газет) до 80 франков, потом с 80 на 40 франков — «La Presse» опять заняла первое место между всеми парижскими газетами по числу подписчиков, как занимала его несколько лет назад⁹. В конце мая эта газета продавала около 36 000 экземпляров ежедневно. Это огромное количество оттисков делается всего только в два часа времени, от половины шестого до половины восьмого утра. Правда, для достижения такой удивительной быстроты Эмиль Жиарден, бесспорно, самый предприимчивый из всех французских журналистов, едва ли имеющий в этом отношении соперников и в Англии, решился делать в одно время четыре набора; механические станки, на которых печатается его журнал, также лучшие во Франции, дают 6 000 оттисков в час. Этими дорогими средствами он достигает возможности отправлять свой журнал в провинции гораздо раньше, иногда целыми сутками раньше, нежели отправляются другие журналы. Впрочем, и «La Presse» еще далеко до того числа подписчиков, которое имела она три или четыре года назад: тогда она расходилась в числе 60 тысяч, 80 тысяч, даже ста тысяч экземпляров. Число экземпляров больших английских ежедневных газет не так огромно, потому что они, платя пенни (более 3 коп. сер.) за штемпель, прикладываемый к каждому листу, и, кроме того, огромную пошлину за печатающиеся в них объявления, должны продаваться по цене, слишком дорогой для массы публики, принужденной довольствоваться еженедельными газетами и разными перепечатками из больших газет, расходящимися в огромном числе. Вот отчеты о состоянии «Times», важнейшей из ежедневных газет, и «Лондонской иллюстрации», важнейшей из еженедельных. Число продаваемых листов газеты «Times» увеличивалось миллионом в каждый из трех последних годов. Число всех проданных в 1853 году листов доходило до 14 000 000, что составляет около 45 000 экземпляров. Число это велико; но все еще незначительно для первого по своей известности журнала в целой Европе, совершенно затмевающего в самой Англии все другие журналы. Отчасти объясняется это тем, что каждый экземпляр проходит через множество рук, перепродаваясь первым купившим и прочитавшим его другому, другим третьему и т. д. Другие английские ежедневные газеты далеко не достигают и 10 000 экземпляров; и только одна из них, «Daily News», основанная всего несколько лет назад, имеет надежды на более блестящее будущее; через несколько лет «Times», вероятно, будет иметь в ней сильную соперницу. Число ежегодно продаваемых листов «Лондонской

иллюстрации» (Illustrated London News), выходящей раз в неделю, доходит в обыкновенные годы до 4 000 000; это дает, считая с прибавлениями (около 60 листов в год), около 65 000 экземпляров. Но когда случаются события, возбуждающие общий интерес и нуждающиеся в объяснении рисунками, то число продаваемых листов значительно увеличивается. Так в 1852 году портреты, памятники, изображения похоронных процессий Веллингтона¹⁰ увеличили продажу целым миллионом листов, или 15 000 экземпляров; а в 1851 году, когда была всемирная выставка, «Иллюстрации» было продано 7 000 000 листов, или около 115 000 экземпляров. Число еженедельных газет и мелких журналов, успевающих ускользать от платы за штемпель, — огромно и с каждым месяцем возрастает. Точно так же возрастает число, если не хороших новых, то вообще новых книг и новых изданий старых писателей. Вальтер Скотт, например, постоянно выходит все новыми изданиями, и притом в одно время несколькими. Потому и бумаги требуется в Англии год от году больше, так что на фабриках чувствуют недостаток в тряпье и других материалах для ее выделки. Английское правительство разослало по колониальным начальствам циркуляр, в котором поручает им обратить внимание на приискание новых материалов для выделки бумаги. С своей стороны владельцы одной из главных лондонских газет (Times?) назначили премию в 1 000 фунтов (6 000 р. сер.) тому, кто отыщет какой-нибудь новый дешевый материал для выделки бумаги.

А между тем парижские издатели уже давно жалуются на то, что книжная торговля идет очень плохо. Рассказывают даже, что некоторые издатели, содержа наборщиков, не дают им никакой работы, рассчитывая, что менее получают убытка, платя задаром рабочим, нежели покупая бумагу для изданий, которые не пойдут с рук. Одну из главных причин упадка книжной торговли литераторы видят в дешевизне книг. В самом деле, все более и более входят в употребление издания в 18-ю д. листа, убогим шрифтом, в толстых томах, продающихся по 3 с половиною франка, и вмещающих в себе столько же текста, сколько прежде помещалось в трех или четырех томах в 8-ю д. л., печатавшихся с широкими полями, крупным шрифтом, с большими пробелами. Автор получает от издателя по 25 или 30 сантимов гонорария за каждый проданный экземпляр, и таким образом едва получит в несколько лет несколько сот франков за том, содержащий в себе целый роман или множество повестей. Издавать в прежнем формате по прежним высоким ценам, значит осудить издание лежать в кладовых магазина. Поэтому почти нет возможности печатать роман или повесть прямо отдельным изданием: беллетристы работают для revues* и журналов, дающих небольшую, но верную плату, и принуждены писать чрезвычайно много, чтоб иметь средства к существованию. Почти каждый из них —

* Обозрений. — Ред.

Александр Дюма в малом размере. «И удивляются после этого (прибавляет один из них), что литература падает! Надобно еще удивляться, как, при столь поспешной и утомительной работе, остается у страдальцев хоть немного одушевления и поэзии!» Конечно, этой одной причиною не объясняется еще упадок французской беллетристики; но нельзя не видеть, что в жалобах, нами приведенных, есть много справедливого и что необходимость писать слишком поспешно много вредит достоинству произведений французских романистов, из которых многие не лишены таланта, но почти ни один давно уж не писал ничего сносного.

Возвратимся, однакож, к французской журналистике. О газетах не будем распространяться, потому что теперь, лишившись возможности ясно высказывать свои мнения¹¹, они остаются только бледной тенью того, чем были прежде. Но мы хотим сказать несколько слов о французских литературных или ученых периодических изданиях, из которых одно, «Revue des deux mondes», некогда известное тем, что в нем участвовали почти все знаменитости французской литературы, до сих пор заслуживает внимания по строго выдерживаемой форме своих статей, а другое, «L'Athénæum français», недавно основанное, имеет на самом деле неоспоримые достоинства и еще очень мало у нас известно. «Revue des deux mondes» по старой славе своей продолжает во мнении многих пользоваться репутацией лучшего из французских учено-литературных журналов. Но должно сказать, что теперь из первостепенных французских писателей в нем участвуют только Огюстен Тьерри и Литтре¹². Все остальные сотрудники «Revue des deux mondes» не отличаются известными именами; статьи пишутся в таком одностороннем направлении, что полагаться на суждения этого журнала значило бы почти всегда отдаляться от истины. Но если содержание статей редко заслуживает внимания, то нельзя не отдать справедливости их форме. Редакция поставила себе в неперменное правило помещать только такие статьи, которые были бы общепонятны и общеинтересны. Никакие ученые достоинства не заставят ее дать в своем издании место сочинению, утомительному для большинства читателей; точно так же она считает необходимою, чтоб ему был придан такой вид, в котором оно было бы совершенно понятно для каждого из читателей. Поэтому в каждой статье объясняются в кратком, но живом очерке, все понятия и факты, знание которых необходимо для того, чтоб понять главное содержание статьи; с другой стороны, в статью допускаются только те специальные подробности, которые совершенно необходимы для объяснения предмета. Нельзя не сказать, что редкий журнал может похвалиться столь строгим исполнением этой программы, более или менее общей всем литературным журналам, как «Revue des deux mondes». «L'Athénæum français» — главнейшим образом журнал критики. Представляя читателям в других местах наших «Новостей» два или три извлечения из его отзывов о разных французских писателях, мы можем

здесь ограничиться указанием на них: читатели сами увидят, что критика «Французского Атеней» очень выгодно отличается от обыкновенного фельетонного пустословия большей части других французских журналов: она справедливо указывает истинное его значение каждому писателю, исполненному претензий и возгордившемуся поверхностными похвалами непризванных панегиристов, и с тем вместе всегда старается воздать должное истинным достоинствам, которых так часто не хотят замечать или не умеют понимать критики французских газет и revues.

Бельгийское правительство, как известно, заключило с французским договор о взаимном соблюдении прав литературной собственности, и французские писатели и издатели избавились от брассельских перепечаток. Но едва ли не больше убытков, нежели делали брассельские контрфакторы английским книгам, наносят североамериканские перепечатки английским изданиям. Английское правительство давно ведет переговоры с североамериканским об уничтожении этой перепечатки английских книг в Америке; но дело до сих пор подает очень мало надежды на успешное окончание. Напротив, едва ли не будут поставлены английские книги американскими законами в положение еще худшее прежнего. До сих пор с английских книг бралась в Североамериканских Штатах пошлина в 10 процентов; теперь комиссия, которой поручено рассмотрение дела американским правительством, предлагает понизить эту пошлину до 5 процентов для книг, перепечатывать которые не изъявят желания американские книгопродавцы; а с тех английских книг, которые они сочтут достойными перепечатки, брать по 15 процентов.

Что касается до литературных новостей в Англии, в июле новых книг обыкновенно выходит там очень мало, потому что книгопродавцы-издатели заняты не новыми предприятиями, а сведением полугодичных счетов; ждут только нового тома посмертных сочинений Кольриджа, заключающего в себе его «Лекции». Кольридж говорил еще лучше, нежели писал, и его импровизированные публичные чтения были увлекательны. Поэтому английские критики вперед уверены, что «Лекции», которые скоро издаст с своих стенографических записок один из постоянных слушателей Кольриджа, будут превосходным подарком публике. В настоящем интересна только одна новая книга, да и то не английская, а американская. Это «Светлые записки о чужих землях» (Sunny memories of Foreign Lands), говоря определеннее об Англии, мистрисс Бичер Стоу. Так как она была встречена в Англии с большим радушием, то и не удивительно, если американская писательница осталась очень довольна Англиею, даже слишком довольна, так что над ее радужными описаниями подсмеиваются английские журналы: все представляется ей восхитительным; даже лондонский дождь и туман кажутся счастливой путешественнице очаровательными: потому не будем делать выписок из ее записок: книга написана прекрасно, как всё, что написала или

напишет мистрисс Бичер Стоу; но в ее рассказах и описаниях мало беспристрастной проницательности, потому мало и интересного; едва ли не единственные любопытные места те, в которых рассказываются ее встречи с знаменитостями английской литературы, особенно с Меколеем, которого она имела случай видеть несколько раз. Вот, по описанию мистрисс Бичер Стоу, наружность английского критика и историка.

«Меколей плотного телосложения. Он невысок ростом, довольно полон, у него, как говорится, «широкая кость». Во всех его манерах какая-то сила и прямота. Голос у него полный, громкий, выходящий из широкой груди. Его разговор отличается теми же самыми достоинствами, как и его книги. Мне говорили, что он славится необыкновенной памятью, он не забывает никогда, что раз прочитал; а читал он всё на всех языках. Он знает наизусть все старые баллады; а если б Мильтоновы произведения исчезли, то он мог бы продиктовать их с начала до конца».

Тем больший интерес имеет продолжение Диккенсова романа «Hart Times», который, по всей вероятности, будет одним из его лучших произведений и которого начало мы рассказали уж в «Отечественных записках», в июле (№ 8, Смесь, стр. 51—56)¹³. Передаем теперь продолжение рассказа, напечатанное в нескольких нумерах французской «Иллюстрации»...

<Пересказ романа не приводится>.

В следующем месяце мы, вероятно, будем в состоянии представить продолжение этого очерка содержания «Hart Times», а теперь скажем, что он уж окончен и даже рассмотрен в английском «Атенее». Представляем вполне отзыв этого журнала. «Идея последнего романа мистера Диккенса «Тяжелое время» — прекрасна; но ее развитие, кажется нам, не так удачно, как оно бывает обыкновенно в романах мистера Диккенса. Цель романа: показать, что «факт», положительный расчет не должен составлять единственную пружину человеческих действий; что нельзя безнаказанно заглушать высших стремлений нашей природы. В сущности это мысль поэтическая; для своего осуществления она требовала и поэтической обстановки. Мистеру Диккенсу вздумалось дать ей обстановку прозаическую и наполнить свой роман характерами, отталкивающими и пошлыми (repulsive and vulgar). С художественной точки зрения это большой недостаток. Художник мог бы создать роман, форма которого была бы полна поэзии, характеры которого не были бы тривиальны в своем пафосе и грации (каковы, например, лица «Бури» и «Сна в летнюю ночь»); в таком романе нравственная идея, которую мистер Диккенс считает необходимою в деле воспитания, являлась бы, натурально, без преувеличения и натяжки — недостаток, в котором теперь справедливо многие упрекнули «Тяжелое время». Тяжба между

фантазией и фактом ведется в этом романе прозаическим порядком, но без той ясности, которая необходимо требуется прозаическим изложением дела. Для достижения цели была нужна идеализация. Многие — и вернее всего именно те, в обличение которых написан роман — не увидят из него, что воспитание, развивающее только расчетливость в противоположность воспитанию, основанному на развитии фантазии, развивающее рассудок и пренебрегающее движениями души, обращающееся к уму и заглушающее воображение, — не увидят, говорим мы, что такое воспитание необходимо ведет к результатам, показанным на личностях Луизы и Тома Градгринда младшего. А если тут нет необходимости, то как же перейти от частного случая к общему заключению? Если мистер Диккенс не решится утверждать, что Луиза едва не перешла, а Томас перешел границу позора, именно потому, что им в детстве не позволяли читать волшебных сказок и смотреть на фигляров — и мы думаем, что мистер Диккенс не скажет этого, — то многие возразят, что из его рассказа ничего не следует и что поэтому все нравственные постройку романа разрушаются. Что «Тяжелое время», как и всё, написанное мистером Диккенсом, исполнено юмора, наблюдательности, знания людей — никто не будет оспаривать. Этот роман совмещает все красоты и недостатки его слога. В нем много страниц светлых и пламенных, нежных, при всем юморе и грациозно-фантастичных. Но эти страницы тесно связаны с другими, грубыми и неделикатными. Вообще роман читается (is readable), хотя в нем недостает нравственного интереса; и лица драмы движутся и говорят, как живые существа, хотя ум отказывается признать их удовлетворительными вестниками поэтической истины, высказать которую посланы они на сцену. Фантазии нужен идеальный адвокат.

Нет надобности прибавлять, что, не читав всего романа, мы не можем согласиться с отзывом английского рецензента, и привели его только для того, чтоб представить читателям пример, какие странные понятия уживаются иногда в голове англичан вместе с другими, решительно противоположными, и чтоб читатель мог улыбнуться, читая эти забавные рассуждения. «Атеней», высказывающий очень часто много вкуса и здравого смысла в своих разборах, говорит о «Hart Times» с явным предубеждением. Видите ли, поэтическая мысль требует фантастической одежды, как в шекспировской «Буре», где являются Ариэль, Калибан, волшебники, духи и т. д. Диккенс вывел живых лиц, как признает и сам рецензент; потому и роман стал пуст и тривиален. Курьезное умозаключение! У Диккенса мало фантазии... Напротив, он слишком увлекается иногда фантазиею, как это могли заметить читатели даже из нашего очерка. В описаниях современной жизни требовать фантастического элемента — это верх несообразности. Что касается до другой слабой стороны, которую указывает рецензент, мы также можем только подсмеиваться над его добродушною несообразительностью: как же не видеть, что эгоизм и

низость Тома — необходимые следствия ужасной методы его воспитания? Как же не видеть, что вся судьба Луизы — необходимое следствие своекорыстных правил мистера Градгринда относительно воспитания и замужества? Кажется, яснее ничего быть не может.

В итальянской литературе, не всегда богатой новыми книгами, заметим очень важное и прекрасно написанное историческое сочинение, одно из лучших в европейской исторической литературе за последние месяцы — это *История итальянских общин*, издаваемая ливрезнами во Флоренции известным историком итальянской литературы и переводчиком Меколеевой Истории, Паоло Эмилиани Джудичи; она теперь почти окончена. Основательность, беспристрастие этого сочинения, по отзыву английского «Атенея», выше всяких похвал. Этому легко поверить, узнав, что Джудичи, несмотря на закоренелую ненависть итальянцев к *tedeschi*, немцам, утверждает, что в борьбе между папами и императорами справедливость была на стороне императоров; мало этого, он даже уверен, что утверждение в Риме столицы империи было бы благотворно для самой Италии и всего хода цивилизации. Не рассматривая вопроса о справедливости такого мнения, нельзя не согласиться, что оно свидетельствует о редком беспристрастии автора. Что в его истории много новых и основательных исследований, мы можем заключать уже по тем цитатам, которые приведены в английском журнале. Так, Джудичи удалось отыскать «Судебные постановления», сочинение Джиано делла Белла,¹⁴ книгу чрезвычайно интересную в том отношении, что написана она прекраснейшим итальянским языком и появилась пятью годами раньше, нежели начал писать Данте, считаемый творцом итальянского письменного языка. Из этого английский журнал, однакож, напрасно заключает, что Данте несправедливо приписывали такую заслугу: факт, что теперь открыт один из предшественников великого итальянского писателя, только новый пример, подтверждающий старую истину, что самые поразительные нововведения готовятся всегда предшествующими явлениями в том же роде.

Французский писатель Мери недавно издал собрание своих сочинений, и вот отзыв французского «Атенея» об этом писателе, произведения которого довольно хорошо известны нашей публике по многочисленным переводам (назовем хоть три его знаменитые восточные романа, где одно главное действующее лицо — сэр Эдуард, служащий вместилищем всевозможных совершенств: «Гева», «Флорида» и «Низамская война»):¹⁵

«Г. Мери пишет очень легко и даже довольно правильно; вообще говоря, у него есть дарование; но у него нет убеждения. У него недурны зубы; но орехи, которые он раскусывает, пусты. Для прикрытия этой нищеты содержания он прибегает к парадоксу, гиперболе *; не будучи в состоянии затронуть чувства, он

* Гиперболе, преувеличению. — Ред.

старается изумить; не будучи в состоянии пролить света, он старается ослепить. Но скоро секрет всех его хитростей обнаруживается постоянным их употреблением, и от фейерверочного блеска не остается ничего. *Pectus est, quod facit disertos* «источник красноречия в сердце»; почему г. Мери, так любя латинские цитаты, не цитуете вы себе этой старой истины? Правда, что души, сердца, чувства, убеждений не приобретаешь, если их не дано от природы; но в таком случае пусть же г. Мери, который так любит Восток, что должен быть отчасти фаталистом, признается, что ему не суждено иметь этого *pectus*, в котором источник красноречия. Как! вы хотите заставляя меня волноваться любовью, ненавистью, энтузиазмом, которых не способны чувствовать сами? Ваши глаза сухи, а вы хотите, чтоб я прослезился? *Si vis me flere, dolendum est primum ipsi tibi* — это должно быть достаточным аргументом г. Мери, ведь сказано по-латыни. А если для вас мало латинских цитат, мы приведем вам греческую: *γνῶθι σεαυτόν*. «Знай свои силы», говорит мудрость веков. Конечно, не легко судить о себе, но судьба дала вам драгоценное зеркало, в котором вы можете очень удобно созерцать свои недостатки; это зеркало — ваш друг г. Леон Гозлан¹⁶: всмотритесь в него, г. Мери, и, видя, как он в поте лица гоняется за эффектами, скажите, хорошо ли он делает, не понимая, что в сердце самого писателя тайна эффекта, производимого его сочинением на читателя? А то же самое и с вами, г. Мери. *Mutato nomine de te fabula narratur*. «Лишь имя не то, а дело твое». Вы пишете лучше г. Гозлана; ваше перо легче, и познания обширнее, но разница не слишком значительна. Впрочем, мы не хотим давать здесь советы г. Гозлану, надобно говорить о г. Мери. У него есть способность к «милой болтовне», *l'aimable badinage*, как это называли в прошедшем веке». И критик советует ему, оставя всякие притязания, понять это и не писать ни трагедий, ни романов с огромными претензиями, а ограничиваться фельетонными статьями, которые может он писать довольно легко.

Мы считали бесполезным привести это суждение французского рецензента потому, что повести Мери доселе от времени до времени удостаиваются незаслуженной чести перевода на русский язык.

Перейдем к литературным новостям в Германии.

Ученые сочинения по части древней мифологии принадлежат ныне к редким явлениям в немецкой литературе, хотя «мифологий» выходит постоянно несколько в год. Тем более интереса представляет первая часть «Греческой мифологии» (*Griechische Mythologie*) известного берлинского профессора и антиквария Эдуарда Гергарда. Она содержит греческую мифологию богов; это одно из лучших сочинений после трудов Крейцера, Лобека и Отфрида Мюллера¹⁷. Ученый автор обратил преимущественно внимание на географическое распространение древних культов. Мы считаем также обязанностью обратить внимание наших чи-

тателей на несколько новых сочинений по части древней истории. Первое место в числе их занимает *История древнего мира* (Geschichte der Altertums), сочинение Макса Дункера (Max Duncker). До сих пор вышли только первый и второй том, которые обнимают историю Востока и греческих колоний. Это сочинение отличается подробным изложением результатов новейших исследований о восточной истории. Автор воспользовался трудами Лассена об Индии, новыми открытиями в Вавилоне и Ниневии, чтениями древнеперсидских клинообразных надписей. Не менее замечательна первая часть «Римской истории», учебника, написанного Момсеном (Mommson), известным своими этнографическими трудами и исследованиями по части языков обитателей древней Италии. На-днях вышла также в трех томах «История Греции» (Geschichte Griechenlands) гейдельбергского профессора Кортюма (Kortüm), уже известного своею историею средних веков¹⁸.

В числе ученых германских журналов одно из первых мест занимает *Немецкая художественная газета* (Deutsches Kunstblatt), издаваемая уж в течение нескольких лет в Берлине доктором философии Фридрихом Эггерсом (Eggers). Молодой и ученый издатель отличается тонким эстетическим вкусом. Первейшие немецкие знатоки изящных искусств принимают постоянное участие в журнале. К числу их принадлежат: Франц Куглер, известный своею *Всеобщею историей искусств и Историей живописи*, профессор Ваген, один из первых знатоков живописи в Европе; Эрнст Ферстер, известный своими трудами о начале итальянской живописи; Карл Шназе, автор превосходной истории изящных искусств; Пассаван, биограф Рафаэля, и другие¹⁹. Немецкая художественная газета с нынешнего года увеличила свой объем: прилагает иногда гравюры и, кроме того, через каждые четырнадцать дней литературный листок, который содержит очень дельные разборы современных поэтических произведений немецкой литературы.

В Лейпциге только что появились *Путевые воспоминания из Испании*, сочинение Росмеслера (Reise-Erinnerungen aus Spanien von Rossmässler), с литографированными, снятыми с натуры ландшафтами, полиטיפажами и картою системы орошения Испании²⁰.

Хотя автор книги ревностный естествоиспытатель, но описывает национальную жизнь испанцев лучше всех, до него путешествовавших по Испании немецких писателей.

Кёниг, автор нескольких романов, недавно издал новый роман под заглавием: *Der moderne Falstaff* *. Бернт фон Гусек (Berndt von Gusek), известный беллетрист и драматург, написал исторический роман: «Nach der Flut» **. — Известный путешественник Фридрих Герстеккер написал и издал на-днях роман в четырех частях, под заглавием: «Tahiti» ***.

* Современный Фальстаф. — *Ред.*

** После прилива. — *Ред.*

*** Таити. — *Ред.*

Сочинений о гениальных людях в литературе — бездна. Назовем одно из них: *Дружеская связь Гете с Шиллером* (*Der Freundschaftsbund Schillers und Goëthes*), сочинение веймарского профессора Вебера. В этой книге в сотый раз повторяется вопрос: кто выше, Шиллер или Гете? Тут кстати припомнить слова Гете: *Sie sollten doch nicht streiten darüber, wer grösser sei, Schiller oder Goëthe, sondern sich freuen, zwei solche Kerls zu besitzen.* (Не спорили бы они о том, кто выше, Шиллер или Гете, а радовались бы, что имеют двух таких людей.)

В заключение этого обзора немецкой литературы, нам приятно сказать, что не только новейшая русская литература, но и произведения нашей древней словесности находят в Германии ученых и усердных обрабатывателей. К числу их принадлежит берлинский ученый, доктор Август Больтц, уже известный своею русскою грамматикою для немцев, написанною по методу Робертсона и имевшею в короткое время два издания, и переводом «Героя нашего времени» на немецкий язык²¹. В одном из берлинских ученых собраний (*Wissenschaftlicher Verein*)* он читал прежде о русской изящной литературе вообще, а в нынешнюю зиму — о древнейшей русской героической поэзии. Ныне он издал «Слово о полку Игореве» под заглавием: *«Lied vom Heereszuge Igors gegen die Polowzer. Ältestes russisches Sprachdenkmal aus dem XII Jahrhundert, etc., herausgegeben von D-r August Boltz»***. Издание его содержит оригинальный текст, перепечатанный из «Сказаний русского народа» г. Сахарова²² полный комментарий, совершенно новую грамматику этого любопытного памятника, глоссарий и, наконец, метрический перевод на немецкий язык. Нам остается только пожелать, чтоб русские филологи удостоили своим вниманием этот труд иностранного ученого, свидетельствующий о необыкновенной любви его к русскому языку. Г. Больтц служит учителем русского языка при королевской Военной школе в Берлине.

Французы продолжают переводить произведения русских беллетристов. От внимания французских переводчиков не укрылись даже сочинения Основьяненко (Квитки). Его «Оксана» явилась во французском переводе под заглавием: *Oksana, ou l'Orgueil villageois et ses ravages, ou Histoire grave et périodique de trente cinq kopecks, ancienne chronique de l'Ukraine, par m. Kwitka. Traduit du russe par m-me Ch. Moreau de la Meltière, in 12. Paris. 1854.* Н. Bossange (Оксана, или Деревенская гордость и вред ее, или Важная и последовательная история тридцати пяти копеек; старинная украинская повесть г. Квитки. Переведено с русского мадам Шарль Моро де ла Мельтьер). Малорусские произведения

* Научный союз. — Ред.

** Песнь о походе Игоря против половцев. Древний русский литературный памятник XII века и т. д., изданный д-ром Августом Больтцем. — Ред.

Основьяненко очень много теряют и в переводе на русский литературный язык. Если мадам Шарль Моро удалось не погубить «Оксану» во французском переводе, то это делает большую честь ее таланту и умению владеть французским языком. Но графу де Лонле²³, который в «Библиотеке железных дорог» издал: *Nouvelles choisies du comte Sollogoub, traduites par le comte de Lonlay* (Paris, 1854) *, было нетрудно дать французской публике очень удачный перевод, потому что слог графа Соллогуба отличается именно теми достоинствами, которые легко сохранить во французском переводе — легкостью и изяществом. В «*Athénæum français*» Делаво (Delaveau) поместил довольно подробный разбор этих повестей²⁴.

Русские романисты вообще не могут быть особенно благодарны своим французским переводчикам: для хорошего перевода нужна некоторая симпатия с мыслями и чувствами переводимого автора, необходимо глубокое знание его языка и даже страны, в которую он переносит нас. Большая часть писателей, переведивших русские романы или повести, не считали этих условий необходимыми. Были между ними даже люди, вовсе не знавшие по-русски. Замечательнейший из таких отважных переводчиков — Дюпюэ де Сен Мор, составитель «Русской антологии», изданной в 1823 году. Мы жалеем, что не можем здесь представить читателям образцов его странных амплификаций. Его метод сохранился до нашего времени. Леузон де Дюк странным образом вздумал перевести русский роман с *шведского* языка²⁵. Похожи на него и другие — исключений мало. Надобно, однако, отдать справедливость этим господам: они вообще не стараются скрыть недостаточности своего знания и даже намекают на нее двумя-тремя фразами в своих предисловиях. Если граф де Лонле действительно знает по-русски, то очень скромно умалчивает об этом отличии: у его книги нет предисловия. Впрочем, это и не наше дело: разыскания такого рода принадлежат области *supercheries littéraires* **. Мы охотно оставляем за графом де Лонле всю честь перевода.

От новых произведений живых писателей перейдем к воспоминаниям об умерших.

На-днях умерла, уж в старости, супруга знаменитого английского поэта Саути, сама также довольно известная писательница. Имя ее мужа должно быть не чуждо нам, потому что Жуковский перевел много его баллад и, кажется, довольно долго сильно сочувствовал его поэзии. Скажем же два-три слова о супружестве Каролины Саути. Когда в 1839 году она выходила замуж, Саути уж страдал от времени до времени припадками, которые, по предсказанию врачей, должны были привести его к окончательному помешательству. Каролина знала это и, однаж, решилась по-

* Избранные рассказы графа Соллогуба, переведенные графом де Лонле. — *Ред.*

** Литературных мистификаций. — *Ред.*

жертвовать собою, посвятить свою жизнь успокоению несчастного писателя. Подвиг, тем более свидетельствующий о возвышенности ее характера, что она не увлекалась ни романической страстью (Саути был в то время уж дряхлым стариком; сама она была в пожилых годах), ни расчетами — у нее была большая пенсия, которую она должна была получать до замужества, а Саути, обремененный многочисленным семейством, не имел никакого состояния; выходя за него, она меняла довольство на жизнь, полную лишений, и свято исполняла высокую и трудную обязанность, которую возложила на себя: ей был обязан несчастный страдалец всеми спокойными минутами своих последних лет.

В конце июля (23, нового стиля) умер в Монпелье знаменитый французский врач *Лальман* (Lallemand), которому медицина обязана очень многими открытиями. Он родился в 1790 году; готовился быть живописцем и, имея замечательные дарования, мог надеяться успехов на этом поприще; но потом, уступая просьбам родных, особенно матери, он посвятил себя медицине. Более тридцати лет Лальман был славою монпельерского медицинского факультета, в котором читал хирургическую клинику; потом был он избран членом Института и переселился в Париж. Необыкновенное благородство характера соединялось в нем с гениальным умом. Здесь неуместно было бы распространяться о его заслугах медицине. Напомним только его сочинения о некоторых болезнях, до него считавшихся неизлечимыми. Его открытиями спасены: от слабоумия, помешательства и смерти сотни людей.

На-днях открыт памятник Окену²⁶, столь же гениальному натуралисту, как и благородному человеку; и самый памятник и место для него выбраны чрезвычайно удачно: он стоит на высоком холме близ Цюрихского озера: это было любимое место прогулок естествоиспытателя; наконец он так привязался к нему, что решился купить здесь пол-юхерта (юхерт составляет около третьей доли десятины) земли, чтоб построить небольшой домик. Эти двести или триста квадратных сажен были единственным помещением ученого, который обогатил науку великими открытиями и озарил ее светом мысли. По смерти Окена вдова его должна была продать и этот ничтожный клочок бесплодной земли. Он был после того выкуплен почитателями памяти покойного и избран местом для скромного памятника. Окен любил сидеть на большом углубившемся в землю отломке кварцево-гранитной скалы; на нем теперь высечена надпись: «Великому естествоиспытателю, бывшему славою Цюрихского университета, Лоренцу Окену, родившемуся 2 августа 1779 года, умершему 11 августа 1851 года».

Памятник — если только эту надпись на скале можно назвать памятником — не богат, как люди, его устроившие, бедные швейцарцы, жители окрестных деревень, но смиренным величием своим он вполне достоин Окена.

Мы говорили в прошедшем месяце и о памятнике, который воздвигается Вашингтону из камней, присылаемых уважающими его память. Недавно греческое правительство послало для него кусок парфенонского черного мрамора с надписью: «Георгу Вашингтону, герою-полководцу земля Солона, Фемистокла и Перикла посвящает этот древний мрамор в знак уважения и удивления».

Вот другой проект памятника, гораздо более блестящего, но далеко не столь поэтического и величественного.

Синьор Чердиньи (Chardigni) предлагает английскому Обществу искусств открыть подписку на памятник Шекспиру, столь же громадный, как и его слава. Чердиньи хочет по изобретенному им способу отлить чугунную статую Шекспира в 100 футов (14 сажень и 1 аршин) вышиною. Внутренность статуи будет разделяться на три комнаты, одна над другою, каждая в три или четыре сажени в длину и ширину. Стены комнат будут украшены барельефами, представляющими все главные сцены из шекспировских трагедий. Среди залы нижнего этажа будут поставлены чугунные статуи королевы Виктории и принца Альберта. Из третьего этажа, помещающегося в голове, будет открываться сквозь отверстия глаз великолепный вид на Лондон. По размеру статуи, глаза будут иметь более аршина в разрезе и достаточно осветят верхний этаж. Для освещения двух нижних этажей будут сделаны незаметные снаружи разрезы в складках одежды. Кроме барельефов, залы будут украшены бюстами знаменитых современников Шекспира. Тут же будет собрана и шекспировская библиотека из лучших изданий его произведений. Статуя будет стоять на каменном пьедестале, и Чердиньи предполагает поставить ее на Примрозском холме в Лондоне. Скажем кстати, что нашелся, говорят, портрет Шекспира; доселе мы знали черты великого поэта только по бюсту, сохранившемуся в Стратфорде. В одном из последних номеров французской «Иллюстрации» некто Эйман (Eimann) объявляет, что он отыскал портрет автора «Отелло» и «Гамлета» на одной из покрышек небольшого раздувального меха (*sur un des ailes d'un soufflet*), сделанного некогда для королевы Елисаветы, а теперь принадлежащего Дойену (Doyen), мэру в Бри-Конт-Робер. При письме г. Эймана приложен в «Иллюстрации» снимок с портрета. Черты лица, на нем изображенного, совершенно те же, как и черты бюста; только Шекспир портрета моложе, нежели Шекспир бюста. Нисколько не принимая на себя смелости решать, мистификация или правда открытие Эймана, мы только передаем известие о нем читателям. Эйман объясняет в своем письме, что в формальном протоколе аукционной продажи вещей, оставшихся после знаменитого трагика Тальмы²⁷, этот портрет означен так: «Статья 104. № 31. Портрет Шекспира, вправленный в доску раздувального меха, принадлежавшего королеве Елисавете; куплен г. Вартелем за три тысячи сто франков». На доске, украшенной портретом, вырезаны (говорит

Эйман) английские надписи: 1) вокруг портрета: «Кто изображен на этом мехе? — Честнейший из людей, Вильям Шекспир». 2) На ручке доски (над головою портрета): «Я осуждаю того, кто так тебя унизил». 3) Внизу портрета (ответ на предыдущую надпись): «Глупец! разве можно представить участь более почетную, как возноситься на крыльях ветров?»

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВ, НАУК И ПРОМЫШЛЕННОСТИ *

<ИЗ № 10 ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1854>

Лондонские новости: закрытие таверн по воскресеньям и лавок по субботним дням. — Перри и английские офицеры. — Непризнание литературной собственности американских писателей. — Холера. — Парижские новости: Дороговизна хлеба. — Годовое потребление Парижа. — Спекуляции. — Приготовления к выставке. — Театральные новости. — Программа выставки. — Статистика Англии. — Выводы о крепости здоровья в различных возрастах. — Влияние вина на здоровье. — Переселения. — Оле-буллева норвежская колония в Америке. — Сведения о Японии. — Промышленные новости. — Рыбное удобрение. — Болезни растений. — Новые материалы для выделки бумаги. — Новая порода шелковичных червей. — Смерть Шеллинга. — Новости литературы: Окончание диккенсова романа «Hart Times». — Простонародная французская литература. — Первая немецкая газета. — «Афинский Акрополь» Бёла. — История лондонской биржи, Френсиса. — Заметки о Сандвичевых островах, Гёла.

Лондон опустел по закрытии парламента, и общественная жизнь его не представляла бы ничего интересного, если б не приехала в Лондон испанская танцовщица Переа-Нена, производящая фурор, и если б перед самым окончанием своих заседаний парламент не утвердил билля, постановляющего, чтоб пивные лавочки и таверны запирались по воскресным дням в 10 часов вечера. На первый взгляд кажется, что это распоряжение не имеет особенной важности и что им недовольны могут быть одни только постоянные посетители таверн, проводящие там день и ночь. На самом деле не так, и новый билль влечет за собою большие неудобства для всей массы незажиточного населения в Лондоне и других больших городах. Все эти люди, работавшие целую неделю, имеют привычку вместе с семействами уезжать по воскресеньям за город, чтоб сколько-нибудь отдохнуть и освежиться. Возвращаются с прогулки они поздно, часов в 11 или 12 вечера, и находят запертыми все заведения, где могли бы взять себе что-

* Составлено по журналам: Revue des Deux Mondes, Revue de Paris, Revue Britannique, Revue Contemporaine, Edinburgh Review, Bibliothèque de Genève, Illustration, Illustrated London News, Illustrierte Zeitung, Magazin für die Literatur des Auslandes, Das Ausland, Erheiterungen, The Athenaeum, L'Athenaeum Français, Novellen-Zeitung, Institut, Indépendance Belge, Journal des Débats.

нибудь для ужина; потому новый билль очень тяжел для них. С тем вместе не исполнилась и надежда их, что музеи, библиотеки и Сейдсгэмский дворец будут открыты по воскресеньям: как случилось, что заготовленный уж закон об этом не был предложен на утверждение парламента, остается загадкой; но музеи остаются закрыты по воскресным дням. Взамен этого все более и более распространяется между купцами недавно возникший обычай запираť лавки по субботам очень рано, между 2 и 5 часами пополудни, так, чтоб суббота была по выражению, принятому на этот случай, «полупраздничным днем». Первые подали пример в этом деле книгопродавцы, заключившие теперь условие между собою, во сколько часов по субботам должны быть закрываемы лавки; за книгопродавцами последовали москательщики и некоторые другие торговцы; в последнее время относительно того же самого условливались между собою торговцы мужскими и дамскими нарядами. Для их сидельцев такое нововведение справедливо представляется очень приятным; но с ним опять должно быть соединено изменение в правилах публичных музеев, в которых по субботам плата за вход значительно увеличивается сравнительно с другими днями. До сих пор суббота была фешенебельным днем музеев и библиотек, назначенным для посетителей высшего общества; для достижения этой цели и для отстранения толпы в Сейдсгэмском Кристальном дворце — напомним один этот пример — цена за билет, ограничивающаяся в другие дни одним шиллингом, возвышается по субботам, как мы уж говорили прежде, до пяти шиллингов. Конечно, обычай этот должен измениться, когда теперь масса людей среднего сословия, сидевшая прежде за купеческими конторками, получает возможность располагать своею субботою и скорее всего захочет употреблять ее на посещение учреждений, подобных Сейдсгэмскому дворцу. Теперь в Лондоне масса народа негде проводить свободное время. Правда, число общественных гуляний постепенно увеличивается, и английские газеты иногда хвалятся тем, что в Лондоне открываются новые парки; но гораздо чаще случается читать признания, что дело это идет вперед слишком медленно. И действительно, с 1830 г., при увеличении лондонского населения почти вдвое, открыты только три новые парка, из которых только один, Victoria-Park, имеет значительную величину — около ста десятин (или квадратной версты); два другие втрое или вчетверо менее; четвертый парк, Battersea-Park, занимающий 145 десятин (около полуторы квадратной версты), еще не готов, хотя им занимаются уже несколько лет. Английские законодатели до сих пор еще слишком мало, по общему признанию газет, заботятся об удобствах всех остальных классов общества, слишком уж много заботясь о своих потребностях. Все беспристрастные люди давно осуждают то странное обыкновение, установившееся в пользу молодых людей богатых фамилий, что офицерские чины в английской армии покупаются и продаются занимающими их, как в

XVII веке продавались во Франции места в парламентах. Но недавно был случай, в самом ярком свете выказавший невыгодные стороны этого обычая и обнаруживший язву в таком размере, который поразил всех. Дело происходило следующим образом. Поручик 46-го линейного полка Перри был вызван к военному суду по обвинению в «неприличном для офицера поступке» с одним из своих товарищей, которого он ударил подсвечником. В оправдание себе Перри был должен высказать всю правду и сослаться, в подтверждение, на своих сослуживцев. Они все были молодые люди из богатых семейств, купившие себе офицерские места. Один только Перри действительно выслужился, получал чины за отличие, хотя и очень медленно, а не через покупку. Уж за это товарищи смотрели на него очень неблагоприятными глазами. Неудовольствие увеличивалось еще более тем, что Перри, сын бедного выслужившегося актера, не имея никакого состояния, кроме своего жалованья, не мог принимать участия в веселом образе жизни своих товарищей, соривших деньгами на игру, вино и тому подобные наслаждения. Вражда товарищей принудила Перри держать себя вдалеке от них и искать развлечения в ученых занятиях. Но товарищи никак не хотели оставить его в покое: они вторгались по ночам в его комнату, стаскивали его насильно с постели, сажали с собою за стол, принуждали, в насмешку над его умеренной жизнью, пить, давали ему в руки карты и кости и т. п. Потом дело зашло еще далее... Не будем рассказывать пошлостей, а скажем только, что, в числе свидетелей, перед судом явилась и свидетельница. Перри, наконец, выведен был из терпения и ударил самого наглого из обидчиков первую вещь, которая попала ему под руку. Суд оправдал его. Офицер, командовавший полком и прикрывавший виновных, будет, по слухам, переведен в другой полк и т. д. Но общественное мнение не довольствуется этим слабым приговором, и в газетах печатаются адреса торговцев, «которым офицеры 46-го полка великобританской армии могут по самой безубыточной цене продать свои мундиры». Кроме дела Перри, занимающего всех, много говорят в литературных кружках о решении английского парламента, отнимающем у иностранных писателей право издавать свои сочинения в Англии под покровительством законов, воспреещающих перепечатку. До сих пор книгопродавцы полагали, что английский книгопродавец, купивший у североамериканского писателя право издания, точно так же обеспечен законом от перепечатки книги другими книгопродавцами, как и тогда, когда покупает рукопись у английского автора. Верхний парламент решил вопрос иначе, по случаю следующего дела, замечательного, между прочим, и тем обстоятельством, что тянулось оно около двадцати четырех лет. В 1831 году Беллини, живший тогда в Милане, продал право издания своей новой оперы «La Sonnambula» другому итальянцу, Риккорди. Риккорди, быв в Англии, перепродал право издания англичанину Бузи. Но некто Джеффрис, не обращая никакого

внимания на контракт, перепечатал несколько арий из «Сомнамбулы». Бузи подал на него жалобу в Court of Exchequer * и, проиграв там дело, перенес его в другой суд, потом в палату лордов, высшую судебную инстанцию Великобританского королевства. В августе нынешнего года лорды, наконец, решили, что только находящийся в английских владениях писатель может продать свое сочинение английскому издателю; контракты, заключенные вне английских пределов, не имеют законной силы. Таким образом, североамериканские писатели в Англии совершенно лишены покровительства закона, и через два часа после того, как состоялось решение парламента, появились уж объявления нескольких книгопродавцев о том, «что у них приготавливаются к выходу в свет новые сочинения мистрисс Бичер-Стоу и Прескотта», хотя эти же самые сочинения были куплены другими лондонскими издателями за дорогую цену (Прескоттова «История Филиппа II» по 1 000 фунтов, или 6 000 р. сер. за том) ¹. Страннее всего, что контракты, заключенные с этими писателями, признаются недействительными только потому, что Прескотт и Бичер-Стоу, подписывая их, жили в Америке; если б они приехали подписать условия в Лондон или Ливерпуль, покупка была бы действительна перед законом.

Однако все толки о тавернах, Перри, английских офицерах и американских писателях заглушаются в Лондоне известиями о холере, которая быстро усиливается. Около месяца после своего первого появления (в июле) она действовала слабо; но с августа число ее жертв ежедневно увеличивается. Вот таблица умерших от холеры в Лондоне в течение последних шести недель: 399, 644, 729, 847, 1 287 и, наконец (3—9 сентября), 2 050 человек. Замечено, что части города, лежащие выше 40 футов над уровнем моря, до сих пор почти совершенно пощажены эпидемией; значительно число умерших в кварталах, возвышающихся над водою не более 15—40 футов; но две трети или даже более из всего числа жертв принадлежат округу, лежащему на южной стороне Темзы, возвышение которого над морем не более, а во многих местах менее 10 футов. Так же сильно свирепствует теперь холера в Италии и Сицилии; в Германии начинает она ослабевать; ослабевает она и во Франции, где число ее жертв в нынешнем году было очень велико — до 100 000 человек.

В Париже, как и в большей части французских департаментов, холера почти совершенно исчезла; знаком прекращения эпидемии считают возвращение в Париж ласточек; замечено было, что и в нынешнем и в прошедшем году они покидали город на холерное время. Не знаем, верить ли этому факту; но, говорят, будто бы в прошедшем году, когда, во время холеры, большое стадо ласточек перелетало через Париж, множество этих птичек попадало на землю и через несколько минут умерло. Но еще не

* Суд по финансовым делам. — *Ред.*

миновалось в Париже другое бедствие — дороговизна хлеба, доходившая до того, что городское управление принуждено было бороться с нею, не щадя никаких издержек. Цена муки поднималась до такой степени, что килограмм ($2\frac{1}{2}$ фунта) пшеничного хлеба обходился хлебникам в 70 и даже 80 сантимов (около 8 коп. сер. фунт). Городское управление решилось постановить таксу в 40 сантимов килограмм (4 коп. сер. фунт); но так как продавцы хлеба разорились бы при такой цене в одну неделю, если б не выдавалось им пособия, то город доплачивает каждому хлебнику, по количеству проданного им хлеба, всю разницу между действительною и продажною ценою. На это израсходовано более 6 миллионов рублей серебром. Финансы Парижа не в таком положении, чтоб город мог окончательно принять на себя этот огромный долг; потому решено, что когда действительная цена хлеба упадет ниже 40 сантимов, он будет продаваться по этой цене, и торговцы будут обратно уплачивать городу излишек, получаемый по таксе против действительной цены, пока весь долг будет уплачен.

Теперь цена хлеба во Франции значительно понизилась, потому что жатва, которую в начале лета едва не погубили проливные дожди и постоянное ненастье, поправилась в течение июля; но все еще мука в Париже дороже, нежели в самом Лондоне, знаменитом дороговизною. Говоря о цене съестных припасов в Париже, приведем здесь отчет о количестве мяса, сыра и проч., нужных для годового продовольствия 1 300 000 его жителей. В течение последних 12 месяцев (с 1 июля 1853 по 30 июня 1854 года) потреблено в Париже 120 миллионов фунтов говядины, 10 мил. фунтов ветчины, с лишком 2 мил. фунтов сыру, более $4\frac{1}{2}$ мил. ф. винограда; почти на 2 мил. р. сер. сливочного масла, почти на 4 мил. р. сер. дичи и домашней птицы, на 4 мил. р. сер. яиц, на $1\frac{1}{2}$ мил. р. сер. речной рыбы; виноградного вина выпито 7 282 412 эктолитров (около 59 500 000 ведер! — неужели эта цифра верна? Если так, то, предполагая в Париже миллион взрослого населения, мы получим, что на каждого человека, без различия пола, приходится в день по $1\frac{1}{2}$ штофа — здесь, очевидно, есть ошибка) и 63 000 эктолитров (около 450 000 ведер) водки. Нельзя, впрочем, совершенно полагаться на эти цифры: некоторые из них поражают своею несообразностью. Мы указали на невероятность, чтоб в Париже действительно было выпито 60 миллионов ведер виноградного вина; нам кажется, что преувеличено и количество говядины, потребленной парижанами. Известно, что оно уменьшается с каждым годом, несмотря на увеличение числа жителей — факт, очень невыгодный для тех, которые утверждают, что парижане, в частности, и французы вообще благоденствуют; напротив, ежегодно увеличивается количество выпиваемой водки — факт, представляющий столь же мало хорошего, потому что водку во Франции пьют почти исключительно пьяницы, на которых уж не производит действие виноградное вино.

Кроме известий о холере и дороговизне хлеба, мало новостей можно сообщить о Франции.

Письма из Парижа, помещаемые в английских и немецких журналах, уверяют, что столица Франции теперь занимается только промышленными спекуляциями. Политика вышла из моды; даже о войне говорят только тогда, когда получаемые известия могут иметь влияние на ход биржевых акций и торговых дел. Парижанами овладел дух спекуляций; едва ли даже во времена Ло так бешено торговали акциями, как теперь². Все с увлечением пустились в биржевую игру: работник употребляет сбереженные десять или двадцать франков на покупку облигации или лотерейного билета; дворник, дергая веревку, чтоб пропустить запоздавшего жильца, не отрывает глаз от столбца газеты, где напечатан список текущих цен на разные фонды; женщины толпятся на биржевой площади, чтоб скорее узнавать о новых колебаниях акций, и жалуется на то, что им воспрещен вход на биржу. В салонах более говорят о *crédit-mobilier*, нежели о театре, рассуждают о дивиденде северной, монской, версальской железных дорог более, нежели о политике. Фабричное производство давно уже стало во Франции далеко превышать границы внутреннего потребления, и промышленники должны рассчитывать не только на внутренний, но гораздо более на заграничный сбыт своих товаров. От этого все дела неверны. Беспреданно основывающиеся акционерные общества расширяют круг своих действий до того, что предлагаемые произведения не находят покупателей. Возникают безумнейшие компании на акциях; и если б все они обладали в действительности хотя половиною тех капиталов, которыми хвастаются в объявлениях, то Париж был бы богаче, нежели когда-нибудь. На самом деле он теперь едва ли не беднее, нежели когда-нибудь. Выставка, приготовляемая на следующий год, выкажет, насколько есть во Франции действительного богатства, и насколько шарлатанства было в широких объявлениях акционерных обществ. Ее ждут с нетерпением.

До сих пор правительственные и частные комитеты, занимающиеся устройством выставки, обращали внимание почти исключительно на внешний блеск ее, мало заботясь о том, чтоб сделать ее зрелищем поучительным. Ниже мы приводим извлечение из программы, обнародованной комитетом выставки. Она очень широка; но внимательное рассмотрение обнаруживает беспорядочность распределения предметов, устанавливаемого этой классификацией. Громадное здание на Елисейских полях, устраиваемое для выставки, снаружи готово. Оно подражание Гайд-Паркскому Кристальному дворцу, но подражание неудачное и, по отзывам знатоков, свидетельствует об упадке архитектуры во Франции. Здание чрезвычайно тяжело, совершенно лишено всякого единства. Оно кажется каким-то огромным каменным балаганом, захватившим средину парка, и легкая стеклянная кровля, единственная прекрасная часть его, нисколько не гармонирует с тяжелыми каменными

стенами, на которых лежит. Вообще здание не производит сильного впечатления, несмотря на свою громадность. Почти год времени остается еще до открытия выставки, а возникает уж неисчислимое множество спекуляций, основанных на ожидании, что в Париж съедутся на нее сотни тысяч провинциалов и иностранцев. Городское парижское управление уж давно занимается вопросом, насколько должно увеличиться в это время потребление съестных припасов, и какие средства надобно принять для обеспечения подвоза их в достаточном количестве. Основываются огромные рестораны на время ожидаемого стечения посетителей. Так одно акционерное общество устраивает *table d'hôte* на тысячу двести кувертов, другое на 2 000; в Пале-рояле основалось третье общество, которого заведение называется *Diner européen**; капитал его состоит из 2 000 000 франков. Устраивается множество огромных новых гостиниц; некоторые будут содержать до 2 000 номеров. Кроме того, ко времени выставки будут открыты новые клубы, важнейшими из которых будут *Cercle des chemins de fer*** и *Cercle impérial****. Первый устраивается преимущественно с назначением быть средоточием промышленников и экспонентов; второй будет принимать в число своих членов тех знатных иностранцев, которых ожидают также тысячи. Оба отделяются с чрезвычайною роскошью, и *Cercle impérial* хочет своим величием помрачить знаменитейшие лондонские клубы.

О парижских театрах нельзя сказать почти ничего интересного; они готовятся к зимнему сезону и не дают пока ничего нового; более всего наделала шума в театральном мире распря драматических писателей, предводителем которых был Скриб, с Перреном, о назначении которого директором *Théâtre Lyrique* мы уже имели случай говорить. Общество драматических писателей требовало от нового директора, чтоб автору пьесы платилось не 10 процентов, как прежде, а 15; чтоб он не играл иностранных пьес; чтоб, наконец, не играл он на *Théâtre Lyrique* пьес, принадлежащих репертуару *Opéra-Comique*. Журналы находят совершенно справедливыми два последние условия, которые имели целью дать больше хода пьесам молодых писателей. Но первое требование считают они слишком высоким. Перрен не соглашался на эти условия и подавал в отставку; но теперь он взял свою просьбу назад, из чего надобно заключить, что дело как-нибудь уладилось.

Другая театральная новость едва ли может назваться новостью, потому что слухи о том, будто бы Рашель оставляет *Théâtre Français*, постоянно носятся уже несколько лет. Теперь положительно утверждают, что через полгода, по истечении срока контракта, она покинет навсегда сцену, на которой прославилась. Неизвестно только, что хочет Рашель делать потом — сойти со

* Европейский обед. — *Ред.*

** Железнодорожный клуб. — *Ред.*

*** Императорский клуб. — *Ред.*

сцены, перейти на другой парижский театр, основать свой собственный театр, уехать за границу — ничего этого неизвестно, и вероятно ничего этого не будет: Рашель, несмотря на все свои угрозы, по окончании срока прежнего контракта, заключит с Théâtre Français новый, быть может, выторговав несколько тысяч франков.

Мы говорили о приготовлениях к будущей парижской выставке 1855 года; комиссия, учрежденная для заведывания ее устройством, издала систему классификации, по которой будут распределены выставляемые предметы. Принимая, что будущая выставка находится в непосредственной связи с большой лондонской 1851 года, комиссия по возможности старалась сохранить то же самое распределение предметов, какое было принято в Лондоне. Между прочим, она почла удобным ставить материалы, из которых делается заводское или фабричное произведение, подле самого произведения, чтоб легче было можно судить, в какой степени совершенство товаров той или другой страны зависит от достоинства сырых материалов. Точно так же подле произведений будут поставлены и машины, посредством которых оно вырабатывается; отступления от последнего правила признаны, однакож, необходимыми в тех случаях, когда машины бывают такого рода, что о их достоинствах должны судить не столько фабриканты, сколько люди, специально занимающиеся механикой: такого рода машины сгруппируются в одном месте. Представляем краткий обзор этой классификации, подробная система которой занимает более 36 колонн французской иллюстрации.

I. Отделение. Произведения промышленности. I-й разряд. Роды промышленности, имеющие главной целью добывание необработанных материалов (*des matières brutes*). Класс 1. Рудопроизводство и металлургия. Здесь 1) геологические, минералогические, металлургические карты, планы и чертежи; коллекции руд; статистические документы; 2) средства и орудия добывания; 3) металлургические процессы; 4) ископаемые горючие вещества; 5) железо и чугун; 6) другие неблагородные металлы; 7) серебро, платина и золото; 8) монеты и медали; 9) минералы (сера, соль, глина и т. д.; драгоценные камни и проч.). Класс 2. Лесоводство, охота, рыболовство, добывание произведений растительного царства. Здесь 1) статистика, планы, рисунки, документы; 2) образцы лесных почв; воспитание, вырубка, перевозка лесу; образцы дерева, употребляемого для топки, строения, изделий и т. д., 3) изделия из дерева; 4) и 5) охота и рыболовство; оружие, снаряды, сети; мясо, кожа, жир, сало и т. д. диких животных и рыбы; 6) растения, не возделываемые искусством человека; их употребление на пищу, одежду и пр. Класс 3. Земледелие и скотоводство (опускаем подразделения в этом и почти всех следующих планах, отчасти потому, что их состав очевиден, отчасти потому, что подробности были бы слишком утомительны, и приводя некоторые, мы хотели только показать, как обширно каждое подразделение).

II-й разряд. Роды промышленности, имеющие целью употребление механических сил. Класс 4. Приложение общей механики к промышленности. Здесь 1) весы, динамометры, 2) трубы, 3) колеса, 4) ветряные мельницы, 5) гидравлические машины и т. д. Класс 5. Железные дороги и другие средства передвижения. Класс 6. Мануфактурные и заводские машины, из которых по своей многочисленности составляют особенный класс 7. Прядильные и ткацкие машины.

III-й разряд. Промышленности, служащие для наук или основанные на физических или химических деятелях. Класс 8. Часы, физические, химические, землемерные, астрономические инструменты и снаряды и проч. Класс 9. Орудия и снаряды для производства тепла, освещения и электричества. Класс 10. Химические снаряды и произведения (здесь, между прочим, каучук, гуттаперча, бумага и т. д.). Класс 11. Приготовление и сохранение съестных припасов и пищи: мука, хлеб, сахар, вино, чай и т. д.

IV-й разряд. Класс 12. Гигиена, фармация, медицина, хирургия (здесь, между прочим, бани, средства для очищения воздуха, минеральные воды и проч., медицинские инструменты, анатомические препараты и т. д.). Класс 13. Судоходство, мореплавание, военное искусство. Класс 14. Строительное искусство.

V-й разряд. Мануфактуры произведений ископаемого царства. Класс 15. Чугунные, железные и стальные изделия. Класс 16. Медные, цинковые, оловянные и т. д. изделия. Класс 17. Чеканное и ювелирное искусство. Класс 18. Стекланные и лепные изделия.

VI-й разряд. Ткацкие фабрики. Класс 19. Хлопчатобумажные. Класс 20. Шерстяные. Класс 21. Шелковые. Класс 22. Льняные изделия. Класс 23. Ковры, вышиванье, кружева.

VII-й разряд. Класс 24. Меблировка. Класс 25. Моды. Класс 26. Канцелярские принадлежности, литографическое и гравировальное искусство, фотография, типографское дело. Класс 27. Музыкальные инструменты.

II. Отделение. Произведения изящных искусств. VIII-й разряд. Класс 28. Живопись. Класс 29. Скульптура. Класс 30. Архитектура.

Мы сделали довольно большое извлечение из программы отчасти для того, чтоб читатели могли составить ясное понятие о многосторонности и полноте будущей выставки, отчасти для того, чтоб они могли убедиться сами, как беспорядочна классификация, принимаемая для нее. Казалось бы, например, что гравировальные инструменты должны стоять рядом с другими — нет, они поставлены рядом с произведениями модного искусства; казалось бы, что произведения модных мастериц и портных должны помещаться подле выставки модных материй — нет, они поставлены рядом с канцелярскими принадлежностями, с бумагой и стальными перьями; бумага поставлена не подле типографских материалов, а подле каучука и хлеба; мебель поставлена не вместе

с образцами дерева, на нее употребляемого, а подле ткацких изделий, вероятно, потому, что кресла обиваются большею частью ткацкими изделиями; но часто на обивку употребляется и сафьян: почему же не поставили их подле кожаных изделий? Легко было бы сообразить, что большая часть мебели вовсе ничем не обивается; и разве главное в мебели обивка, а не дерево? На лондонской выставке подобный беспорядок был извинительнее, потому что она была первым опытом в своем роде, но парижская выставка могла быть расположена лучше; а программа ее показывает, что парижская комиссия не улучшила, а еще более расстроила лондонскую классификацию.

Переходим к статистическим известиям.

В английских газетах продолжают печататься извлечения и выводы из недавно обнародованной переписи 1851 года. После общих цифр народонаселения, уже известных нашим читателям, всего интереснее были бы сведения о распределении народонаселения по классам; перепись представляет чрезвычайно подробный список, показывающий, сколько лиц принадлежат к тому или другому разряду; но классы эти составлены так странно, что едва ли можно пользоваться данными, сообщаемыми переписью. Приведем один пример запутанности. Самым естественным порядком был бы следующий: сначала показывать, сколько лиц занимается известным промыслом, потом обозначать, сколько лиц женского пола, стариков и малолетних принадлежит к их семействам, не имея особенного занятия. Так и делается в хороших статистических таблицах. В английской переписи, напротив, составлен особенный класс под названием «замужние женщины» и другой класс под названием «вдовы»; вместе с этим говорится, что многие из замужних женщин и вдов показаны в числе швей; торговцы разделены на несколько сот разрядов и наполовину перемешаны с ремесленниками и фабрикантами; фабриканты не всегда отделены от рабочих и т. д. Одним словом, разобрать хаос, представляемый длинным списком, о котором мы говорим, чрезвычайно трудно. Гораздо яснее выводы относительно среднего продолжения жизни. Как и во всех европейских государствах, с распространением образованности продолжительность человеческой жизни в Англии увеличивается³. Теперь она для Англии 40 лет; это значит, что если из 10 новорожденных двое умирают на первом или втором году от роду и если еще один умирает 10 лет, то из остальных семи один проживет до сорока лет, двое других до пятидесяти, трое до шестидесяти и один достигнет почти семидесяти лет, так что если сложить лета, которых достиг каждый из них, то составит $10 \times 40 = 400$ лет, и в частном числе получится для каждого 40. Во Франции продолжительность жизни несколько менее. Число людей, соединенных браком, простирается в Англии до третьей части всего народонаселения; остальные две трети состоят из малолетних, из лиц овдовевших или не вступавших в брак. Число молодых людей, которых по летам должно

назвать женихами, более нежели миллион; число взрослых девиц почти таково же. Интересна таблица происхождения лондонских совершеннолетних жителей. Менее нежели половина из них родилась в самом Лондоне; более нежели половина — переселены из других частей королевства.

Сообщаем еще несколько выводов, сделанных также в Англии. Известно, что человек в молодости сильнее и крепче, нежели в преклонных летах; но с каких именно лет начинает здоровье становиться хилее, и в какой пропорции пятидесятилетний или шестидесятилетний человек более подвержен болезням, нежели двадцатипятилетний? Иметь точный ответ на эти вопросы тем интереснее, что многие утверждают, будто бы сорокалетний человек крепче здоровьем, нежели двадцатилетний. Мы не думаем, чтоб вопрос окончательно мог быть решен вычислением, сколько дней в году средним числом бывает болен человек в том или другом возрасте. Известно, что есть много болезней (укажем на чахотку), быстрее развивающихся в молодости, нежели в пожилых летах, и потому иногда может случиться, что молодой человек пролежал в постели меньшее число дней, нежели пожилой, только потому, что скорее сошел в могилу; тем не менее вычисление, о котором мы говорили, имеет свою важность, и нам кажутся интересными недавно сделанные исследования о том, сколько времени средним числом бывает болен человек в различные периоды своей жизни от 15 до 70 лет. Выводы эти основаны на числе дней, в продолжение которых рабочие, трудящиеся на свой счет и потому очень ревностные, не могли заниматься своей работой; потому приводимые нами цифры относятся к массе народа, а не к высшим классам общества. Вот главнейшие выводы:

Средним числом болен бывает человек в течение года:

от 16 до 26 лет	$6\frac{3}{4}$	дней
— 26 до 36 —	7	—
— 36 до 41 —	$7\frac{1}{2}$	—
— 41 до 46 —	$8\frac{3}{4}$	—
— 46 до 51 —	$10\frac{1}{2}$	—
— 51 до 56 —	$12\frac{3}{4}$	—
— 56 до 61 —	$16\frac{3}{4}$	—
— 61 до 66 —	23	—
— 66 до 71 —	36	—

Всего в продолжение 70 лет, от 15- и до 85-летнего возраста человек бывает болен средним числом почти ровно пять лет. В течение 51-го года, которые можно считать рабочим периодом человеческой жизни (от 15 до 66 лет) болезнь отнимает средним числом 78 недель, или ровно полтора года. Если же разделим этот период пополам, то на 26 первых лет (от 15 до 41-го года) приходится почти ровно полгода болезни, а на последние 25 лет (41—66) почти ровно год.

Вот другие вычисления. Известно, что пьянство имеет самое пагубное влияние на здоровье; но есть случаи, повидимому, про-

тиворечащие такому мнению: иногда люди, ведущие беспорядочную жизнь, достигают старости; поэтому бесполезны точные исследования, чтоб поставить вне сомнений пагубное влияние умеренного образа жизни на всякую без исключения организацию. Подобные исследования теперь занимают многих статистиков, и, между прочим, по строгим вычислениям, сделанным в Англии, оказывается, что смертность между пьяницами втрое сильнее, нежели между людьми, ведущими умеренную жизнь. Особенно смертоносно пьянство для людей 20—30 лет. Англичанин, достигший 20-летнего возраста, вообще может еще рассчитывать на 44 года жизни; но пьяница не может рассчитывать более, как на 15 лет. Различные роды напитков оказывают различное влияние на здоровье: одни разрушают его медленнее, другие быстрее. Водка действует гораздо пагубнее, нежели эль; но скорее всего расстраивается здоровье тогда, когда пьяница не придерживается одного напитка, а имеет привычку пить все без разбора. Из семи пьяниц один умирает от *Delirium tremens* *. Пропорция женщин-пьяниц относительно пьяниц-мужчин та же самая, как и пропорция между уголовными преступниками и преступницами: на сто пьяниц мужчин приходится в Англии 20 пьяниц женщин.

Число немцев, англичан, особенно ирландцев, переселяющихся из Европы (преимущественно, как и прежде, в Соединенные Штаты) увеличивается, как и прежде, с каждым днем. По известиям из Ливерпуля, Бремена, Гамбурга, Гавра и проч., число переселенцев в течение первых шести месяцев нынешнего года было третью долею или даже целою половиною более, нежели число их в соответствующий период прошедшего года. В Ирландии число жителей до того уменьшилось вследствие переселений, что в нынешнем году решительно не доставало рук для уборки хлеба, и плата несчастным ирландцам, которые прежде нанимались за самую ничтожную цену, возвышалась во время жатвы до двух с половиною шиллингов (85 коп. сер.) в день. Страсть к переселению проникает с чрезвычайною силою и в те страны, которые прежде высылали очень мало колонистов. В нынешнем году переселилось из Швеции 10 000 человек — пропорция огромная для государства, имеющего только 3 миллиона жителей. Начнут переселяться и норвежцы. Сообщаем рассказ об основании их первой колонии в Соединенных Штатах, рассказ, интересный по имени основателя и представляющий живую картину чувств и надежд, которыми одушевляются сотни тысяч бедняков, ежегодно покидающих Западную Европу и стремящихся в «Новый Свет», где находят они отчасти на самом деле довольство, которого искали, отчасти смерть. Знаменитый норвежский скрипач Оле-Булль употребил значительное состояние, приобретенное ему смычком, на основание в Северо-Американских Штатах колонии для своих соотечественников. С этою целью купил он в Пенсиль-

* Белой горячки. — Ред.

вании более 60 000 десятин земли и разделил ее на маленькие фермы. Оле-буллево поселение лежит в самом здоровом климате, богато прекрасным лесом и имеет плодородную почву. Мимо колонии пролегают железные дороги в Нью-Йорк, Филадельфию и Балтимор, так что сбыт произведений обеспечен и местность колонии представляет все залогом счастливой будущности. Отъезжая из Нью-Йорка, Оле-Булль назначил для своих переселенцев, между которыми находится много плотников, столяров и каменщиков, сборным местом городок Аугусту, откуда должны были они отправиться для основания колонии. Прибыв туда прежде него, они раскинули палатки и водрузили знамя с крестом (герб Норвегии) посредине, окруженным звездами (герб Соединенных Штатов). Как только показался вдали экипаж Оле-Булля, раздались радостные клики, и взволнованный виртуоз со слезами на глазах бросился в объятия облагодетельствованных им земляков. На следующее утро поспешно поставили временное деревянное строение, выбрали места для магазина, амбаров, кузниц; между тем прибыли закупленные Оле-Буллем съестные припасы, и переселенцы все вместе сели за один большой стол. После завтрака выбрали места для Оле-Буллева дома и для жилищ прибывших колонистов, срубили высокое дерево, которое должно было служить флагом, и утвердили его на кровле готового здания, еще не обрубая верхних ветвей, на которые тотчас же слетелось множество птиц. Их веселое щебетанье было принято переселенцами за счастливое предзнаменование, и на него отвечали радостными криками. Наконец поднят был флаг — минута, назначенная для того, чтоб дать имя новому городу. Единогласно называли его Олеона, по имени основателя, и потом провозгласили тридцать одно «ура» в честь тридцати одного штата Северной Америки и тройное «ура» в честь Оле-Булля. После того на прекрасной речке положено было основание пильной и мучной мельницам. Наконец выбрали места для церкви и училища. Все это теперь строится под непосредственным надзором Оле-Булля: сам он участвует в работах топором и пилой, и, по словам людей, бывших на месте, знаменитый виртуоз выказывает, как основатель колонии, удивительную сообразительность и энергию. Поужинав, как одно семейство, колонисты стали просить Оле-Булля сочинить и сыграть им пьесу, приличную торжеству основания города. В полчаса он приготовился исполнить их желание, а между тем единственное здание нового города было иллюминировано и кругом разложены огни. Яркое освещение, среди дремучих лесов, составляло великолепную картину. В девять часов явился на балконе Оле-Булль. Его приветствовали восторженные клики; он был глубоко растроган; прошло несколько минут, прежде нежели он мог говорить, и тогда водворилось глубокое молчание.

«Норвежские братья! (сказал он эмигрантам) с берега, на котором шумят бури Ледовитого океана, где ревет Мельстрем и северное сияние шесть месяцев в году заступает место милого

людям солнца, пришли мы сюда основать новое отечество. В горы наши, где бедствовали мы от голода и всяких лишений, дошла весть, что есть земля с благорастворенным воздухом, обильная и пространная. В летописях прочли мы, что предки наши, предводимые Торфином, уж восемь веков назад открыли эту землю, но, встретив там диких и свирепых индейцев, оставили в ней памятником по себе только храм, открытый теперь в устье Наррагансета, и несколько надписей. Потом посещены были эти берега другими народами; основаны здесь цветущие колонии. Мы также прибыли в эту землю и избрали себе жилищем прекрасную долину, лежащую перед нами. Гул падения каждого дерева, срубаемого нами здесь, отзовется на нашей родине и привлечет к нам новых братьев, и в Америке мы оснуем новую счастливую Норвегию».

Слова Оле-Булля были приняты с рукоплесканиями; он взял свою скрипку и начал гимн. Торжественность минуты и вдохновение виртуоза произвели удивительный эффект на его слушателей. Они плакали как дети, когда начало пьесы напомнило им мотивы норвежских песен, и почувствовали, что надежды и силы их удвоятся, когда звуки, растая и растая, заговорили им о новой жизни, полной деятельности и надежды.

«Так отпраздновал новый город Олеона первый день своего существования», — прибавляет корреспондент американской газеты, из которой взят этот рассказ немецкими журналами.

Говоря об Америке, кстати, а может быть и не совсем кстати, скажем несколько слов о Японии, которая теперь, открыв свои порты для американских судов, так интересуется и Америку и Европу. По отзывам офицеров американской эскадры мы знаем, что японцы, запершись от европейцев, не совсем, однакож, оставались чужды успехам наук у народов, с которыми не хотели иметь сношений. Зибольд, знаменитый своими сочинениями о Японии⁴, недавно читал в собрании боннских ученых речь о состоянии наук, особенно естествознания, в Японии. Передаем здесь ее существенное содержание.

Образованность проникла в Японию из Китая через полуостров Корею. Этот первый период японского просвещения обнимает время от 219 года до Р. Х. до 510 года по Р. Х. Прежде того японцы были варварами, поклонявшимися фетишам.

Зибольдово собрание японских рукописей, относящихся к естественной истории, состоит более нежели из ста сочинений и включает несколько сот томов. Чтоб дать слушателям ясное понятие о состоянии этих наук в Японии, Зибольд показал им собрание рисунков, изображающих горы и вулканы: ученый художник, его составивший, посвятил всю свою жизнь этому труду, достоинству которого удивлялись боннские геологи. Зибольд рассказал им, кроме того, что японцы прежде принимали в естественной истории китайскую классификацию, различающую в природе следующие разряды: камни, травы, деревья, насекомые, рыбы, моллюски, птицы, млекопитающие. Старинные книги по естествен-

ной истории держались этой китайской системы; но современные японские натуралисты знакомы с системами европейских ученых; так, например, между ними очень много последователей Линнея, и японское издание его ботаники очень распространено в их стране. В последнее время, под руководством Зибольда, была даже переведена «Flora Japonica» * Тунберга и издана с гравюрами на дереве⁵. Зибольдовы воспитанники вместе с известнейшими японскими естествоиспытателями основали в Овари ученое общество, издавшее три тома своих записок. В числе книг, которые показывал Зибольд, особенно замечателен словарь естественной истории, содержащий японские и китайские названия 5 300 предметов и представляющий изображения и описания всех полезных растений.

Теперь сообщим несколько известий, более или менее касающихся сельского хозяйства и промышленности, а потом перейдем к чисто научным известиям.

Как чрезвычайно сильное средство удобрения гуано с каждым годом более входит в употребление; но с тем вместе возвышается и цена его. В последнее время подвоз его в Европу был даже иногда недостаточен для удовлетворения запроса. Говорят, что открыты новые огромные запасы его на Галапагосских островах; но во всяком случае для английских, французских и немецких сельских хозяев очень интересно открытие нового средства удобрения, не уступающего силою гуано. Это — рыбное удобрение. В северных приморских странах, в Швеции, Норвегии, уже давно употребляют на удобрение полей части рыбы, бесполезно бросаемые рыбаками. По сведениям, собранным в Ньюфаундленде, только половина весу пойманной рыбы идет в торговлю; другая половина (скелет, обрезки и т. д.) бросается на берегу или выкидывается обратно в море. Таким образом, из 700 000 центнеров (около 2 мил. пудов) ежегодного улова 350 000 центнеров бросается без всякой пользы. Эта масса рыбных остатков, высушенная и обращенная в порошок, доставит 100 000 центнеров превосходнейшего удобрения, нисколько не уступающего гуано, потому что само гуано заимствует свою силу, главным образом, от того, что птицы, его доставляющие, питаются рыбою. Напротив, рыбный порошок должен быть сильнее гуано, потому что богаче его азотом и фосфорнокислой известью. Если действительно так — а это надобно предполагать — то и наши каспийские рыбные ловли, ежегодный улов которых считается миллионами пудов, могут доставлять огромное количество богатого удобрения.

Парижская академия наук чрезвычайно много занималась в течение всего нынешнего года исследованиями о болезнях полевых и огородных растений, виноградной лозы и т. д. По ее приглашению десятки сельских агрономов и натуралистов присылали записки о причинах этих болезней и средствах к их предотвращению. Несмотря, однакож, на неоспоримое достоинство многих из этих

* Японская флора. — *Ред.*

исследований, вопрос еще остается неразрешенным окончательно, и разыскания продолжаются. Здесь мы передадим недавно сообщенные Академии наблюдения над болезнью свекловицы.

Известно, что часто очень всходы ее, обильные вначале, вдруг увядают и погибают без всяких видимых причин; особенно часто бывает это в первые дни после всхода, пока еще молодые растения не успели укрепиться. Причиною гибели их маленькие, почти микроскопические червячки, собственно живущие в земле, но могущие взползти на некоторую высоту по стебельку молодого растения. Они точат росток и часто совершенно уничтожают его еще в земле; когда же он достигнет известной величины, точат его молодые корни, так что растение увядает. Замечено, что червячки эти особенно размножаются в той земле, на которой свекловица сеялась уже несколько лет сряду, и потому лучшее средство спасти посев от опасности — каждый год переменять землю под свекловицу. Если же это невозможно, то надобно тотчас после посева слегка укатать землю, потому что червячки могут двигаться только в рыхлой земле, и корень или семя свекловицы, плотно охваченное землею, безопасно от их нападений.

Мы уже имели случай говорить о недостатке материалов для выделки бумаги, который сильно чувствуется в Англии; не знаем, ощутителен ли он также во Франции, но в Северной Америке нуждаются в бумаге точно так же, как и в Англии; в Германии, повидимому, также. В Англии бумага начала уже подниматься в цене, так что какая-то газета (не знаем ее имени и потому не можем сказать, действительно ли справедливы ее жалобы на дороговизну бумаги, или справедливее было бы ей жаловаться на малое число подписчиков, которых, как мы в прошедший раз видели, недостает у большей части английских газет) объявила, что принуждена повысить свою подписную цену по случаю дороговизны бумаги. Ост-индские правительственные места, к которым недавно обращался английский министр колоний с запросом: не может ли в Ост-Индии отыскаться растений, годных для выделки бумаги? теперь отвечали, что таких растений в Ост-Индии множество; не перечисляем их и скажем только, что удобным признается *Musa paradisiaca*, растение, разводимое теперь для плодов. Его ветви надобно только выжать под прессом и размочалить, чтобы совершенно приготовить их к поступлению на бумажную фабрику. Этот материал может быть доставляем по цене, вдвое меньшей, нежели предлагали платить за новый материал фабриканты, именно около 1 руб. сер. за пуд. Пока англичане отыскивают новых материалов, американцы, кажется, успели найти их. По крайней мере уверяют, что в Америке уже печатаются две газеты на бумаге, приготовляемой из дерева; но какого именно дерева — этого не говорят, и потому известие можно пока считать сомнительным; в Германии также производятся подобные опыты. Из европейских деревьев особенно удобною для выделки бумаги считают древесину тополя и липы, отличающуюся мягкостью.

Европе обещают не только новую бумагу, но и новый шелк, не совсем, говорят, красивый, но заслуживающий полного внимания по другим своим качествам. Ученым давно было известно, что в Индии, кроме обыкновенной породы шелковичных червей, питающейся листьями тутовника, разводятся другие породы, из которых особенно замечательна порода, живущая на клещевинном дереве (*ricinus*) и называемая туземцами арринди-аррия (*bombyx synthia*). Но сведения об этом интересном насекомом были до последнего времени очень недостаточны; теперь известный естествоиспытатель Мильн Эдуардс читал о нем в Парижской академии наук записку, из которой представляем здесь извлечение⁶. Шелк, доставляемый клещевинным шелковым червем, много уступает красотой нашему обыкновенному шелку, но отличается необыкновенной крепостью, вознаграждающею недостаток тонкости и лоска. Во многих частях Индии простолюдины постоянно носят платье, сделанное из него, а зажиточные люди одеваются в него при наступлении холодного времени. «Материя, делаемая из шелка клещевинного червя» (говорит Роксбург, один из первых, сообщивших о нем известие⁷), «на вид грубовата и не имеет глянца, но прочность ее неимоверна. Редко человек успевает в целую жизнь износить одно платье, из нее сделанное, так что оно часто переходит по наследству от матери к дочери». Кроме того, клещевинный червь драгоценен по большому количеству шелка, им доставляемого. Он растет быстро и поколения сменяются так часто, что в течение года получается от него шесть или семь сборов шелку. Надобно еще прибавить, что клещевина — растение, легко разводимое в Южной Европе, и что ее разведение выгодно, кроме пользы, доставляемой шелковым червем, и по драгоценному (касторовому) маслу, добываемому из ее зерен. Выгоды, которые принесло бы разведение новой породы шелкового червя в Европе, очевидны, но до сих пор не предполагали возможным перенести его семена в Европу, потому что яйца клещевинного червя развиваются слишком быстро, а куколка его проводит в коконе очень мало времени. Теперь успели достичь этого, и Мильн Эдуардс имеет клещевинных шелковых червей в своем ботаническом саду. Разведение новой породы началось на Мальте и в некоторых частях Италии, откуда и получены семена ее в Париже. Вот история развития червей, воспитываемых Мильном Эдуардсом. Семена были посланы ему из Пизы профессором Сави⁸ 24 июля; 2 августа начали выходить из них маленькие личинки; на другой день вышли остальные, всего до пятидесяти личинок, и все остались живы. Они уже переменили кожу четыре раза и кажутся совершенно здоровыми. Чтoб лучше познакомиться с благоприятнейшими условиями развития, Мильн Эдуардс воспитывает их различным образом. Одних просто посадил он на листья клещевинника, растущего на открытом воздухе, защитив их только рамой, обтянутой кисеею; других посадил он в своем кабинете на плетенку из прутьев и кормит сорванными листьями клещевины;

третьих, наконец, посадил он также у себя в кабинете (при температуре 16—19°) прямо на листья, опущенные в воду своими стеблями, для сохранения в них свежести. Все червячки растут хорошо; но особенно здоровыми кажутся сидящие в комнате на листьях. Скоро они соткут себе коконы, и когда бабочки, вышедшие из них, положат яйца, то у Мильна Эдуардса образуется такой большой питомник, что можно будет приступить к опытам над тканью из нового шелка. «Быть может, — прибавляет он, — я должен был дожждаться времени, когда результаты моих опытов будут более полны, и тогда только сообщить их Академии; но интерес, соединенный с разведением в Европе клещевинного червя, кажется мне так велик, что им оправдывается моя поспешность».

20 августа (8 августа старого стиля) умер Шеллинг.

Вот главные факты жизни этого мыслителя, стоявшего некогда в главе германской науки.

Фридрих-Вильгельм-Иосиф Шеллинг родился 27 января 1775 года в Леонберге, в Вюртембергском королевстве. Сначала он учился в Тюбингенской богословской школе, где соучеником его был Гегель; потом несколько времени слушал лекции в Лейпцигском университете, наконец в Иенском, куда Фихте привлекал тогда многочисленных слушателей. В 1798 году сделан был Шеллинг в этом университете доцентом, а в 1803 году — ординарным профессором философии. В Иене оставался он, однако, недолго и в 1808 был приглашен в Мюнхен на должность общего секретаря Мюнхенской академии изящных искусств; с тем вместе возведен был он королем Максимилианом-Иосифом в дворянское достоинство. В 1820 году читал он лекции в Эрлангенском университете; потом, в 1827 году, по основании Мюнхенского университета, был сделан там профессором философии; наконец в 1841 году царствующий ныне король прусский, вскоре после своего восшествия на престол, пригласил его профессором философии в Берлинский университет. Шеллинг умер на 80-м году от рождения, в Рагаце (в Швейцарии), где пользовался минеральными водами.

Шеллинг пережил свою славу. Та система философии, которая прославила имя его, ныне оставлена всеми; он сам изменил ей, и в последние двадцать или тридцать лет своей жизни трудился над развитием новой системы, которая, по его мнению, пополняла односторонность прежней; на самом же деле, будучи лишена ее достоинств, только соединила прежние недостатки с новыми⁹. Эти и многие другие обстоятельства возбуждали в немецких мыслителях сильное нерасположение к Шеллингу; но никогда не забывали они воздавать должную справедливость прежним его трудам. Скажем же несколько слов об этих трудах.

Существенное значение философии его может быть популярным образом выражено так: она яснее, нежели системы Канта и Фихте, которые нашли себе в ней дальнейшее развитие, высказала понятие о существенном единстве законов природы; мысль

эта была высказываема ею в трансцендентальной форме и в развитии своем принимала у Шеллинга и его последователей (из которых значительнейшим был натуралист Окен) фантастические формы. Шеллинг вообще не может быть освобожден от упрека, что давал фантазии слишком много власти над своими мыслями; нельзя не сказать также, что он и его последователи часто делали выводы, которых нельзя было точным образом подтвердить фактами. Вообще они заходили слишком далеко вперед от современного им состояния положительных наук, и по этому самому необходимо должны были впадать в ошибки и часто делать натянутые, фантастические выводы. Но тем не менее надобно сказать, что их основное стремление — видеть во всей природе существенное тожество законов, только принимающих различные формы в различных царствах природы, — имело свою долю правды, и теперь положительные науки успели вывести из исследования фактов подобную же уверенность, во многих случаях доказав тожество сил и законов природы, обнаруживающихся, повидимому, совершенно различными явлениями. Для этого довольно, с одной стороны, указать на признанную теперь всеми натуралистами существенную связь электричества, магнитной силы, света, тепла и движущей силы, с другой стороны, на доказанное теперь Либихом и его учениками существенное единство химических законов в органической и неорганической природе, на либиховы объяснения процессов дыхания и питания. Нельзя сказать, чтоб современные великие естествоиспытатели были в строгом смысле учениками Шеллинга или какого-нибудь другого философа: английские и французские ученые всегда чуждались систем, развившихся в Германии со времен Канта и Фихте; главнейший представитель новой химии в Германии — Либих едва ли имеет определенный образ мыслей в философском смысле; но если не были они прямым образом учениками философии, то их ученые стремления возникли из тех же самых начал, которые нашли себе выражение в системах Шеллинга и последующих философов, и фактические исследования приводят естествоиспытателей к результатам, имеющим коренное родство с идеями, которых философы (и первый из них Шеллинг) достигли посредством общих соображений о всей массе фактов, бывших известными в их время.

Мыслители раньше естествоиспытателей высказали эти выводы и хотели придать им совершенную полноту и законченность, еще недостижимую в наше время; потому они впадали в ошибки гораздо чаще, нежели впадают естествоиспытатели; но за Шеллингом и другими мыслителями остается заслуга, что они высказали свое воззрение раньше и, сообщив мышлению стремление открывать во всем связь и существенное единство, сильно содействовали успехам точных исследований. Между идеями Шеллинга и выводами Либиха (чтоб указать один пример) такое же отношение, как между догадкой о плане целого здания, рассматриваемого из отдаления, и между подробным описанием одной из его

частей: подробное описание теперь говорит, что исследованная часть вообще построена по тому плану, какой предполагался догадкою; что если догадывающийся не мог с отдаленной высоты, на которой стоял, заметить многих подробностей, и часто ошибался в их устройстве, то общий чертеж исследованной части доказывает, что она построена действительно в том стиле, какой придан ей в общем чертеже.

Из других людей, известных в науке или литературе, в последнее время умерли *Меллони*, знаменитый итальянский физик, и каноник *Шмидт*, известный немецкий писатель рассказов для детей, повести которого переведены на французский и английский языки, а некоторые, не совсем удачно, и на русский ¹⁰.

Переходя к литературным новостям, прежде всего доскажем по очерку, помещенному во французской «Иллюстрации», содержание Диккенсова романа «*Hart Times*», для чего просим читателей припомнить, на чем мы остановились в прошлом месяце (О. З., № 9, Смесь, стр. 49), а потом продолжать.

<Изложение романа не приводится>.

К этому рассказу содержания нового Диккенсова романа прибавим, что он уж переделан в Англии для сцены и дается на одном из лондонских театров с огромным успехом.

Во Франции недавно была учреждена комиссия для разбора книг для простого народа, разносимых по деревням бродячими торговцами. Низар, бывший секретарем комиссии, издал теперь отчет о ее разысканиях под заглавием: *История книг для простого народа с XV века до 1852 года (Histoire des livres populaires etc.)*. Заимствуем из этой книги, плохо составленной, но интересной по богатству сообщаемых в ней материалов, несколько сведений о французской протонародной литературе. Важнейшая отрасль ее — альманахи. Низар говорит, что разносчики книг продают их по деревням в количестве в тысячу раз больше, нежели масса всех других брошюр, которые у них покупаются. Известнейший из этих альманахов *Люттихский (Almanach liégeois)*, во всех своих бесчисленных изданиях постоянно удерживающий синюю обертку и формат в 24-ю долю листа — признаки, по которым с первого раза узнают свою любимую книгу полуграмотные покупщики. Его составление приписывается «Матвею Ленсбергу, математику» (*Mathieu Laensberg*), лицу, едва ли когда-нибудь существовавшему. Люттихский альманах самый маленький из всех своих собратий. Он заключает всего только 28 страничек. Чрезвычайный успех его породил множество подражаний и подделок, называющихся «Двойными», «Тройными», «Национальными», «Наполеоновскими» и т. д. люттихскими альманахами. Все эти видоизменения, точно так же, как и настоящий люттихский альманах, печатаются в Труа двумя книгопродавцами, которые продают

разносчикам свой товар на вес, а не по счету экземпляров. Существенное содержание «Матвея Ленсберга» — астрологические предсказания. В разных календарях они бывают совершенно различны, и весна 1853 года по одним календарям должна была быть суха, по другим — дождлива, по одним — холодна, по другим — тепла и т. д. Это нисколько не вредит их успеху в народе. Сохранился даже анекдот о том, что мадам Дюбарри была ужасно встревожена предсказанием Люттихского альманаха, что «в апреле одна знатная дама перестанет быть знатной дамой»¹¹. Она употребляла все усилия истребить книжку и вместе с ней предсказание и, не успев сделать этого, тоскливо восклицала: «Ах, если б поскорее прошел этот несчастный апрель!» К предсказаниям во многих календарях прибавляются снотолкователи и два или три курьезные анекдота. Самый употребительный из них тот, что нашлась где-нибудь на морском берегу плотно закупоренная бутылка, в которой было найдено следующее письмо, брошенное в море, или Колумбом, когда он почитал свою гибель неизбежной, или Язоном, когда он плыл на корабле Арго, или Улиссом, когда его застала буря по отплытии с острова Калипсо и т. п.¹² Письмо написано по возможности забавно. Но самый интересный и, вероятно, самый старый из альманахов *Пастуший* (*Almanach des bergers*). В нем нет текста; даже дни месяцев не обозначены цифрами; все сведения и отметки выражены иероглифическими знаками, так что, очевидно, альманах этот назначается для безграмотных. Числа месяца, в которые надобно что-нибудь делать (пахать землю, пускать кровь, рубить дрова и т. д.), обозначены грубыми фигурами соответствующих орудий. Заметим, что подобные календари, только не печатные, а просто вырезанные на длинных дощечках, попадают и в России. Снимок с одного из них был недавно приложен к одному из наших журналов, если не ошибаемся, к «Москвитянину». За альманахами следует множество астрологических книжек, в которых главную роль играют Соломон или Альберт Великий; потом довольно много сатирических и юмористических книжек. Среди множества книжек пустых и пошлых есть и книжки, не лишенные литературного достоинства, из которых перескажем содержание *Истории бедняка-добряка* (*Histoire du Bonhomme misère*). Два благочестивые путника были однажды застигнуты проливным дождем, когда проходили через деревню, в которой жил добряк-бедняк. Напрасно останавливаются они у всех дверей, прося, чтоб их пустили укрыться от дождя и переночевать: богатый просто прогоняет их, а бедный говорит, что в его избушке тесно и самому хозяину. Наконец подходят путники к жалкой лачужке, в которой живет добряк-бедняк, самый бедный человек во всей деревне. Он впускает прохожих и рассказывает им о своем житье-бытье. Прежде, когда не было у него хлеба, готова была ему еда на грушевом дереве; но теперь какой-то вор сорвал все плоды, и ему решительно нечего есть. Путники были тронуты этим рассказом и положили на де-

рево такой зарок, чтобы никто, взлезши на него, не мог без разрешения хозяина слезть назад. Прежде всех попался прежний вор, хотевший опять попользоваться чужими грушами. Пошутив над ним, добряк-бедняк уходит в лес набрать себе хвороста. На крик вора прибегают два соседа, взлезают, чтоб снять его, и не могут слезть сами. Возвратившись, добряк-бедняк отпускает их, взяв только с вора обещание не воровать вперед. Вскоре после того приходит смерть. Она чрезвычайно удивлена тем, что бедняк-добряк встречает ее без всякого страха. «Что мне бояться тебя? (говорит он) какое у меня удовольствие в жизни? У меня нет ничего на свете, кроме этой лачужки и грушевого дерева. Если мне и жаль чего-нибудь, так разве только жаль расстаться с этим деревом, кормившим меня столько лет». И он просит позволения сорвать грушу, тогда он будет готов идти вслед за смертью. Смерть согласна и идет с ним к дереву. Бедняк смотрит на грушу, висящую на самой высокой ветви, и просит у смерти ее косу, чтоб снять грушу. «Добрый молодец с оружием своим не расстается (говорит смерть): взлезь и сорви руками». — «Разве ты не видишь, что я насилу держусь на ногах: могу ли я взлезть на дерево?» — говорит бедняк. «Хорошо, — говорит смерть, — я за тебя взлезу» и взлезает, но не может слезть назад. Тут бедняк начинает подсмеиваться над нею. «Как ты смеешь мною шутить? меня все бояться». — «Тебе все подвластны, так зачем же ты вздумала обижать меня, бедняка?» Пока они бранятся, время идет; множество умирающих дожидаются и не могут дожидаться смерти. Ей надобно спешить, и она принуждена заключить условие с добряком-бедняком: если он спустит ее с дерева, она уж не будет беспокоить его до конца мира. Таким-то образом бедняк никогда и не выводится на земле. Смерть проходит мимо его двери, даже не смея осведомиться о его здоровье, и пока будет свет стоять, будут стоять бедные лачужки, а в них будут жить бедняки. В биографическом роде чтение простого народа во Франции составляют истории Фра-Дьяволо, Картуша, Гаргантюа (в которой скрывается зародыш романа Рабле), Вечного Жида и, наконец, Наполеона. Далее, кроме множества книжек, благочестивых по заглавию, но большею частью наполненных суевериями, следуют «Полные письмовники», «Руководства, как должно держать себя» и романы. Вот одно из «правил, как должно держать себя в обществе». «Если вам случится чихнуть в обществе, отвернитесь в сторону, закройте платком, шляпой или рукой, чихайте; потом отблагодарите тех, которые пожелали вам «доброго здравия» или должны были пожелать, хотя и не пожелали — это все равно; отблагодарив их, попросите извинения за то, что прервали разговор». Романы простонародной литературы большею частью остатки средневековых романов. Известнейшие из них «Елена Прекрасная», «Ричард Бесстрашный», «Гаймоновы дети», «Гюон Бордосский». Из новых романистов народ читает Лесажа, мадам Коттен, Флориана¹³, «Робинзона Крузо», «Гулливеровы путеше-

ствия» и «Арабские ночи». — Первоначальные итальянские и английские газеты хорошо известны; не так известно начало немецких газет; а между тем они древностью не уступают ни английским, ни итальянским. В половине XVI века, когда начинались первые газеты в Венеции, большие торговые немецкие дома чувствовали уж необходимость меняться новостями и торговыми известиями. В числе этих рукописных извещений (первые венецианские газеты, начавшиеся с половины XVI века, также были рукописные) самые замечательные по своему содержанию — издававшиеся в Аугсбурге под покровительством знаменитого торгового дома Фуггеров, и в конце XVI века достигшие формы и объема, уже близких к современным газетам. Почти каждый день являлся нумер, под заглавием *Ordinari Zeitungen* — «Обыкновенные ведомости»; часто издавались и дополнения с новейшими известиями под заглавием *Extraordinari-Zeitungen*. Подписная цена годового издания с доставкой на дом была 25 флоринов. Их собрание, обнимающее 1568—1604 годы, хранится в Венской библиотеке и представляет очень важный материал для истории того времени. Обилие известий, сообщаемых этим изданием, объясняется обширностью торговых сношений дома Фуггеров. Он имел агентов во всех землях и вел постоянную корреспонденцию со всеми значительными торговыми домами. Его банкирские операции и займы, которые через него заключались, ставили его в близкие сношения с очень многими правительствами и государственными людьми. Кроме того, дом Фуггеров оказывал много денежных услуг иезуитскому ордену и часто получал от него важные сведения. Корреспонденты фуггеровской газеты часто упоминают о важных лицах, через которых получали сообщаемые сведения. Об интересных делах в газете помещается, как и в наше время, несколько разных корреспонденций, пополняющих одна другую; о делах темных собираются и очень основательно разбираются все слухи; наконец корреспонденты говорят и о том, какое впечатление было произведено событием на различные классы общества и на соседние народы. Приведем несколько примеров, достаточно показывающих важность фуггеровской газеты для истории того времени. В одном из номеров находим подробный рассказ кальвиниста Томаскона о смерти Марии Стюарт; в других — несколько писем о смерти Дона Карлоса; несколько писем об убийстве маркиза Позы. Борьба Нидерландов с Испаниею, вероятно, возбуждала в современниках самый живой интерес: почти каждый день газета получает письма о ней: в том числе много есть присланных из штаб-квартиры герцога Альбы и из канцелярии герцога Оранского. Рядом с этими рассказами помещено много важных документов, из которых иные сохранились только здесь и неизвестны по другим источникам. В конце 1595 года газета рассказывает, по протоколам парижского парламента, процесс Жана Шателя и сообщает подлинные документы, к нему относящиеся¹⁴. Чрезвычайно важны донесения иезуитов о гугенотских войнах во

Франции; религиозные междоусобия в Германии также рассказываются со всею подробностью. Корреспонденты ордена иезуитов сообщают газете много известий о Персии, Китае, Японии, Америке. История Восточной Европы также занимает много места в газете. Из Польши получает она письма очень часто. Письма из Турции, доходящие от Константинополя до Аугсбурга в шесть или семь недель, еще многочисленнее: их бывает в год около ста. Между ними есть несколько писем султана Генриху IV и Елисавете Английской. Чрезвычайно обильны также известия из Венгрии, дающие подробный отчет о речах, говоренных на сеймах, о пасквилях и сатирических песнях против немцев. Не одни только политические новости сообщаются корреспондентами газеты, но также и литературные. Часто упоминается о представлениях новых комедий. Так, например, говорится, что в 1590 году давали в Вене комедию Олоферн и Иудифь, и под именами этих лиц вся публика узнала Генриха IV и город Париж, который тогда он осаждал. Известия о путешествиях, описания отдаленных земель, празднеств и т. п. можно сравнить с фельетонами нынешних газет. Есть также много известий о судебных делах. Особенно часто излагаются процессы алхимиков и колдуний. Описываются также бури, землетрясения, наводнения, состояние жатвы, одним словом все новости. Наконец есть объявления о продающихся товарах и т. д. Одним словом, характер фуггеровской газеты очень похож на характер нынешних газет. Важнейшее различие в том, что она допускает несколько языков, а не исключительно писана по-немецки. Многие корреспонденции помещены в ней на итальянском языке, который был тогда общим купеческим языком; ученые и духовенство пишут свои корреспонденции по-латыни; есть также письма французские, английские и т. д. Судя по этому, надобно полагать, что круг читателей газеты ограничивался одними учеными людьми и купцами.

Переходя к историческим книгам, укажем, прежде всего, из сочинений, относящихся к греческим древностям:

Афинский акрополь (l'Acropole d'Athènes, par E. Beulé). — Второй том этого сочинения говорит о важнейших памятниках афинского «верхнего города», Парфеноне и храме Эрехтея; потому считаем достаточным ограничиться изложением его содержания: памятники, описываемые в первом томе, не столь интересны, как знаменитый храм Минервы.

Парфенон был построен на месте другого храма Минервы, сожженного персами, и Белэ¹⁵ считает его остатками части колонн и карнизов, употребленных, в числе других материалов, на постройку северной стороны стены, окружающей Акрополь. Имя Парфенона во всех пробуждает воспоминания об одном Фидии; но ему принадлежат только барельефы, украшавшие храм, план которого начерчен Иктином, строителем всего Акрополя. Долго имя Иктина было совершенно забываемо, и только в последнее время, при более внимательном изучении развалин, оставшихся

от его построек, поняли всю гениальность этого архитектора и стали произносить его имя, имя строителя Парфенона рядом с именем скульптора. Одно из величайших прав Иктина на славу — изобретение, сообщающее такую грацию линиям Парфенона: Иктин придал им слабую, едва чувствительную дугообразность, один или два вершка на сто футов. Только недавно заметили это легкое движение, сообщенное всем частям здания, от ступеней, на которых оно покоится, до карниза, и в нем нашли тайну чудного эффекта, производимого Парфеноном, и той грации, которой напрасно ищет глаз в других величественных зданиях. Но если прекрасна постройка Парфенона, то еще прекраснее скульптурные его украшения, и, воздавая должное Иктину, Белэ еще более удивляется Фидию. Из двух парфенонских фронтонов один, по свидетельству Павзания, представлял рождение Минервы, другой — спор ее с Посейдоном о том, кому быть покровителем Афин. Из них второй, поставленный на западной стороне здания, был изваян Алкаменом¹⁶; восточный, представлявший рождение Минервы, — произведение Фидия. Алкамен придал своим фигурам чрезвычайно старательную окончательную отделку, между тем как Фидиевы, рассматриваемые изблизи, казались во многих частях отделанными грубо. Потому афиняне отдавали предпочтение работе Алкамена, пока фронтоны не были поставлены на свои места: тогда-то увидели, что Фидий не хотел дать своим фигурам слишком тонкой отделки потому, что, рассчитывая действие перспективы, исполнил свой фронтон именно так, чтоб он производил магический эффект, будучи видим из отдаления; и тогда единогласно было решено высокое превосходство его произведения. Но было бы ошибочно думать, что резцу этого ваятеля была недоступна тонкость и нежность отделки, что его работы всегда имели только декоративные достоинства, что в них есть только величие и мало грации. Основываясь на близости Фидия к временам старинного греческого искусства, долго полагали, что существенный характер его произведений — грациозность, соединенная с простотою, доходящею до суровости, лишенная разнообразия и прелести. «Теперь (говорит Белэ), когда они лучше исследованы, нельзя не признать в них роскоши, очаровательности, грациозности, в сравнении с которою позднейшие статуи кажутся изнеженными. Никогда не достигало искусство до такой роскошности в драпировке». Исследования Белэ представляют также новые материалы для решения спорного вопроса о том, раскрашивали ли древние свои барельефы. Долго казалась нелепою самая мысль об этом; потом открытие нескольких раскрашенных обломков заставило многих броситься в противоположную крайность и думать, что древние архитекторы и ваятели раскрашивали свои произведения, как декоратор свои кулисы. На самом деле греки слегка оттеняли красками монотонный колорит мрамора, но с большою осмотрительностью и не так щедро, как утверждали в последнее время некоторые ученые.

Сочинение Белэ включает в себе очень подробные и основательные изыскания о всех памятниках, развалины которых украшают нынешний Акрополь, и представляет много довольно нового для истории греческой архитектуры.

История Лондонской биржи, Джона Френсиса. Существенное содержание этой книги — история английского государственного долга и спекуляций, основанных преимущественно на его облигациях. До Вильгельма III почти не было в Англии того, что называется консолидированным государственным долгом. В затруднительных финансовых обстоятельствах правительство обращалось не к помощи кредита, тогда еще слишком слабого, а к временным налогам и тому подобным средствам. Так, например, Генрих I¹⁷ брал пошлину с норфолькского купечества за покровительство его торговле, с города Ярмута за подтверждение муниципальной грамоты, с одного аббатства за подтверждение прав его на леса. Ричард I, по возвращении из крестового похода, отбирает назад свои поместья, проданные пред отправлением в поход; Генрих III налагает секвестр на все товары в королевстве, чтоб взять выкуп; Эдуард III продает монополии и т. д.; то же самое продолжалось при королеве Елисавете и Стюартах. Наконец восходит на престол Вильгельм III; с его времени начинается система правильных займов, и постепенно государственный долг возрастает до нынешней своей подавляющей Англию массы — до семи тысяч миллионов руб. сер., из которых почти две тысячи миллионов не поступали никогда в государственное казначейство и внесены в долговую книгу как незаконное, тайное вознаграждение членам парламента за продажу голосов министерствам, которые не могли держаться без подкупов, или как тайное вознаграждение банкирам и подрядчикам за разные сделки, нужные министерствам для поддержания своего существования. Эти злоупотребления родились вместе с началом английских займов: из 44 000 000 фунтов, занятых при Вильгельме III, в 25 миллионах фунтов (150 000 000 р. сер.) нельзя было отдать удовлетворительного отчета. Такой пример не оставался без подражания. Голоса членов парламента постоянно были покупаемы. В 1763 году согласие парламента на мир с Францией было куплено, и нам осталось об этом свидетельство Меке, одного из лиц, через посредство которых была производима уплата: «Я купил (говорит он) 40 голосов по 1 000 фунтов (6 000 р. сер.) и 8 других по 500 фунтов». Вальполь был столь же щедр¹⁸. Однажды, за его обедом, на который были приглашены члены парламента, подававшие за него голос, каждый гость нашел на своем куверте под салфеткой билет в 500 фунтов (3 000 р. сер.). Кроме получения подарков, средством обогащаться была (и продолжает быть в Англии и Франции) покупка и перепродажа облигаций государственного долга, или так называемая биржевая игра. Она достигла в Англии страшных размеров с половины XVIII века; страсть к ней господствовала тогда не только между записными спекулянтами, но и

в кругу высшего общества. Члены парламента не стыдились писать поддельные письма, которые потом, отвезенные за границу, присылались к ним по почте, так что толпа обманывалась, принимая их за действительную корреспонденцию. Таким образом, поддельные известия, благоприятные или неблагоприятные, смотря по надобностям составлявшего их, разносились по бирже и поднимали или понижали цену фондов, как требовала выгода спекулирующего. Но обманываемые банкиры прибегали к своим средствам для вознаграждения убытков: они подкупали лакеев, писмоводителей, любовниц тех людей, которые раньше других могли знать новости, подкупали даже их родственников и пользовались в свою очередь. Страсть спекулировать всем породила, наконец, такой отвратительный и пагубный для людей совершенно посторонних род ажиотажа, что правительство принуждено было принять против него свои меры. Как скоро спекулянты узнавали, что какой-нибудь вельможа опасно болен, тотчас же начинались пари о том, выздоровеет или умрет он и когда именно умрет. Журналы публиковали ежедневно, как высоко стоят пари «за» и «против», «умрет» и «нет». Можно судить, какое впечатление производили на больного объявления, что «вероятно, его жизнь в очень большой опасности, потому что на бирже не соглашаются держать 10 против 100, что он выздоровеет». Наконец эти отвратительные пари вошли в такую моду, что лондонские купцы должны были принять меры против них и объявили, что не будут поручать дел своих биржевым агентам, через посредство которых заключаются эти гнусные пари. Точно так же заключали пари о том, какой успех будут иметь военные действия, какого числа дана будет битва и т. п. Журналы вообще служили органами для распространения ложных слухов. Верный успех почти всегда ожидал тех, которые для своих финансовых проделок прибегали к этому средству и печатали известия о кровавой битве, поражении, победе и т. д.

При заключении займов министерство бывало принуждено доставлять своим парламентским союзникам постыдное участие в их выгодах; точно так же бывало и при учреждении лотерей в пользу государства. Однажды из 60 000 всего числа лотерейных билетов было роздано даром небольшому числу членов парламента 22 000, на сумму 44 000 ф. (275 000 р. сер.). Подкуп обнаружился; и когда начались по этому случаю прения в парламенте, то открылись еще новые факты подобного же рода. Узнали, что в 1763 году Фокс (отец знаменитого оратора) получил 100 000 фунтов (600 000 р. сер.), Колькрефт и Дормонд по 70 000 фунтов, правитель банка 150 000 (900 000 р. сер.) для членов банка и 50 000 фунтов для себя, что другие члены парламента получили суммы, не менее значительные. Министерства успевали подобными средствами приобретать содействие палат; но расплата бывала затруднительна: в 1779 не могли сделать займа менее, как по 8 процентов; в 1780 году целая половина нового займа была

роздана членам парламента; один из них получил более 750 000 руб. сер. Лица, непричастные этим сделкам, восставали против них в сильных речах, но бесплодно. Главнейшими средствами раздавать деньги своим партизанам * были следующие: или открывали при займе добровольную покупку и выдавали облигации, не получая денег; так обогащали членов парламента; или заключали контракты с банкирами и писали в контрактах большую сумму, нежели была уплачиваема казне в действительности; так приобретали содействие банкиров. В 1783 году, при займе в 12 000 000 фунтов, заимодавцы получили выгоды 7 700 000 фунтов (более 55 000 000 р. сер.). Против обвинений за такое громадное пожертвование министры должны были оправдываться тем, что их предшественники не оставили в казне ни шиллинга наличных денег. Не при одних займах так сорили государственными деньгами: все подряды, контракты, сделки были заключаемы подобным образом. Подрядчики наживали громадные богатства; народ смотрел на них, как на грабителей, и самое имя их было ненавистно. При министерстве Пелэма, члены парламента, его поддерживавшие, получали ежегодно, почти как официальное жалование, от 500 до 800 фунтов (3 000—5 000 р. сер.), смотря по своей важности и усердию.

Заметки о Сандвичевых островах, Гэолэ (Sandwich Island Notes, by a Häölè) ¹⁹. Сандвичевы острова — один из очаровательнейших архипелагов Тихого океана. Чистая, прозрачная атмосфера, волнообразные очертания долин, высокие горы, каскады, роскошная растительность, благорастворенный климат равно увлекают ученого, моряка, купца, посещающего эту цветущую группу. Говорят, что даже Южно-Азиатский архипелаг, при всей своей роскошности, не так восхитителен. Чрезвычайно выгодное положение на пути между Европою, Америкою и Восточною Азиею придает Сандвичевым островам такую важность, что Ссеверо-Американские Штаты и Англия спорят за обладание ими. «Иностранец» (Гэолэ значит, на языке жителей Сандвичевых островов — иностранец) уверен в том, что, по географическому положению своему, они должны принадлежать и будут принадлежать американцам, которые, по его справедливому мнению, воспользуются этою группою гораздо лучше, нежели воспользовались бы их соперники. А между тем обозрим по его заметкам современное состояние прелестного уголка земли, превозносимого всеми путешественниками со времен Кука.

Сошедши с корабля, «Иностранец» прежде всего отправился в построенную из кораллов столицу островов, Гонолулу. Первый визит он сделал Тамеамеа, или, как он пишет, Камегамега III. Дворец Тамеамеа покрыт соломою. У входа стоят две будки, и подле них расхаживают двое часовых. У Тамеамеа есть военные силы. В приемной зале висит портрет первого министра — прави-

* В смысле: сообщникам. — *Ред.*

тельство островов организовано по-европейски — у Тамеамеа есть парламент. Открывая его заседания, Тамеамеа говорит тронную речь: в ней излагает он свои дипломатические отношения к иностранным державам. У Тамеамеа есть консулы в чужих землях. Он дает утренние аудиенции. На его вечерние балы приглашаются дипломатический корпус и знатные иностранцы (офицеры корвет и шлюпов, купцы и шкиперы). Интереснейшие предметы во дворце, привлекающие всеобщее внимание на этих вечерах: «военное копьё» и «военная мантия». Военное копьё в полуторы сажени длиною, тяжелое, острое, покрытое кровью врагов; военная мантия имеет свою историю: прежде нежели она была окончена при Тамеамеа I, над его отделкою трудились восемь поколений. Она сделана в четыре фута длиною и в полторы сажени шириною. Основа ее — грубое вязанье, по которому искусно нашиты нежные и очень маленькие перышки, расположенные чрезвычайно красиво; цвет их светложелтый, так что мантия кажется золотою. У птиц, с которых собраны золотистые перья, бывает их только по два — по одному под каждым крылом; сами эти птицы (*Melithreptes* — *Rasifica*) очень редки; они водятся только в гористых частях Гавайи, и ловить их чрезвычайно трудно. Пять таких перьев ценятся в полтора доллара (2 р. с.). Вычислено, что для мантии пошло их не менее, как на миллион долларов. Из этого мы видим, что «военная мантия» вполне достойна удивления. Она и копьё — наследие старины, когда на архипелаге беспрестанно свирепствовали междоусобные войны и жизнь короля протекала в походах. Теперь раздоры умолкли, потому что водворилось просвещение. В самом деле просвещение — на Гавайских островах есть даже коллегиум; он находится в трех верстах на восток от Гонолулу в живописной долине. По уверению «Иностранца», воспитанники и воспитанницы этого заведения получают образование, какое можно получить не во всяком из английских коллегиумов. Заведение имеет, по отзыву Гэолэ, прекрасную библиотеку из нескольких сот томов, хороший минералогический кабинет, коллекцию раковин и т. д., и очень замечательное собрание полинезийских редкостей. Заведение должно быть в самом деле недурно, потому что в нем учатся дети многих почтенных европейцев и американцев, рассеянных по архипелагу. «Я присутствовал (говорит Гэолэ) на экзаменах 1853 года и не мог не удивляться успехам учеников. Я не ожидал встретить преподавание наук в таком раз- мере среди Полинезии. Программа заведения подтвердит справедливость моих слов. Вот она: арифметика, алгебра, естественная история, физиология, история, английская грамматика, география, туземный язык, французский язык, латинский язык, греческий язык. Об успехах можно судить по тому, что при мне ученики переводили Саллюстиево *Bellum Iugurthinum*» *.

* Югуртская война. — *Ред.*

Но просвещаемые таким образом жители архипелага не избегли общей участи дикарей, сталкивающихся с образованными племенами, участи прежде перенимать дурные стороны, нежели хорошие качества от своих новых знакомцев. Сандвичевы острова до сих пор еще служат местом пристанища для нескольких сотен американских и особенно английских бродяг, от которых туземцы не могли научиться ничему доброму и вредное влияние которых до сих пор еще очень заметно в нравах островитян, несмотря на противодействие со стороны нескольких образованных людей, поселившихся между ними. Вследствие пороков, заимствованных у европейцев, туземное народонаселение быстро вымирает, и должно опасаться, что через несколько времени оно совершенно исчезнет. Островитяне стали вялы, хилы нравственно и физически; они лишились всякой энергии, которою так богаты были их предки, оставившие громадные памятники своей предприимчивости и силы — обширные квадратные пространства, обнесенные стенами из известняка; внутри построены жертвенники; вокруг еще видны следы городов, свидетельствующих о цветущем могуществе жителей. Предания островитян полны воспоминаний о временах благосостояния и силы и о последующих бедствиях; есть сказания о том, как страшное наводнение затопило богатейшую из долин, унесло в океан поселения и их жителей. Вообще должно предполагать, что еще прежде появления европейцев настали для островитян времена бедствий, причины которых остаются загадочными. Знакомство с европейцами окончательно изнежило и ослабило туземцев. Но вот описание одной из тех построек, которые говорят о прежних веках могущества. Здание находится на самом берегу моря. В длину оно имеет семьдесят сажен, в ширину более двадцати. Стены внизу толщиной более четырех сажен, вверху более одной сажени; средняя высота их две сажени. Они уже начинают разрушаться. Предание говорит, что для их построения сошлись все жители острова и что камни были переносимы из долины, лежащей за двадцать верст. Жители стояли рядами по всему этому пути, плотно друг к другу, и камни были передаваемы из рук в руки, как это иногда бывает у нас на пожарах, когда устраивается цепь, передающая ведра. Масса здания громадна; эпоха его построения неизвестна, но должна быть очень отдаленна, потому что вулканический камень уже покрыт толстым пластом мха. Здание было языческим храмом, и внутри его есть полуразрушившиеся жертвенники; в стенах сделаны ниши, в которых стояли грубо иссеченные идолы. Ныне жители не способны ни к какому усилию, и, рассказывая какой-нибудь случай, в котором видны черты самоотвержения, даже просто глубокой привязанности, Гэолэ всегда прибавляет, что случай этот редкое исключение из общего правила.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВ, НАУК И ПРОМЫШЛЕННОСТИ *

<ИЗ № 11 ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1854>

Парижская опера: Штольд, Бозио и Крувелли. — Рашель. — Théâtre lirique. — Актриса Жорж на будущей выставке. — Экспедиция Дюма для открытия Северной Америки. — Брюссельская выставка изящных искусств. — Ослабление холеры в Лондоне. — Жатва. — Дело о литературной собственности. — Альберт Смит. — Альбом и стол, поднесенные прусскому принцу. — Рельефное изображение луны. — Наводнение в Силезии. — Годичное собрание «Британского общества для спешествования успехам наук». — Вступительная речь об успехах астрономии и метеорологии; карты ветров и течений, Мёри; гармонирующие цвета в растениях; австралийская экспедиция. — Положительное известие о гибели Франклина. — Люди с хвостами. — Подводный телеграф Средиземного моря. — Тоннели у древних. — Новая система паровых машин. — Добывание газа из воды. — Выводы де-ла-Рива о северных сияниях. — Новости литературы: «История Англии», лорда Мэгона. — «Описание Сиамского царства», Пальгуа. — «Исторические заметки об Австралии», Рудзиндо Сальвато.

Оперный сезон в Париже начался. Зала оперы, поступившей, как мы говорили в одном из предыдущих обозрений, под непосредственное заведывание правительства, отделана заново и, по отзывам журналов, чрезвычайно великолепно: повсюду бархат, позолота; освещение залы также улучшено. Все это было бы хорошо, если б состав труппы соответствовал внешнему богатству театра; но именно труппы-то и недостает парижской Оперы. Примадоннами наступившего сезона будут Штольд и Бозио — певицы далеко не первоклассные. Потому парижане могут смотреть с удовольствием на убранство лож, но едва ли найдут возможность слушать своих певиц и певцов с большим удовольствием. Фельетонисты парижских журналов могли бы утешиться этими соображениями в том грустном для них нововведении, что нынешнее управление Оперы не хочет выдавать им даровых билетов, как делалось прежде. Едва ли можно много жалеть о потере права слушать таких артистов, какими должен довольствоваться в нынешнем году Париж. Тем не менее театральные рецензенты чрезвычайно недовольны. Они даже предвещают гибель сезону нынешней зимы, потому что журналы будто бы решились, в отместку за отнятие своих билетов, не говорить о представлениях Оперы. Конечно, эта угроза не исполняется: театральные фельетоны появляются в журналах, как и всегда. Тем не менее надобно думать, что злое предвещание сбудется, и парижская Опера в следующую зиму потерпит решительное падение — не от молчания журналистов, а от холодности публики. Теперь рассчитывают уже

* Составлено по журналам: *Revue des Deux Mondes*, *Revue de Paris*, *Revue Britannique*, *Revue Contemporaine*, *Edinburgh Review*, *Bibliothèque de Genève*, *Illustration*, *Illustrated London News*, *Illustrierte Zeitung*, *Magazin für die Literatur des Auslandes*, *Das Ausland*, *Erheiterungen*, *The Athenaeum*, *L'Athenaeum Français*, *Novellen-Zeitung*, *Institut*, *Indépendance Belge*, *Journal des Débats*.

на убыток в 600 000 франков; но по всей вероятности он будет более. Говорят, однакож, что первые представления оперы были не совсем неудачны. Бозио и Штольц стараются петь по возможности хорошо. София Кривелли¹, знаменитая примадонна прошлого сезона, недавно скрылась из Парижа за несколько часов до спектакля, в котором должна была петь; говорят, будто бы она оставила записку, в которой объясняет, что причина ее поспешного отъезда — вступление в брак и что по прошествии медового месяца она возвратится на сцену, если то позволят семейные отношения, в которые она вступает. Сколько можно судить по отзывам журналов, единственная хорошая певица в Париже теперь — Кабель; но она поет не на Большой Опере, а на сцене *Opéra-Comique*; и напрасно старались переманить ее из этого любимого парижанами театра в итальянскую труппу. Из певцов Итальянской оперы также нет ни одного особенно хорошего. Концерты нашего знакомого, Шульгофа, который недавно приезжал в Париж, вероятно доставили знатокам и любителям больше истинного наслаждения, нежели сомнительное пение Штольц и Бозио. Знаменитый пианист произвел неописанный фурор, так что его принимали восторженнее, нежели самого Листа. Впрочем и в Опере сильно аплодировали — только не певцам или певицам, а двум цивилизованным дикарям Ван-дименовой земли, появившимся в одной из лож Оперы. Эти гости из племени папуасов приехали в Париж пожить и повеселиться. В Париж ожидают также какого-то кохинхинца, страшного богача. Журналисты предвещают, что парижане найдут его очень милым и любезным, потому что он привезет около восьми или десяти миллионов с намерением оставить их в Париже. Возвратимся, однакож, к театрам. Рашель, которая грозилась разорвать все связи с *Théâtre Français*, как грозилась уж десять раз, опять, по обыкновению, не сдержала угрозы и попрежнему играет на этой сцене. Число новых пьес ее репертуара значительно увеличилось. Французские журналы говорят о «Медее», драме Легувé, «Розамонде», драме Латура² и еще о третьей пьесе, написанной для Рашели Скрибом. Но другая театральная распря — между Перреном, который был назначен директором *Théâtre Lyrique* и «Обществом драматических писателей» — не уладилась мирно, как это предвещали: Перрен отказался от места, и теперь ожидают, что директором Лирического театра будет назначен Брандюс, издатель музыкальных произведений (его магазин есть и в Петербурге, соединенный с книжным магазином Дюфура). Одна из прежних знаменитостей французской сцены, Жорж, получила очень странное, но тем не менее приятное вознаграждение за пользу, которую некогда приносила театру: ей дано правительством право во время предстоящей всемирной выставки содержать прислугу, которая будет принимать на сохранение трости и галоши посетителей. Рассчитывают, что Жорж получит от этой неблестящей привилегии более 25 000 рублей серебром выгоды. Если к этим новостям, не представляющим осо-

бенной важности, прибавить, что холера в Париже прекратилась, что перестройки продолжаются с прежнею деятельностью, что парижское общество уж возвратилось из деревень и с вод, то едва ли не истощится весь запас известий о Париже за последний месяц. Можно только упомянуть о слухе, более или менее неправдоподобном, будто бы какому-то «очень плодовитому и талантливому писателю» (конечно, Александру Дюма) американцы сделали предложение, чтоб он ехал описывать Соединенные Штаты и сочинять романы из американской жизни. Североамериканцы непременно хотят сделаться известны Европе и единственным верным средством обратить на себя внимание парижан считают романы Дюма, который прославил «Трех мушкетеров» и столько героев. Романы и путешествия его будут в одно время выходить двумя изданиями: на английском языке в Соединенных Штатах и на французском в Париже. Французское издание будет оставаться исключительною собственностью «плодовитого и даровитого писателя», а за английское будут платить ему по 10 000 долларов (13 000 р. сер.) за том. Едва ли надобно прибавлять, что этот слух — пустой пух: североамериканская литература теперь богата собственными писателями несравненно лучшими, нежели французские, и не имеет никакой надобности нанимать для своего украшения Александра Дюма или кого-нибудь другого. Столь же недостоверны противоречащие слухи о том, какой прием нашли в Северной Америке Гризи и Марио. Одни известия говорят о баснословном энтузиазме, о чудовищных сборах; говорят, что сбор одного представления простирался до 600 000 франков; другие утверждают, будто бы Марио и Гризи были встречены очень холодно и уж думают возвратиться в Европу. Говорят, будто бы Рашель также собирается отправиться в Америку; ее брат Рафаэль Феликс, заведывающий сценическими предприятиями сестры, уже поехал, говорят, нанимать труппу и прискивать квартиры. Путешествие будет продолжаться год. Рашель даст двести представлений и за каждое будет получать по 6 000 франков, что составит сумму в 1 200 000 франков, или 300 000 р. сер. Итак, Рашель отправляется не на собственный риск, а по контракту с каким-нибудь антрепренером? Кто же это? — известный спекулянтср Барнум, который отыскал кормилицу Вашингтона и устроил нью-йоркскую всемирную выставку? Само собою разумеется, что это известие — пока еще только слух, требующий подтверждения, и, быть может, ложный или слишком рано разнесшийся. Впрочем, давно известно, что Рашель думает побывать в Америке.

В Брюсселе была художественная выставка, довольно богатая хорошими произведениями. Была также художественная выставка в Женеве.

В Лондоне холера прекращается. В нынешнем году продолжалась она менее времени, нежели в 1849, но унесла не менее жертв. Одной из главных причин упорства и жестокости эпидемии лондонские врачи считают нечистоту воды в Темзе и неопрятность

многих частей города; потому полагают необходимым принять решительные меры к очищению Темзы, водосточных труб и т. д. Теперь Лондон не может похвалиться своею рекою: она была бы хороша, если б не была грязна. Воспитательную выставку, о которой мы имели случай говорить, теперь окончательно решено обратить в «Музей национального воспитания», который будет состоять из коллекции учебных пособий всякого рода: глобусов, атласов, рисунков, учебных книг и т. д. Но все еще не решено, где будет помещаться этот музей — в Лондоне или в Сейденгэмском дворце; первое вероятнее, хотя последнее было бы приличнее. Жатва в Англии недурна; тем не менее уж слышатся опасения, что цена хлеба скоро возвысится, во-первых, по случаю прекращения привоза из России, откуда ежегодно получалась одна пятая или шестая часть всего количества иностранного хлеба, нужного для Англии; с другой стороны, по причине сильного неурожая в Соединенных Штатах, которые доставляли одну четвертую или даже одну третью часть ежегодного привоза. В нынешнем году Соединенные Штаты не будут в состоянии выпускать хлеба за границу; очень вероятно, что некоторые области принуждены будут сами покупать его за границею. Говорят, будто бы нынешняя жатва доставит хлеба на половину менее нежели прошлогдняя. Решение английского парламента не признавать действительность контрактов, заключаемых американскими писателями с английскими издателями (о чем говорили мы в прошлом месяце) достигает своей цели — принудить североамериканцев к заключению с Англией трактата о взаимном признании литературной собственности. Американцы скоро увидят, что их писатели так же могут страдать от перепечатки, как и английские. По крайней мере англичане надеются такого последствия. Нельзя, однако, не сказать, что если решение английских лордов и принесет пользу английской литературе, тем не менее в сущности оно несправедливо, по признанию самих английских журналов. Вообще новостей за прошедший месяц в Лондоне вовсе не было, потому что и высшее и литературное общество еще не возвращалось в город из замков, с дач, минеральных вод и т. д. Говорили только, да и то, разумеется, немного, о прощальном рассказе Альберта Смита, который повторял свою повесть о восхождении на Монблан не менее 838 раз³. Число это достаточно свидетельствует, что если англичане скучают, то скучают очень терпеливо: какой город вынес бы 838 повторений одного и того же? Самые любимые публикою пьесы нигде не выдерживают и десятой части представлений без перерывов. Однакож, как ни терпеливо слушали лондонцы пресловутый рассказ, как ни велик Лондон, Альберт Смит заметил, вероятно, что число его слушателей уменьшается и что рассказ надобно оживить чем-нибудь новым. Поэтому он отправляется опять на Монблан, но уж по другой дороге, через Амстердам и Германию, и обещает возвратиться с запасом новых приключений.

Немецкие журналы продолжают печатать статьи о мюнхенской выставке. Подробности относительно достоинства тех или других произведений немецкой промышленности, ими сообщаемые, без всякого сомнения имеют большой интерес для людей, специально следящих за технической частью промышленного производства, но не были бы нисколько занимательны для других читателей. Немецкие мануфактуры совершенствуются — вот все, что должны мы повторить. Довольно живой интерес в немецких любителях искусства возбудили подарки, поднесенные рейнской провинцией прусскому принцу и его супруге по случаю празднования их серебряной свадьбы. Подарки эти: акварельный альбом рейнских видов и серебряный стол, на верхней доске которого вырезан рельеф, изображающий церемонию поздравления. Резьба прекрасна, но, по устаревшему обычаю скульпторов, все лица драпированы греческими хламидами. Рисунки альбома, исполненные лучшими немецкими акварельными живописцами, по общему отзыву, превосходны, и альбом ценится в несколько десятков тысяч талеров. В Бонне выставлено теперь другое произведение немецкого искусства или мастерства, еще более интересное — рельефное изображение того полушария луны, которым она обращена к земле. Полуглобус сделан в огромном размере (две с половиною сажени в диаметре). Основа его деревянная, покрытая слоем гипса, на котором чрезвычайно отчетливо вытиснены все возвышения и углубления. Имя художника, трудившегося несколько лет над этим прекрасным произведением — Дикерт; он работал под руководством немецкого астронома Юлиуса Шмита. Ночью, постепенно подвигая освещение вокруг этой искусственной луны, можно наглядным образом объяснить зрителю, каким образом по длине тени, отбрасываемой лунными горами, астрономы измерили их высоту и успели составить чрезвычайно подробные и точные карты поверхности спутника нашей земли. Коснувшись таким образом астрономии, скажем, что в сентябре открыта еще одна новая планета, принадлежащая к многочисленной уже группе астероидов, обращающихся между Марсом и Юпитером. Теперь вместе с нею считается их 31. Открыл ее американский астроном Фергюсон, наблюдатель Вашингтонской обсерватории.

Прежде нежели перейдем к новостям наук, скажем, что осенью нынешнего года ужасное несчастье постигло одну из прусских провинций — Силезию. С 18 до 21 августа, в продолжение четырех суток, по всему пространству Силезии лил непрерывный, чрезвычайно сильный дождь. Водосточные канавы и рвы переполнились, улицы были затоплены водою. Никто, однако, еще не предвидел ужасных последствий этой погоды. Но скоро речки и реки начали подниматься страшным образом. В 12 часов дня 19 августа глубина речки Пегель в Ратиборе была еще только 12 футов 8 дюймов, а в 12 часов 20 августа возросла до 22 фут. 8 дюймов: в течение одних суток вода поднялась на полторы сажени. Плотины были сломаны водою, и началось страш-

ное бедствие. Все долины Верхней Силезии были затоплены; сады, парки, огороды опустошены, жатва уничтожена, весь хлеб с полей унесен. Опустошения в Нижней Силезии были еще ужаснее. Вся окрестность Бреславля обратилась в необозримое озеро; часть самого города была затоплена. Пегель поднялся почти на две сажени выше обыкновенного уровня. Жители старались укрепить плотины; солдаты гарнизона были прикомандированы помогать горожанам. Все было напрасно. 24 августа Пегель сломал все плотины и разлился по городу; в следующую ночь разлился Одер. Половина улиц была покрыта водою более нежели на аршин. Множество домов разрушено; мука и другие съестные припасы унесены водою. Такие же явления повторялись в прочих городах и селах. Убытки, произведенные наводнением, простираются до 15 миллионов рублей серебром.

Десятки огромных страниц английских журналов за октябрь месяц наполнены отчетами о годичном заседании «Британского общества для споспешествования успехам наук» (British Association for the advancement of science), и надобно сказать, что в заседаниях его отделения прочитано множество важных для науки записок и интересных обзоров современного состояния различных отраслей математических и естественных наук. Мы по необходимости должны отложить до следующего месяца полное обозрение заседаний Общества по отделам: математических наук, химии, геологии, географии, статистики и механики; здесь ограничимся только извлечением из вступительной речи президента, лорда Гэрроби (Harrowby), и двух или трех других записок. Прежде всего заметим, однако, что Общество, ежегодно переносящее место своих собраний из одного города в другой, ныне собиралось в Ливерпуле.

Сначала, по записке, составленной известным английским астрономом Чоллисом, лорд Гэрроби обзореваает успехи, сделанные в прошедшем году астрономиию.

В продолжение года, протекшего со времени предыдущего собрания Британского общества, открыты четыре новые планеты и четыре кометы. Из планет три открыты лондонскими астрономами, в том числе две Гиндом (который уж прежде открыл восемь планет) и одна Метсом (Maith). Последняя была в следующую же ночь усмотрена с Оксфордской обсерватории — новый пример, доказывающий, как часто открытия делаются двумя лицами в одно время, независимо друг от друга. Четвертая планета открыта с Билькской обсерватории близ Дюссельдорфа Лютером, который уж прежде открыл две планеты. Из четырех комет одна открыта в Берлине, две в Геттингене, а четвертая была видима простому глазу в конце марта. Ни одна из них не признана тождественною с известными прежде кометами. Большое число планет и комет, открытых в последние годы, свидетельствуя о неумолимости наблюдения, в то же время расширило поле астрономической деятельности и вызвало основание новых обсерваторий не только

правительствами, но и частными людьми. Так, не говоря о нескольких обсерваториях, основанных частными лицами в Англии и Франции, в протекшем году устроена подобная обсерватория одним из жителей Моравии близ Ольмюца. Открытия планет, делаемые при помощи сличений настоящего положения звезды с прежними, показали также необходимость полнейших и точнейших звездных каталогов; работы по их составлению особенно деятельно производились на Гринвичской и других английских и на Пулковской обсерваториях. Замечательны также: каталог 12 000 звезд, составленный гамбургским наблюдателем Рюмкером, и каталог прямых восхождений 30 186 звезд, от 9-й до 12-й величины, составленный Купером. Определение астрономической долготы места посредством гальванических сигналов должно называть важным усовершенствованием практической астрономии. Такой метод, придуманный в Америке, перенесен теперь в Европу, и посредством его с невозможною прежде точностью определено взаимное астрономическое положение Гринвичской обсерватории с одной стороны, с другой — обсерваторий: Кембриджской, Эдинбургской, Брюссельской и Парижской. Точность определения расстояний по этому способу простирается до двух аршин. Энке также воспользовался им в прошедшем году для определения долготы Берлина от Франкфурта-на-Майне. Гальванизмом воспользовались в астрономии также для постоянного согласования хода часов, находящихся в различных местах. Сказав несколько слов о геологии, лорд Гэрроби переходит к новейшему приложению метеорологии.

«Едва ли (говорит он) надобно распространяться о том, как много услуг практической жизни обещает оказать метеорология. В этой науке представляются едва ли не самые поразительные примеры того, какую важность приобретают факты, повидимому, маловажные и почти не имеющие отношения один к другому, когда их собрано много. Что непостояннее, повидимому, ветра и моря? Что менее подлежит вычислению и закону? «Коварное море», «капризная волна» — эти выражения обратились в пословицу. А между тем наблюдение и сравнение принесли уж много пользы науке и людям в этом случае и скоро принесут еще более. Известно, что североамериканское правительство, по настоянию лейтенанта Мори (Maury), которому и поручено было впоследствии это дело, уже несколько лет собирало от своих купеческих судов наблюдения относительно известных морских феноменов, как-то: ветров, прилива и отлива, течений и температуры океана; и что выводы из этих наблюдений, распределенные по таблицам, занесенные на карты, уже дали возможность в замечательной степени увеличить быстроту и безопасность плавания. Известно также, что североамериканское правительство обращалось к великобританскому с предложением содействовать ему в этом деле, общепользном для всех мореходных наций, и в Англии теперь учреждена особенная комиссия, для заведывания собираемым

и классификациею подобных наблюдений. Понимая всю важность предмета, я просил капитана Физ-Роя (Fitz-Roy), директора комиссии, сообщить мне сведения о настоящем положении вопроса, и он составил для прочтения вам следующие записки (мы представляем здесь извлечение только из первой, имеющей общий интерес; вторая говорит о текущих распоряжениях английской комиссии). Морская торговля развилась ныне по всему земному шару до беспрецедентной огромности; соперничество между купеческими судами достигло такой степени, что цена грузов и прибыльность торговли более, нежели когда-нибудь, стали зависеть от краткости и безопасности плавания; потому приобрел величайшую важность вопрос об определении кратчайших и безопаснейших морских путей. Развитие пароходства, общее стремление совершать плавание по прямой линии, на сколько то позволяють встречаемые на пути земли, течения и ветры, заставило искать точнейших сведений о всех посещаемых частях океана. «Главное дело моряка знать, где найти попутное течение и благоприятный ветер» — это аксиома; но в настоящее время такое знание очень неполно. Оно много подвинулось вперед изданием «Карт ветров и течений» от североамериканского правительства, по предложению и под наблюдением лейтенанта Мори. Изучая эти карты, мореходцы успевают значительно сокращать свои плаванья — во многих случаях одною четвертою, в других даже целою третью времени, какое употреблялось прежде. Побуждаемые такою очевидною пользою, морские державы составляли в Брюсселе конвенцию из ученых морских офицеров для определения правил метеорологических морских наблюдений; потом все купеческие суда были приглашены и приглашаются производить их для пользы мореплавания. Такое обязательство принято многими, особенно североамериканскими шкиперами. Английское правительство также снабдит даром известное число судов, ходящих в отдаленные плаванья, нужными инструментами. Польза предлагаемых наблюдений очевидна из следующих цифр. Карты, изданные лейтенантом Мори, сократили плавание в Америку *третьею* частью. Если б путь английских судов в Индию был сокращен только одною десятою частью, то на одной плате за провоз торговля выиграла бы 1 500 000 руб. сер.; оценивая фрахт (плату за провоз на корабле) европейских товаров, отправляемых ежегодно в другие части света, в 120 миллионов руб. сер., мы увидим, что сокращение путей только одною десятою частью принесло бы торговле выигрыш в 12 000 000 руб. сер.; кроме того, новая выгода будет получаться от того, что корабли будут, при благоприятнейших условиях плавания, служить долее, люди будут менее подвергаться болезням и т. д.

«Теперь я перехожу (продолжает лорд Гэрроби) к обозрению других отделов нашего общего дела, имеющим ближайшую связь с моими личными занятиями, именно: к этнографии, географии и статистике». Вслед за тем он подробно объясняет необходимость

решать экономические вопросы на основании статистических цифр; говорит об успехах применения строгих математических начал к рассмотрению различных явлений общественной жизни; указывает на «Ценз Англии и Шотландии за 1851 год», приведенный к концу в предыдущем году, как на чрезвычайно важный труд; объясняет, какой огромной пользы может ожидать наука от общеевропейских статистических конгрессов, подобных брюссельскому конгрессу прошедшего года. Наконец обращает внимание на текущий вопрос в Англии: введение десятичной монетной системы (какая существует, например, в России и Франции) и на составление полугодовых земледельческих отчетов, которые могли бы служить важным пособием для земледельческих и торговых соображений. Потом, переходя к географии, он перечисляет важнейшие из ученых экспедиций, совершенных или предпринятых в прошедшем году; путешествия в средину Южной Америки, по рекам Парагваю, Амазонской и Ориноко; в Австралии по реке Моррею; путешествия Ливингстона и Эндерсона по Южной Африке, Барта и Фогеля в Центральную Африку⁴. Мы сообщим известия об этих экспедициях в следующем месяце; здесь же упомянем об одной австралийской, потому что представляем также в нынешний раз извлечение из одной интересной книги об этой части Света. Не можем, однако, прежде не сказать несколько слов об интересных наблюдениях, доказывающих, что краски различных частей растения соединяются в природе одна с другою не случайным образом.

В предыдущем году профессор Мэк-Кош обратил внимание ученых на то, что гармонические, дополнительные или соответственные краски очень часто встречаются в природе вместе. После того он имел случай пополнить свои наблюдения, особенно при помощи своего товарища доктора Дики (Dickie), занявшегося подобными исследованиями. Прежде всего напомним, что гармонирующими цветами называются те, сочетание которых приятно для глаза, например: розовый и зеленый, пурпуровый и желтый, оранжевый и синий. Наука нашла общий закон их соответствия в том, что эти цвета, будучи смешаны один с другим в известной пропорции, дают белый цвет, и глаз, раздражаемый одним из них, успокаивается на другом. Мэк-Кош приводит следующие случаи гармонии цветов в растительном царстве: 1) зеленый гармонирует с красным или красноватым. Это самое обыкновенное совпадение. Листья растения зеленого цвета; цветки, ягоды или плоды чрезвычайно часто бывают красного или розового. Часто зеленым листьям соответствует красный или красноватый цвет молодых ветвей и побегов, на которых они растут. 2) Пурпуровый с желтым. Очень часто лепестки цветка пурпурового цвета, а пестик и тычинки желтого. Особенно заметно совпадение пурпурового с желтым осенью, когда, из увядающих листьев, одни становятся пурпуровыми, другие желтеют. 3) Оранжевый и синий или оливковый. У синих цветков пыльник часто бывает оранже-

вый или оливковая чашечка. Вообще, совпадение дополнительных цветов замечается так часто, что необходимо должно иметь основание в физиологии растений. При распределении цветов должна действовать сила поляризации, по которой одна из противоположностей (напр. красный цвет) вызывается другою (зеленым); некоторые следы этого заметны и в красках птиц; например, 1) очень часто соединяются черный и белый цвета; 2) красно-желтый с темным; 3) красный и зеленый (напр. в перьях попугая). В записке доктора Дики приведено много примеров такого соответствия, и автор выводит из них несколько общих законов; важнейших два: 1) один из основных цветов, красный, желтый или синий, непременно находится в той или другой части каждого растения; 2) с тем вместе непременно бывает в растении дополнительный его цвет (зеленый при красном, пурпуровый при желтом, оранжевый при синем) или в том же самом органе, или на другой части растения; если гармонирующие краски не соединяются в растении в одно время, то одна из них сменяется другою при дальнейшем развитии растения.

Из всех многочисленных географических записок, прочитанных членами Общества, мы выбираем, как сказали, только известие об открытиях австралийской экспедиции, потому что об Австралии говорится также в другом месте нашего обозрения. Капитан Стерт (Sturt), один из участвующих в австралийской экспедиции, сообщает, что убежден в существовании большого внутреннего моря или озера, лежащего прямо на юг от реки Виктории. Он думает также, что на севере должна быть плодородная земля, между 16° и 20° южной широты, 120° и 133° долготы. Доктор Блондель, его спутник, убежден в необходимости послать новую экспедицию с северного берега во внутренность материка. Уильсон, геолог экспедиции, выставляет на вид важность исследования Северной Австралии, где климат и почва удобны для возделывания сахарного тростника и хлопчатой бумаги и где не будет недостатка в китайских рабочих. Он также уверен, что золото найдется в северных и восточных австралийских горах, как найдено в южных, потому что геологический характер их одинаков. Теперь новая экспедиция, которой требуют эти ученые, уже снаряжается.

Много было говорено в заседаниях географического отдела о судьбе Франклина, и некоторые выражали еще надежду, правда, слабую, что отважный путешественник, может быть, еще жив. Теперь надежда должна исчезнуть. Ужасная судьба Франклина и его спутников известна. Они погибли среди снегов от голода, после того как их корабль был раздавлен льдами на запад от Баффинова пролива. Вот рапорт, присланный английскому правительству доктором Ри, который занимается исследованием восточных частей северной оконечности американского материка:⁵

«Во время своего путешествия, совершенного весною текущего года с целью пополнить географические сведения о землях, лежащих на запад от Баффинова пролива, я встретил в заливе Пелли

эскимосов. Один из них сказал мне, что толпа белых людей погибла от голода в некотором расстоянии от Пеллийского залива на запад, невдалеке за большой рекою, на которой находятся пороги. Я получил от него несколько подробностей о их судьбе. Эти сведения окончательно рассеивают все сомнения об участии людей, принадлежавших к экспедиции сэра Джона Франклина. Вот краткое исчисление известий, мною собранных:

В начале 1850 года толпа белых людей, состоявшая человек из сорока, была замечена эскимосами, бившими тюленей на северном берегу острова короля Вильяма. Люди эти шли по прибрежному льду и тащили за собою лодку. Никто из них не говорил по-эскимосски; но знаками они объяснили туземцам, что корабль их раздавлен льдами и что теперь они ищут дичи. По виду этих людей, которые все, за исключением одного офицера, были очень худы, было заметно, что они сильно нуждались в съестных припасах. Они купили у туземцев несколько тюленей. Потом, в ту же весну, нашли эскимосы на берегу тридцать трупов, и еще пять других на соседнем острове, на северо-восток от большой реки, называемой туземцами Уткохайкалик (Oot-ko-hi-ka-lik), по всей вероятности, той самой, которую описывает Бэк под именем Рыбной реки.

Некоторые трупы были похоронены, вероятно, людьми, пережившими этих первых жертв голода; другие трупы лежали под палатками, третьи под опрокинутую лодкою, которая служила убежищем для белых людей; наконец несколько трупов лежали рассеянно по разным направлениям. Один из умерших был офицер, что заключили эскимосы по двухствольному ружью, лежавшему подле него, и потому, что у него на перевязи был телескоп. По искажениям на многих трупах было видно, что несчастные, пережившие своих товарищей, доведены были голодом до каннибальства. Пороху, повидимому, имели они еще много. Эскимосы говорят, что насыпали кучу его, опоражнивая найденные пороховницы; они также нашли много пуль и свинцу; кроме того, были найдены компасы, часы, телескопы, ружья. Все эти вещи были разломаны эскимосами, у которых я купил обломки. Я также купил у них несколько ложек и вилок, принадлежавших погибшим. Прилагаю при этом рапорте список важнейших из купленных вещей и снимки вензелей и начальных букв, которые нашлись на них. Самые вещи передам правительству по прибытии в Лондон.

Из тех эскимосов, с которыми я говорил, ни один не видел белых сам и не ходил на места, где найдены их трупы. Им рассказывали о всем, сообщенном мною, другие туземцы, видевшие белых и нашедшие трупы их. Джон Ри, начальник арктической экспедиции».

В числе вещей, купленных доктором Ри, находится серебряное блюдечко с именем Джона Франклина и другие вещи с именами офицеров, участвовавших в экспедиции. Ри прибавляет, что нет оснований предполагать каких-нибудь неприязненных поступков

против погибавших со стороны эскимосов. Несчастные путешественники погибли от голода и стужи.

Теперь доктор Ри уже прибыл в Лондон. По его соображениям открывается, что Росс и капитан Белло находились в нескольких милях от места, где погибли Франклин и его спутники.

В противоположность этому трагическому рассказу сообщим комическую развязку неправдоподобной сказки, которую, однако, были обмануты многие ученые.

Несколько времени назад возобновились старинные рассказы об африканском племени людей с хвостами. Многие путешественники говорят, что абиссинцы хорошо знают это племя и часто имеют случай видеть хвостатых людей. Они называются ниям-ниам и живут в пятнадцати днях пути на юг от Харара или в горах, отделяющих бассейн Восточного Нила от Западного. Тремо, участвовавший в экспедиции, посланной Мехмедом Али на юг от Египта для отыскивания золота и посетивший эти места, объясняет теперь эти странные слухи самым простым, но вполне удовлетворительным образом. «Быв в Фа-Зогло, за Сеннаром (говорит он), я был удивлен рассказами туземцев. Люди, у которых мы расспрашивали о племенах, в землю которых нам должно было ехать, называли их то «людьми с хвостом», то «людьми в шкуре». Я ожидал увидеть чудеса. Но в земле гумусов, гурумов и хомоче встретился я с этими загадочными людьми, и мои надежды на удивительное зрелище рассеялись. «Люди с хвостом» — нагие дикари, которые носят только опояску, подобно многим другим дикарям; но дело состоит в том, что сзади к этой повязке прикрепляется довольно большой кусок звериной шкуры, книзу выкроенной клинообразно: и очень часто кусок этот оканчивается довольно длинным ремнем, похожим на хвост. Кожу привешивают они по очень простому соображению: чтоб на ней было мягче сидеть, нежели голым телом. Ремешок остается для того, чтоб можно было, взявшись за него, ловко поправлять кожу, если эта подушка как-нибудь выбьется из-под сидящего».

Говоря в предыдущий раз о построении подводного электрического телеграфа между Европою и Африкою, мы остановились на том известии, что часть каната, которая должна лечь между итальянским берегом и северною оконечностью Корсики, привезена в Геную и, вероятно, ее погружение совершится успешно. Теперь она уж погружена с большим торжеством: сардинский министр публичных работ и многие другие сановники лично присутствовали на пароходе, погружавшем канат во время операции, продолжавшейся более четырех суток. Собственно погружение заняло немного времени; но часто надобно было приостанавливаться для различных поправок в механизме, посредством которого спускался канат, в глубоких местах скоро портивший машину своею огромною тяжестью (иногда часть каната, бывшая на весу, тянула более ста пудов); но все затруднения были побеждены, и теперь доказано опытом, что возможно проложение подводных телегра-

фов и в тех местах, где море имеет более 400 сажен, в чем многие не были уверены. Между тем как на южной границе Сардинского королевства пролагался этот гигантский канат, на северных границах начата другая работа, еще громаднейшая. Уж давно говорили о необходимости соединить Италию с Францией и остальной Европою посредством железной дороги; но Альпийский хребет представлял, казалось, непреодолимые препятствия осуществлению такого смелого замысла. Теперь начато проложение железной дороги из Швейцарии в Пьемонт, от Женевы до Турина, через Mont-Cénis, который прорежется тоннелем в 10 верст длины. Заговорив о тоннелях, скажем кстати об открытии, недавно сделанном в Сиракузах. Существование таких работ у греков и римлян было известно из многих свидетельств древних писателей; теперь нашли остатки водопровода, посредством которого остров Ортигия, составлявший часть Сиракуз, сообщался с другими частями города, лежавшими на материке Сицилии, и чрез который воды знаменитого фонтана Аретузы были проведены на Ортигию. Водопровод устроен на две сажени ниже дна морского пролива, разделяющего остров от материка.

Возвратимся, однакож, к новому времени.

Человека преследует мысль о *perpetuum mobile*. Напрасно механика старается доказать ему, что невозможна машина, которая двигалась бы собственной своей силою, не будучи поддерживаема подкладываньем каких-нибудь новых материалов, истребляемых машиною для того, чтоб двигаться; люди все-таки стараются отыскать самодвижущуюся машину; напрасно Парижская академия наук решила не рассматривать записок, излагающих новые планы построения *perpetuum mobile* — все-таки ей присылается ежегодно несколько десятков записок, трактующих об этом. И не должно думать, чтоб одни невежды, незнакомые с механикою научным образом, увлекались мыслью о *perpetuum mobile*: Лейбниц до конца жизни трудился над его устройством. Итак, не удивительно, что ныне один ученый итальянец говорит, что придумал машину, которая, если б действовала так, как он надеется, была бы истинною самодвижущеюся машиною. Нам кажется, что он не достигнет цели, которая, по его мнению, уже почти достигнута. Изложим, однакож, устройство его «гидро-динамической батареи» (*pile hydro-dinamique*); оно очень просто. Ученые давно уж умеют разлагать воду посредством гальванической батареи. Известно также, что теплота может быть легко превращаема в электричество или гальанизм; известно также, что газы, соединение которых образует воду, горят с чрезвычайно сильным пламенем, будучи зажигаемы вместе в той самой пропорции, в какой соединяются они в воде. На этих фактах основана система ученого, о котором мы говорим и которого имя Кароизио. В его машине вода разлагается гальваническим током на свои составные части: водород и кислород; переходя из жидкого состояния в газообразное состояние, они приобретают объем в несколько тысяч раз больший

того, какой имела вода. Этою силою расширения, действительно громадною, Карозио пользуется для того, чтоб приводить в движение поршни машины, движущиеся в цилиндрах, как у нынешних паровых машин. Одним словом: до сих пор его гальванический ток делает то же самое, что огонь в наших паровых машинах. Но, подняв поршни, газы выходят из цилиндров не бесполезно, как пар из цилиндров локомотивов, а для того, чтоб соединиться и сгореть, опять образуя воду. Теплота, развивающаяся при их горении, употребляется на поддержание гальванического тока. Таким образом гальванический ток, поддерживаясь собственными своими произведениями, питает сам себя. Все это теоретически справедливо. Но, говоря о том, что теплоты, развивающейся от горения, будет совершенно достаточно для поддержания первоначальной силы гальванического тока, Карозио, кажется нам, забывает о законе «утраты сил при превращении», по которому, например, движущая сила, получаемая посредством паровой машины, будучи обратно превращена посредством трения или термоэлектричества в теплоту, даст теплоты уж гораздо менее, нежели было употреблено для произведения движения. Таким образом, и гальваническому току Карозио, несмотря ни на какие улучшения машины, теплоты, развивающейся от горения его произведений, будет недостаточно для того, чтоб поддерживаться в первоначальной силе. Карозио уж заметил уменьшение превращающейся силы в своих машинах, но приписывает его не сущности процесса, а посторонним влияниям, которые надеется устранить. Не разделяя этой надежды, можно, однакож, сказать, что идея Карозио принесет со временем плоды. В самом деле, разлагая воду на газы, мы, кроме силы расширения, можем пользоваться еще силою горения, и потому, когда ученые найдут средство устраивать сильные гальванические батареи дешевым образом, то выгоднее будет приводить машины в движение силою гальванизма, дающего двойной продукт: движение и теплоту, или вторичное движение (газы расширяющиеся и, кроме того, воспламеняющиеся), нежели силою паров или нагретого воздуха. Дело состоит в приискании дешевых источников гальванизма.

Между тем разложение воды для добывания из нее газов уже начинает иметь приложение в практике.

Парижский инвалидный дом освещается теперь, в виде опыта, газом, получаемым из воды. Такая система уж введена в Мадриде и, по уверению изобретателей, представляет возможность сократить издержки почти вдвое сравнительно с прежним способом добывания газа из органических веществ (ныне добывают его преимущественно из каменного угля). Газ получается из воды двумя путями: или пропускают водяные пары через слой тлеющего кокса, причем кислород воды поглощается горением и остается чистый водородный газ; этим путем добывается с апреля нынешнего года газ для 17 000 рожков, освещающих Мадрид; второе средство добывания — разложение воды электрическим током.

Компания, взявшая привилегию на это изобретение, рассчитывает, что от введения нового способа добывания газа в Париже, в издержках города и частных магазинов на газовое освещение можно будет сделать экономию до 10 миллионов руб. сер. Она получает газ, как мы говорили, пропуская водяные пары через кокс; будет ли в техническом отношении выгоден способ добывания водородного газа через разложение воды гальваническим током — еще неизвестно. Изобретатель его, Шепар (Cheppard) делал опыты пока только в малом размере, и они удавались ему. Для того, чтоб вода легче разлагалась, предварительно вливают в нее разные вещества, например серную кислоту.

Де-ла-Рив издал большое рассуждение о северных сияниях⁶, содержание которого сокращаем в следующие шесть положений:

1) Все наблюдения согласно доказывают, что северное сияние происходит в нашей атмосфере и состоит в светлом кольце, которого диаметр может иметь различные величины, а центр совпадает с магнитным полюсом.

2) Опыт, производимый в весьма редком воздухе над соединением двух электричеств близ полюса сильного искусственного магнита, показывает, что тут является светлое кольцо, подобное кольцу северного сияния.

3) Итак, надобно полагать, что северное сияние происходит от соединения в полярных странах положительного электричества атмосферы с отрицательным электричеством земли. В странах экваториальных эти электричества бывают разделены действием солнца.

4) Соединение электричеств — явление постоянное, но с переменным напряжением, смотря по состоянию атмосферы. Итак, северное сияние должно являться ежедневно, но в различных размерах, и потому бывает видимо на больших или меньших расстояниях, и только в ясные ночи.

5) Явления, сопровождающие северное сияние, как, например, клочковатые облака (*cirro-stratus*), особенно же возмущения в магнитной стрелке, служат подтверждением его электрического происхождения.

6) Южное сияние, сколько можно судить по немногим наблюдениям, во всем сходно с северным и объясняется тою же самою причиною.

Упомянув о новом рассуждении Де-ла-Рива, не можем не известить наших читателей, что тот же физик, наконец, издал первый том своего большого сочинения: *Traité de l'électricité* *. Препровождая книгу в Парижскую академию наук, Де-ла-Рив уведомляет ее, что издание замедлилось потому, что к концу последней главы он присоединил теорию магнетизма и диамагнетизма; теорию совершенно новую и, по его мнению, совершенно удовлетвори-

* Трактат об электричестве. — Ред.

тельную. Он долго обдумывал столь трудный предмет, и только в прошедшую осень удалось ему положить твердое основание учения, которое объясняет все явления, до сих пор остававшиеся непонятными. Такой отзыв самого автора заставляет с нетерпением ожидать его книгу в Санктпетербург. Когда она получится, мы отдадим о ней полный отчет.

*История Англии от утрехтского до версальского мира (1713—1783), лорда Мэгона*⁷. Том VII. (History of England by Lord Mahon). — VII томом оканчивается сочинение лорда Мэгона. Оно не отличается ни глубокомыслием, ни блестящим слогом, но читается очень легко и составлено добросовестно. В суждениях своих о людях автор старается быть беспристрастным и большею частью достигает этого. В последнем томе, недавно вышедшем, рассказывается окончание войны с американскими колониями и покорение Индии; но интереснейшая глава его — «Жизнь и нравы английского общества в XVIII веке». Представляем здесь несколько отрывков, извлеченных из обширных выписок английского «Атеней».

«Три года назад француз, приехавший в Шотландию, с каким-то изумлением смотрел на тихие и мирные сцены, его окружавшие. «Мои парижские приятели советовали мне пускаться в Шотландию не иначе, как запасшись пистолетами и шпагой, потому что я отправляюсь в страну Роб-Роя», — говорил он, объясняя причину своего удивления. Эти предусмотрительные парижские друзья запоздали в своих понятиях о Шотландии всего только на одно столетие; потому что действительно еще ста лет не прошло с того времени, как Роб-Рой выказывал свою удаль и не впускал в свои горы безнаказанно. Но осторожный француз ошибся бы также не более, как сотнею лет, если б вздумал вооружиться с ног до головы, подвезжая и к Лондону; потому что, восемьдесят или девяносто лет назад лондонские дороги также были небезопасны от разбойников. Шайки их разъезжали верхом на бойких лошадях, доставая себе порядочную поживу от путешественников. В царствование Георга I⁸ разбойники прибили на воротах многих зажиточных лондонцев записки, приказывавшие хозяевам, под страхом смерти, не выезжать из города без хороших часов в кармане или десяти гиней в кошельке. Экипажи частных людей и почтовые транспорты одинаково бывали останавливаемы. Так, например, в 1775 году, Нотхэлли, друг лорда Чатама, возвращаясь из Бата с женою и сыном, был остановлен разбойниками, стрелявшими по его карете, и умер от испуга. В том же году почтовый служитель, везший почту из Норвича в Лондон, был убит близ Эппингской Роуи, сам застрелив троих из семи разбойников, напавших на транспорт. И не должно думать, чтоб такие случаи бывали тогда редки. Старожилы рассказывают их десятками. Большею частью, однакож, отделялись от разбойников только потерей денег и пожитков. Грабежи по дорогам стали особенно часты около 1780-х годов. Вальполь пишет около

этого времени из своего поместья в Строберри-Гилле, что, прожив там спокойно сорок лет, он не может теперь выйти на версту из дома без двух лакеев, вооруженных мушкетами. Были в то время вельможи (из них знаменитейшим был граф Беркли), славившиеся смелостью в делах с разбойничьими шайками. Рассказывают, будто бы однажды лорд Беркли, проезжая в сумерки по Гонсловским Кустам, вздремнул и вдруг был разбужен негодяем, который, стоя в дверцах кареты, держал пистолет у его груди. «А, вот и попался! — говорил разбойник, — а хвастался, как мне говорили, что никогда не дашь себя ограбить!» — «И теперь не поддайся бы, — отвечал лорд Беркли, опуская руку в карман, будто бы за кошельком, — если б из-за плеча у тебя не уставился на меня другой молодец». Разбойник обернулся взглянуть, что за неожиданный товарищ хочет с ним делиться добычей, и в этот миг лорд, выхватив из кармана пистолет, застрелил его наповал».

Кто бы мог поверить, что таково было благоустройство в Англии в конце XVIII века? Впрочем, теперь мошенники с больших дорог переселились в самые города и, судя по рассказам о лондонских ворах, не остаются в проигрыше. Вот несколько сведений об Оксфордском университете и о воспитании в Англии около 1780-х годов.

«Нельзя не признаться, что и духовенство и деревенские джентльмены очень во многих случаях выказывали недостаточность образования. В этом виновны были оба английские университета, но особенно Оксфордский. «Я слышал, — говорит Свифт, — не от одного и не от двух джентльменов лучшего общества, что в Оксфорде и Кембридже не могли они научиться ничему, кроме того, как только пить эль и курить табак. Я совершенно верю им и мог бы привести еще несколько сот примеров того же, виденных мною собственными глазами в одном из упомянутых городов», — он говорит об Оксфорде. Гиббон рассказывает, что наставник, на руки которому был он отдан в Оксфорде, только брал деньги и не обращал никакого внимания на занятия воспитанника, ни одного раза в целую зиму не напомнив будущему историку, что он не посетил ни одной лекции, и среди учебного времени Гиббон⁹ разъезжал то в Бат, то в Лондон, то по Бокингэммову графству. То же самое подтверждает и свидетельство доктора Джонсона. Вот его рассказ: «В первый день по поступлении я слушал своего наставника, мистера Джордена, а потом четверо суток не показывался ему на глаза. На шестой день мистер Джорден спросил меня, куда я пропадал. Я отвечал, что катался на коньках». Это оправдание было принято, как совершенно удовлетворительное. Лорд Эльдон¹⁰, окончивший курс в 1770 году, так рассказывает о своем экзамене на ученую степень: «В мое время экзамены в Оксфорде были комедией. Меня экзаменовали из еврейского языка и из истории. «Как называется по-еврейски лобное место?» — «Голгофа». — «Кто основал Оксфордский университет?» — «Я отвечал (может быть, и не совсем справедливо): «король Альфред». — «Очень

хорошо, сэр, — сказал экзаминатор, — вы достойны степени, которой ищете». Репутация Оксфордского университета в половине прошлого века прекрасно объяснена в «Essays» * графа Честерфильда¹¹. Он предполагает совершенно невозможным, чтоб кто-нибудь из людей, хорошо знакомых с Оксфордским университетом, решился отдать в это заведение своих детей».

«Недостатку хорошего воспитания и образования, — продолжает лорд Мэгон, — мы должны отчасти приписать господствовавшую в конце XVIII века страсть к игре и пьянству. Удивительно, как много тогда выпивалось вина, несмотря на его высокую цену. Пьяниц было чрезвычайно много. Лорд Эльдон рассказывал мне об одном из почтеннейших людей того времени в Оксфорде, что он, встав из-за стола, ходил всегда придерживаясь за стены и заборы. Однажды ему случилось итти мимо Радклифской библиотеки, круглого здания, стоявшего отдельно, и он бесконечно ходил кругом, вовсе не замечая, что в двадцатый раз идет по тому же самому месту, пока уж встретившийся знакомый — кажется, лорд Эльдон сам — не объяснил ему, в чем дело, и не вывел на прямую дорогу. Даже и те, которые не были для своего времени записными любителями пиров, очень подолгу просиживали за бутылками. В Шотландии люди лучшего общества, сядя обедать в четыре часа, вставали из-за стола в десять или одиннадцать. Иногда бывали эти попойки по крайней мере оживлены остроумием; но обыкновенно были они в высшей степени пошлы и скучны».

Станным, но характеристическим следствием высокого почтения, которым пользовалось вино, был обычай, что для джентльмена, которому было бесчестно торговать всякими другими товарами, нисколько не считалось неприличным торговать вином и содержать погреб или таверну. Игра свирепствовала не менее пьянства. В этом отношении нравы были около конца XVIII века едва ли лучше, нежели при Карле II, когда лорд Кернервон говаривал, что земля производит лес для того, чтоб джентльмены могли уплачивать карточные долги. Азартные игры запрещались старыми законами; но придумываемы были новые виды их, не означенные в законе ясным образом и потому ускользавшие от наказаний. В 1782 году только в двух округах вестминстерской части города было 296 игорных домов для одной из употребительных тогда азартных игр. Точно так же свирепствовала страсть к лотереям. Что касается скромности нравов, довольно будет привести один из примеров, рассказываемый Вальтер-Скоттом. Его бабушка говорила ему о безнравственных повестях мистрисс Бен: «Эта книга, просматривать которую даже наедине стыдилась бы теперь я, старуха, была во время моей молодости читаема вслух на многочисленных вечерах для собравшихся дам и девиц лучшего общества».

* «Очерках». — Ред.

Из путешествий можно указать очень интересное *Описание Сиамского царства*. (*Description du royaume Thai ou Siam, par Pallegoix*.) Г. Пальгюа¹² пишет очень наивным языком, так что, по справедливому замечанию французского журнала, книга его напоминает простодушные рассказы путешественников средних веков. Но читатели, вероятно, согласятся с нами, что простодушный рассказчик хорошо знает Сиам и умеет ясно и сжато передавать свои наблюдения. Мы выбираем из выписок французского журнала отделение о нравах сиамцев.

«Сиамцы принадлежат к монгольскому племени; средний рост их 5 футов 2 дюйма (2 аршина 3 вершка). Ноги у них крепки и пропорциональны, плечи широки, грудь сильно развита, шея короткая, лоб узкий, глаза черные, с желтоватым белком, нос приплюснутый, волосы черные и жесткие; они оставляют один клочок их на темени, выбривая всю остальную голову. На верхней губе и подбородке вырастает у них всего несколько волосков, да и те они вырывают. Женщины также оставляют на голове один клочок волос, но занимаются им очень внимательно: мажут помадою и старательно причесывают. Маленьким детям часто вовсе бреют голову. Богатые люди щеголяют длинными ногтями; девушки и молодые люди красят их себе в красный цвет. Все стараются иметь черные зубы — это, по их понятию, существенное условие красоты. Для того с младенчества натирают зубы черным порошком, привозимым из Китая. Обычай жевать табак, и особенно бетель, также способствует развитию этой красоты. Костюм сиамцев очень прост: они ходят с босыми ногами; на голове также не носят ничего; одежда ограничивается куском пестрой кисеи, повязанным около поясицы. Девушки и молодые женщины, кроме того, набрасывают через плечо шелковый шарф, так что один конец его висит сзади. Мужчины довольствуются куском белой материи, который служит им для утирания пота или для прикрытия головы от солнечного зноя. Люди среднего сословия редко носят зонтик; знатные, напротив, всегда. Простолудины, вместо шляпы, надевают на голову род корзинки, сплетенной из пальмовых листьев и очень легкой; она одинаковой формы у мужчин и у женщин. Низшие, являясь перед старшими, должны иметь шелковую опояску. Король и его родственники отличаются от подданных не формою, а только богатством костюма и носят обыкновенно китайские башмаки. От середины октября до февраля все носят узкий камзол; у женщин отличается он от мужского покроем. Богачи и вельможи носят в эти месяцы японский камзол, делаемый из китайского шелка очень ярких цветов; покроем он похож на широкую и длинную блузу. Если холодно, сверху надевают шелковый или суконный плащ. У сиамцев сильная страсть к золотым и серебряным украшениям. В самом бедном семействе всегда есть несколько таких вещей. Бедные люди надевают на руки и на ноги своим детям серебряные браслеты; жены их носят серебряные серьги и ожерелья. Богатые наряжают своих

детей и жен множеством браслетов, ожерелий, медальонов, перстней и т. п. из чистого золота. В праздничный день нередко видишь детей, на которых навешено около двух фунтов золотых вещей. Девочки до двенадцати или тринадцати лет носят на опояске золотой или серебряный убор, делаемый в виде сердца. На шею детям вешают металлические амулеты с предохранительными надписями. Девушки вместо амулета носят нитку с семью большими золотыми или серебряными зернами; мужчины также носят на поясе металлический шарик, которому приписывают свойство делать человека неуязвимым.

Сиамцы характера кроткого, легкомысленного, робкого и веселого; они не любят споров, раздоров, ничего похожего на гнев или нетерпение. Они ленивы, непостоянны, рассеянны. Видя что-нибудь любопытное в чужих руках, они тотчас начинают выпрашивать эту вещь себе; получив, тотчас же предлагают подарки с своей стороны в доказательство признательности. К милостыне они наклонны и не пропустят бедного, не подав ему риса или плодов. Сам король каждый день раздает пищу нескольким сотням нищих. В обращении с посторонними женщинами сиамцы чрезвычайно скромны, и законы их очень строги относительно этого. Малейшая ласка может вести к процессу, и уличенный в вольном обращении с чужою женою или дочерью подвергается иногда опасности быть проданным в рабство.

Сиамцы чрезвычайно любят игры и развлечения; можно сказать, что половину своего времени они употребляют на забавы. Они очень умны и понятливы и прекрасно подражают изделиям искусств, привозимым из Европы. Большая часть народа имеет склонность к ремеслам и мастерствам; но как король берет к себе в услуги всех, которые отличатся искусством, то они не имеют случая выказывать своих талантов и работают, так сказать, украдкою.

Сиамский народ замечателен своею кротостью и обходительностью. В столице, городе очень большом, редко бывают серьезные распри; убийство считается случаем, до чрезвычайности необыкновенным; иногда в целый год не бывает совершенно ни одного. Иностранцев принимают они благосклонно; чрезвычайно заботятся, чтоб успокоить и одолжить путешественников; частные люди делают на свой счет дорожки, вымощенные кирпичом, и мосты из досок; строят на известных расстояниях вдоль по рекам домики, где путешествующие могут найти приют, сварить себе кушанье и переночевать. Женщины стирают свою внимательность до того, что каждый день наполняют водою большие кувшины, поставленные на дороге, для утоления жажды прохожего. И не только к людям так добры сиамцы; они добры и с животными; им кажется грешно убить какое бы то ни было существо, хотя бы даже муравья или муху. Однажды я велел своему садовнику убивать скорпионов или змей, которые попадутся ему при копании земли. Он отвечал: «если так, я пойду поискать вам

другого работника; я не хочу делаться убийцею из-за вашего жалования». В известные времена года богатые люди покупают целые суда, наполненные рыбою, которую после того выбрасывают назад в реку, из сострадания к живым существам; по этому же самому побуждению король запрещает охотиться и ловить рыбу каждый месяц осьмого и пятнадцатого числа.

Сиамцы чрезвычайно послушны и оказывают необыкновенную почтительность к властям. Не говоря уж о том, как они благоговеют перед королем, которому отдают почти божеские почести, они оказывают большое уважение и совершенную покорность князьям, мандаринам и вообще всем начальникам. Старость у них чрезвычайно почитается; детей исполнены уважения и внимательности к родителям; нет обиды, которая была бы для них чувствительнее, как оскорбление, нанесенное отцу или матери.

Они чрезвычайно высоко ценят прямоту и искренность: это не значит, чтоб ложь была неизвестна им; напротив, им часто случается лгать, чтоб оправдаться или избегнуть угрожающего наказания.

Вообще можно сказать, что сиамцы гнушаются воровством; это не значит, однако, чтоб не было между ними воров, потому что мандарины постоянно стараются выжать деньги у своих подчиненных; главные начальники обкрадывают мелких, а мелкие — народ. Кроме того, в сиамских областях множество бродяг, беглых невольников, игроков, пьяниц и шалунов, которые всеми силами стараются найти случай украсть плоды из садов, лодки, привязанные у домов, и товары бродячих купцов. Что касается разбойников, они не смеют показываться во внутренних областях и довольствуются грабительством в лесах, кражею волов или буйолов из хуторов, разбросанных по пустыне. Впрочем, разбойников и там очень мало, потому что правительство сильно хлопочет о поимке грабителей, а наместники отвечают за все преступления, совершенные в их провинциях.

Самоубийство, очень обыкновенное в Китае, между сиамцами чрезвычайно редко. Рассказывают два или три примера, что фанатики, из преступного хвастовства, намазывали себе тело маслом и смолою и велели зажигать себя, принося таким образом себя в жертву Будде. Лет двадцать назад один из таких несчастных объявил, что всенародно сожжет себя. Действительно, он взошел на костер; но едва пламя охватило его, он спрыгнул и побежал в реку.

Лет тридцать назад опиум, прежде того времени неизвестный, появился в Сиаме, несмотря на все усилия правительства. Новый король принужден был предоставить торговлю им в монополию китайцам, однако постановил очень строгие законы против сиамцев, которые будут его употреблять. Так было установлено, что сиамец, предающийся опиуму, будет осужден носить китайскую косу и платить в год около тридцати франков штрафа; а кто не захочет ни сделаться китайцем, ни отказаться от опиума, будет

казнен смертью. Нельзя себе вообразить, как пагубны следствия опиума. Чтоб достать себе этого вредного вещества, продающегося на вес серебра, разоряются, продают своих жен и детей; употребление этого медленного яда расслабляет и совершенно лишает физических сил, так что человек становится ни на что не годен. Потребность опиума делается сильнее с каждым днем, и человек начинает красть, чтоб удовлетворить ей; кончается тем, что он умирает в тюрьме от расслабления или, лишась возможности употреблять опиум, начинает страдать кровавым поносом и все-таки неизбежно умирает жалким образом. Принимают его, распуская несколько граммов (золотник или полтора) в кипятке, так, чтоб образовался сироп; им смачивают табак, и любители, лежа на мягких подушках, курят эту смесь из маленьких китайских трубок.

Некоторые сиамцы сеют коноплю, собирают ее листья и курят вместо табаку. Действия такого курения похожи на действия опиума: опьянение и фантастические сны; но следствия не столь пагубны. К конопле заставляет прибегать невозможность купить опиума. Употребление табаку в Сиаме чрезвычайно распространено. Мальчики начинают курить с пяти или шести лет; девочки и женщины не курят, а жуют табак с ареком.

Сиамцы моются два или три раза в день, то купаясь, то обливаясь водою. Этот обычай очень здоров и поддерживает большую опрятность. Они переменяют свою опояску каждый день. Блохи и тому подобные насекомые у них неизвестны; зубы и рот они держат очень чисто. Так же опрятны они в домашнем быту.

Когда наступает время родов, женщину отводят в особенную комнату, где она ложится подле огня, от которого не отходит в продолжение двух или трех недель после родов. Трудно объяснить себе этот странный обычай в земле, столь жаркой; но все убеждены в его необходимости. Матери кормят грудью детей не пять или шесть месяцев, как в Европе, а два или три года, давая им в то же время рис и бананы. С трехлетнего возраста дети хорошо умеют плавать; их бреют почти каждый месяц, чтоб волосы лучше укрепились. С пятого года оставляют им на темени круглый и длинный чуб, которого ни у мальчиков, ни у девочек не бреют до достижения зрелого возраста. Во все эти годы единственное занятие детей обоего пола — играть и забавляться с товарищами. Сбривание чуба — большой семейный праздник; посылают фрукты и пироги в подарок всем родственникам и знакомым; приглашают их на торжество; благоприятный для церемонии час возвещается ружейным выстрелом; жрецы читают над ребенком молитвы, омывают голову его очистительной водою; ребенок украшен всеми драгоценностями, какие могут достать на этот случай; чуб сбривается ближайшими родственниками; оркестр играет радостные песни; подходят все приглашенные, поздравляя ребенка, и каждый кладет в большой золотой или медный таз несколько

денег в подарок ему. Сбор, простирающийся иногда до нескольких тысяч франков, покрывает расходы торжества. В этот день открытый стол для всех приходящих; едят, пьют, курят, жуют бетель, играют в карты и кости; богатые дают спектакль и продолжают праздник на два и на три дня. Когда король сбывает чуб своему сыну, устраивается фальшивая гора с павильоном на вершине, к которому ведет тропинка. В назначенный день составляется процессия из мандаринов, солдат и нескольких сот детей всех племен, живущих в Сиаме. Они великолепно одеты и несут в руках цветы нимфеи. Молодого князя, обвешанного золотыми ожерельями и браслетами, несут на креслах при громе оркестра. Когда процессия проходит мимо окон дворца, князь простирается к ногам отца, который берет его за руку и ведет в храм, где покоится прах предков царствующего дома. Молодой князь поклоняется им. Это продолжается три дня сряду. На четвертый день ему стригут чуб в храме предков; он надевает белый пояс вместо прежнего красного; после того процессия направляется на искусственную гору; князь оmyвается из бассейна, приготовленного внизу, потом с четырьмя знатнейшими сановниками входит в павильон для совершения какой-то суеверной церемонии, содержанием втайне.

Около времени сбывания чуба, немного раньше или позже, родители посылают сына в пагоду учиться читать и писать; там он служит жрецам; они взамену дают ему один или два краткие урока чтения каждый день; все остальное время употребляет он на забавы и болтовню. Нисколько непреувеличенно я скажу, что из сотни детей, проводивших восемь или десять лет в пагоде, разве двадцать выучиваются читать и едва ли десять писать. Образование, сообщаемое там воспитанникам, состоит преимущественно в привычке лениться и в тысячах нелепых сказок. Но прослужить жрецу несколько лет еще недостаточно: буддийская религия требует, чтоб мальчики хотя на некоторое время были посвящены в бонзы, чем и доказана бывает их признательность родителям, по мнению сиамцев, полагающих, что посвящение сына в бонзы спасает отца и мать от мучений ада. Потому-то никто не изъят от этого обряда; сыновья короля также подчиняются обычаю; впрочем, каждому предоставляется полная свобода оставлять сан бонза и возвращаться в свет, когда ему угодно. Боящиеся казенных повинностей не спешат расстаться с желтым платьем бонза; другие остаются в нем, пока соберут небольшой капиталец от подаяний за свои поучения.

Воспитание девушек состоит главным образом в искусстве готовить кушанье, катать сигары и делать бетель. Шить умеют очень немногие, что не удивительно в стране, где вся одежда состоит из простых кусков материи без всякого шва. Девушки ходят за дровами, собирают овощи и плоды, черпают воду, молотят рис, помогают матери в хозяйственных хлопотах. Каждое утро, сидя в почтительном положении у дверей, они раздают милостыню про-

ходящим жрецам; три или четыре раза в месяц носят цветы идолу, подарки бонзам и слушают поучения жрецов, повторяя: *satu, satu* (прекрасно, прекрасно). Дочери простолюдинов хорошие работницы; они помогают родителям в земледельческих и садовых работах и разъезжают продавать плоды в маленьких лодках, которыми очень искусно правят.

Дети очень почтительны к родителям, которые имеют над ними безусловную власть до самой свадьбы: могут их бить, сажать в цепи и даже продавать в рабство. Семейство, запутавшееся в долги, продает одного или нескольких детей для расплаты, потому сиаменц считает себя тем богаче, чем больше у него детей. У простолюдинов большая часть дочерей бывают продаваемы женихам. Организм в этих жарких странах развивается очень быстро, и детей женят обыкновенно рано: 15—17 лет; обычай благоразумный, потому что без него были бы еще более часты случаи похищения и тайных браков; виновные, однако, очень скоро получают прощение; свадьба совершается с большим торжеством. Молодой перед свадьбою строит себе домик подле жилища тестя и живет там месяц или два после свадьбы, прежде, нежели уведет жену в свой дом и разлучит с родителями.

Богатые и знатные люди берут по несколько жен: по закону всегда считается только одна, первая. Ее называют «большая жена», между тем как другие называются «малыми женами». Она истинная хозяйка в доме; она и ее дети наследуют все имущество мужа, между тем как другие жены получают во владение только те вещи, которые муж передал им из рук в руки, или что захочет им отдать наследник. Многие богатые люди имеют двух жен; мандарины имеют иногда по двенадцати; князья до двадцати, тридцати, сорока и больше; у короля их несколько сот. Впрочем, большая часть этих жен содержится ими больше для пышности, и должны были бы собственно называться рабами или служанками, потому что подчинены большой жене.

Развод нередок, особенно между простолюдинами. Когда жена требует разводного письма, муж не противится ей, потому что судьи почти всегда заставили бы его исполнить ее желание; в этом случае он отдает жене ее приданое; дети разделяются так: жена берет первого, третьего и т. д.; муж второго, четвертого и т. д. Если дитя одно только, оно достается матери.

Муж имеет право продать жену, но только тогда, если купил ее, а не тогда, когда она принесла ему приданое. Если муж сделал долги с согласия жены, она отвечает за них; и в этом случае муж имеет право продать ее для уплаты долгов. Напротив, если жена не знала о долгах или не соглашалась на них, она не отвечает. Вообще сиаменцы обходятся с женами хорошо; они имеют большое значение в доме, пользуются почетом, большою свободою; их не держат взаперти, как в Китае. Они являются в обществе, ходят на рынок, прогуливаются в пагоды, по городу, за город и не

должны трепетать ревности мужей. Несчастливы только те, которые попадают в рабство.

Чтоб понять обширность рабства в Сиаме, надобно знать, что законные проценты — тридцать в год. Семейство в затруднительных обстоятельствах всегда прибегает к займам; и так как обыкновенно не в состоянии уплачивать проценты, то скоро долг удваивается, утраивается, и кредитор, по закону, берет в рабство жену и детей должника. Их служба ему считается равною платежу процентов; если муж или родственники явятся уплатить долг, кредитор обязан принять деньги и отпустить взятых в рабство. Недовольные своим господином рабы и рабыни могут пойти к другому, взяв у него выкуп для отдачи прежнему. Впрочем, вообще с рабами обходятся очень человеколюбиво. Они составляют главное богатство сиадца; в семействе бывает их от пяти до десяти; есть люди, имеющие по сорока, пятидесяти и более рабов. Средняя цена раба 300 франков. Рабы составляют по крайней мере четвертую часть сиацкого населения.

Китайцы, живущие в Сиаме, почти все занимаются торговлею или плантаторством, некоторые рыболовством и кузнечным делом. Из настоящих сиацев одни состоят на службе, другие занимаются торговлею; но самое большое число возделывают рисовые поля и сады. Эти рабочие люди сильны и неутомимы; им приходится переносить много трудов в продолжение пяти или шести рабочих месяцев; зато и вознаграждают они себя в остальную половину года, проводимую в праздниках и забавах. Масса народа бедна, однако не терпит большой нужды, потому что в Сиаме нет нищих. Колоссальных состояний нет; богачом называют того, кто имеет хаб серебра (3 000 р. сер.). Богатейший после короля во всем государстве человек не имеет миллиона франков. Богатые сиацы становятся почти всегда тучны, что происходит от обильной пищи и спокойной жизни; они проводят все время сидя или лежа на своих коврах и подушках; оттого народ измеряет толстотою человека его важность.

Едва ли можно от полуобразованного народа ожидать столько вежливости и учтивости, сколько встречается в сиаце. Никогда не пройдет он мимо человека, не поклонившись и не попросив извинения; равные, разговаривая, называют друг друга «старший брат», «старшая сестра»; говоря с пожилыми особами, называют их батюшка, матушка, дядюшка, тетюшка, дедушка, бабушка; назвать кого-нибудь просто по имени было бы невежливостью; вместо «я» говорят они: «ваш слуга». Говорить кому-нибудь «ты» было бы большим оскорблением. «Ты» говорится только рабам или в гнев».

Не так просто и хорошо, как Пальгуа, рассказывает итальянский путешественник, указанием на книгу которого мы закончим свое обозрение; но его суждения об австралийцах интересны в том отношении, что отличаются от обыкновенных понятий об этом племени, как совершенно уродливом и не сохранившем в себе

почти ничего человеческого. Нам кажется, что с автором должно соглашаться только наполовину и, отказавшись от привычки вообразать австралийских туземцев безобразнейшими из людей, надобно остаться при мнении, что нравы их действительно необыкновенно грубы, а ум развит менее, нежели у большей части других дикарей. Но во всяком случае приятно видеть, с каким состраданием и человеколюбием автор старается восстановить в нашем мнении несчастных островитян, о которых почти все привыкли говорить с пренебрежением. Книга, с которою мы хотим познакомить читателей — *Исторические записки о Австралии, Рудезиндо Сальвато*¹³. Физический и нравственный характер австралийских туземцев, обыкновенно изображают в таком жалком виде, что многие считают это племя самым безобразным и слабоумным из всех дикарей. Лучше всего я могу опровергнуть, — говорит Сальвато, — такие понятия об австралийцах свидетельствами путешественников, знавших очень хорошо этих дикарей. Лейхард¹⁴ говорит: «Австралийцы, пока еще не заражены пороками европейцев и не оскорблены их несправедливостями, гостеприимны и не лишены благородных чувств. Их племя не безобразно и наружность австралийца может удовлетворить артистическому взгляду. Сложены они вообще хорошо. Правда, они худощавы, но мускулы у них развиты, телодвижения не представляют ничего неуклюжего». Описание, которое дает этот смелый путешественник, совершенно противоречит понятиям, господствующим в Европе. Эйр¹⁵ в своей «Центральной Австралии» также говорит, что туземцы хорошо сложены. Средний рост их от 5 до 6 футов (2 аршина 2 вершка, 2 аршина 9 вершков); руки и ноги пропорциональны. «Передняя часть головы (прибавляет он) довольно развита, так что лицевой угол у многих чернокожих менее, нежели у австралийцев. Зубы хороши, руки и ноги маленькие и вовсе недурные, стан прям, походка грациозна, глаза большие и выразительные. В родных своих лесах австралиец встречает европейца без боязни, с достоинством хозяина». То же самое говорит доктор Лэнг. Все путешественники, мною приводимые, свидетельствуют, что есть племена, у которых икра хорошо развита; и если у многих других нет икры — что ставят в существенное безобразие всем австралийцам — то, по мнению Лэнга, это происходит не от природного телосложения, а от недостатка пищи. «Часто я встречал австралийцев, которые чертами лица напоминали мне моих европейских знакомых. Особенно часто мне случалось видеть детей от 6 до 7 лет, которые по пропорциональности и красоте телосложения могли бы служить моделями для греческих ваятелей. Женщины, особенно в первой молодости, также прекрасно сложены». Юнбек так описывает туземцев реки Pumice-Stone: «Начальник их племени был мужчина высокого роста, с умною и чрезвычайно выразительною физиономиею. Из женщин, виденных мною здесь, многие были высокого роста; стройному стану и чертам лица двух из них могли позавидовать

европеянки». Эйр, подробно описав тип австралианки, прибавляет: «Я видел молодых женщин, которые могли бы служить моделью для скульптора. В самом деле, если бы у них были длинные волосы, они отличались бы только цветом кожи от европейских женщин. Но то, что волосы у них коротки, вовсе не природное качество, как обыкновенно говорят; напротив, только их обычаи не позволяют отпускать волос ниже плеч, и австралианки обрезают свои прекрасные, густые, длинные и шелковистые волосы». Нет сомнения, что все племена туземцев говорят наречиями одного и того же языка; язык этот нельзя назвать неблагозвучным; гортанных звуков не так много в нем, как в большей части восточных языков; свистящих не так много, как в большей части океанийских наречий. Звучностью своею походит он на испанский язык, нежностью и гармоничностью на итальянский. В особенной бедности также нельзя его упрекнуть, потому что австралийцы с большою точностью выражают на нем все свои мысли. После этих общих замечаний Сальвато переходит к описанию австралийских обычаев.

«Почувствовав приближение родов, женщина уходит от своих родных и садится близ потока, у догорающего костра. Роды бывают очень легки, и роженица не нуждается в помощи бабки. Она сама оmyвает младенца и завертывает его в мех кенгуру или опоссума. Услышав крики малютки, мужчины, сидящие вдали, спрашивают мать, девочка или мальчик родился у нее. Если девочка, они оставляют ее без внимания, но если мальчик, мужчины начинают петь и плясать, и роженице несут лучшие лакомства, какие только найдутся. Через два или три часа она встает и относит сына к отцу, который дает ему имя, заимствованное от какого-нибудь недавнего события. Между этими дикарями нет ни калек, ни уродов. Я слышал, что если дитя родится с каким-нибудь безобразием, его тотчас убивают, как это было в обычае и у спартанцев. Точно так же убивают третью дочь, говоря, что не нужно лишних женщин. Часто убивают и вторую дочь, если младенец беспокоен. Но когда при этом случаются другие женщины, то часто одна из них, одаренная сострадательным сердцем, берет несчастную девочку себе в дочери. Сыновей своих австралианки любят до безумия; страстно любят и дочерей, которых обычаи не обрекают на смерть. Кормят детей они очень внимательно, держат их чисто и опрятно, насколько то возможно при их образе жизни; кормление грудью продолжается более четырех лет, так что иногда одну грудь матери сосет старшее дитя, а другую младшее. Я видывал шестилетних детей, еще сосущих грудь. Потому все мальчики и девочки вообще свежи, здоровы и крепки.

Взрослые сыновья платят своим родителям такую же привязанностью. Когда отец и мать состареются, сыновья сберегают для них лучшие куски дичи, вообще все, что считается лакомством, и защищают их от обид. Молодые люди всех стариков называют «отец», а всех пожилых женщин — «мать». Ранее двадцати

осьми или тридцати лет австралиец не может жениться; за преступление этого обычая наказывают смертью; потому молодые люди вообще чрезвычайно холодны к женщинам. Обычай позволяет иметь двух жен; многие довольствуются одною; более двух я не встречал ни у одного австралийца, кроме тех случаев, когда по дружбе австралиец берет под свое покровительство жену приятеля на время его отлучки или когда к нему по наследству переходят жены его умершего брата. Сватают невест еще задолго до достижения ими брачного возраста; после сватовства девочка продолжает обыкновенно жить до времени свадьбы в доме отца; иногда переселяется и в дом жениха. Согласия девушки никогда не спрашивают, дело решает воля отца. Тем не менее часто слышал я от жениха: «я люблю ее, и она меня любит». Красавиц женихи похищают иногда из отцовского дома, не спрашивая согласия родных, если боятся отказа. Похищают иногда и жен у мужей, если они обходятся с женами дурно. В последнем случае скрываются далеко от обиженного, чтоб избежать его мщения. Красота для австралианки часто бывает причиною несчастий и бедствием для ее родного племени. Красавица беспрестанно в опасности быть похищенной, и похититель всегда уводит ее далеко от родины и родных; а если она не соглашается бежать с желающим похитить, он ее убивает. Поэтому мужья красавиц очень подозрительны. За похищением часто следуют кровавые схватки целых племен; но к чести похищаемых, надобно сказать, что они почти всегда бывают похищаемы против воли. Положение замужней австралианки очень печально. Одно присутствие мужа приводит уж ее в трепет; отчего бы ни происходило его дурное расположение духа, он всегда вымещает на ней свою досаду ударами и даже ранами. Мне часто приходилось силою останавливать раздраженного мужа, чтоб спасти жену от смерти. Если женщина обидит женщину, они расправляются между собою без помощи мужей. Но если мужчина ударит женщину, муж ее отмщает обиду тем, что бьет его жену, несколько не причастную ссоре. За оскорбление чести своей жены туземец всегда мстит жестоко, обыкновенно смертью. В соседстве европейских поселений такая строгость нравов уж исчезла; но в глубине лесов, у дикарей, не развращенных и не униженных колонистами, она вполне сохранилась. Прожив три года между такими племенами, я не заметил ни одной непозволительной интриги.

Имущества у австралийца очень мало. Когда он перекочевывает с места на место, все его вещи укладываются в один мешок из кожи кенгуру, который несет на спине жена. Вот полный список всего богатства австралийца: запас растительного клея (доставляемого растением *xanthorrhoea*), несколько камней, каменных ножей и молотков, жилы кенгуру, столь же необходимые в хозяйстве, как запас клея, мел или гипс для раскрашивания тела, несколько кусков дерева, выдолбленных в виде чашек, шерсть опоссума, несколько веревок, кож кенгуру, зубов этого живот-

ного, кусок сала, которым натираются австралийцы — и только. За плечами женщины, кроме мешка с этими запасами, держится еще ребенок, и бедная идет с трудом под своею ношею; а муж гордо выступает впереди, неся только свое оружие в левой руке и внимательно осматривая все, встречающееся на дороге, в надежде найти что-нибудь годное в пищу. На это устремлены все его чувства, острые до невероятности. Австралиец ясно различает птицу на вершине самого высокого и густого дерева; видит кенгуру, закрытого травой, более нежели за версту; самые легкие следы животного, пробежавшего по дороге. Многие европейцы погибли бы в лесах, если бы их следы не были отысканы при помощи туземцев. Расскажу здесь случай, которого был свидетелем. Двенадцатилетний мальчик, которому велено было пасти наших быков, заблудился. Мы напрасно искали его целый день. На другой день поутру я взял с собою двух туземцев и углубился в леса, решившись не возвращаться, пока не найду мальчика. С места, где паслось стадо, австралийцы побежали по следам, оставленным быками и мальчиком; по временам они останавливались, взлезали на деревья, припадали к земле и, смотря по свежести следов, говорили мне, сколько времени прошло с тех пор, как мальчик был здесь. До самого заката солнца они легко находили эти следы, незаметные для меня. Но вечером пришли мы на каменистое поле, где исчезли малейшие признаки следов. Мы остановились ночевать. Встав на заре, дикари, через несколько часов безуспешных поисков, нашли, что один маленький камешек сдвинут с места. Этого было довольно для них, чтоб отгадать направление заблудившегося, и они отправились далее. Три часа ехал я за ними по камням и, наконец, спросил: неужели они замечают и здесь следы? Они отвечали утвердительно. Я, однакож, сомневался и сказал, чтоб они дали доказательства того, что не ошибаются в поиске. «Посмотри же на этот камешек: он недавно тронут с места», — сказали они. Я сошел с лошади, внимательно всматривался, но не мог заметить, был ли камень сдвинут с места. «Пойдем дальше, найдутся следы яснее». В самом деле, пройдя милю, они показали на песке во впадине большого камня отпечаток трех гвоздей от подошвы сапога. Потом вышли мы на поляну, где была трава, и австралийцы старались объяснить мне, что некоторые листья сорваны рукою человека, а не губами животных. Я признавался, что не замечаю никакой разницы, и они не могли понять, как можно не видеть такой ясной вещи. Наконец дошли мы до места, на котором лежали быки во вторую ночь. Около полудня мои путеводители остановились в восторге. Остановился и я, не видя, впрочем, ничего. Они начали кричать и потом с радостными криками побежали, говоря, что мальчик откликается; но я не слышал его голоса; долго скакал я за ними в галоп, и, наконец, мальчик был замечен мною вдали. Мы сделали более 40 миль (60 верст), пока отыскиали заблудившегося».

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВ, НАУК И ПРОМЫШЛЕННОСТИ *

<ИЗ № 12 ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», 1854>

Занимательность парижских фельетонов. — Возвращение Крувелли. — Фрецуллини и Гассье. — Наследство, доставшееся Мейерберу. — Рашель, не-приговоренная судом играть в драме Легуве. — Жорж опять на сцене. — Flaminio, новая драма Жоржа Занда. — Булонский лес. — Елисейские поля и дворец парижской выставки. — Лондонские новости. — Охота за лисицами и конские скачки. — Выставка, или конгресс малюток в Спрингфильде, в Северной Америке. — Сомнения относительно рассказа доктора Ри о судьбе Франклина. — Потомки древних мексиканцев. — Открытия на месте Вавилона. — Переселения. — «Свадебные обряды в Великобритании» по описанию Punch'a. — Роман Ливера *Семейство Доддов за границею*.

Несколько лет назад некоторые писатели вздумали «ввести в русскую литературу фельетон», хотя фельетон, более или менее остроумный, более или менее неостроумный — не в этом дело — существует в ней с незапамятных времен. Начали доказывать, что в русской литературе фельетон возможен; не только возможен, но решительно необходим; начали доказывать, что в русской литературе возможен остроумный, легкий, живой фельетон, что такой фельетон уж есть; причем, конечно, подразумевалось, что остроумие, живость, занимательность составляют отличительные качества именно их фельетона. Теперь поднялось гонение на фельетон, и гонителями его явились те же самые, которые прежде так убеждены были в его необходимости и прелести; теперь доказывается, что в русской литературе не может и не должно быть фельетона; что хороший, легкий, остроумный фельетон может быть только у французов; что русскому фельетонисту не о чем говорить; что он всегда будет однообразен и скучен. Дело произошло, если не ошибаемся, таким образом: люди, увлекавшиеся любовью к фельетону, писали фельетоны и, сами находя их остроумными и занимательными, были убеждены, что публика разделяет с ними это приятное заблуждение. Но как ни приятно заблуждение, рано или поздно оно рассеивается. Великие, по собственному убеждению, фельетонисты увидели наконец, что публика несогласна с ними во взгляде на их произведения и находит их скучными. *Inde irae!* ** Вот почему и начали они говорить, что хороший фельетон может быть только у французов. Не хотим решать здесь, в самом ли деле интересны русские фельетоны; но говорить, что французский фельетон жив, остроумен, интересен, — значит быть слишкомнисходительным. В доказательство сошлемся на парижские фельетоны последних двух месяцев. О чем говорят они в течение восьми

* Составлено по журналам: *Revue des Deux Mondes*, *Revue de Paris*, *Revue Britannique*, *Revue Contemporaine*, *Edinburgh Review*, *Bibliothèque de Genève*, *Illustration*, *Illustrated London News*, *Illustrierte Zeitung*, *Magazin für die Literatur des Auslandes*, *Das Ausland*, *Erheiterungen*, *The Athenaeum*, *L'Athenaeum Français*, *Novellen-Zeitung*, *Institut*, *Indépendance Belge*, *Journal des Débats*.

** Отсюда гнев. — *Ред.*

или девяти недель? О том, что в октябре была осень и в ноябре также осень, только уж холоднее октябрьской; что в декабре начнется зима; что в октябре общество, уезжавшее на лето из Парижа, начало возвращаться, что в ноябре уж все оно возвратилось, что в декабре начнутся балы; одним словом, та же самая история, какая и в петербургских фельетонах о дачах и возвращении в город. Кроме того, аккуратно сообщались сведения о дождливости или сухости, тепле или холоде воздуха, с дополнениями (если время стоит дождливое), что ненастье всем наскучило, что ясное небо (если началось ясное время) всех обрадовало; одним словом, те же самые шуточные и чрезвычайно остроумные рассуждения о погоде, какие и в петербургских фельетонах. Этим почти и ограничивается запас новостей, находящихся в распоряжении приятного рассказчика. Затем остаются только размышления о том, какие прекрасные здания строятся ныне в Париже, уверения, что через год, много через два, нельзя будет узнать Парижа. Можно вообразить себе, как свежи и занимательны эти объяснения, что они неизменно повторяются уж более двух лет, по крайней мере раз в неделю, если не чаще. Кроме того, неизменно в каждом фельетоне с большим юмором излагается жалоба на недостаток новостей. Все это есть и в русских фельетонах. Зато какая радость, если случится какое-нибудь происшествие, вроде внезапного бегства Софии Крувелли! Какая обильная пища остроумно-легкому рассказчику! Но подобные радости бывают не часто, раз или два в год; зато и толкуют о каждой из них фельетоны целый год, и уж никак не менее полугода. Из этого легко видеть, в какой именно степени живы, разнообразны и занимательны парижские фельетоны. Упомянув имя Софии Крувелли, доскажем конец ее приключений, которые столько времени занимали парижскую публику. Ее удаление из Парижа нарушало контракт, заключенный с театром, потому полиция приступила к описи имущества, оставшегося в квартире певицы, чтоб продать его с аукциона для уплаты неустойки. Узнав о такой опасности, Крувелли воротилась в Париж и объявила, что не думала нарушать контракта и готова петь, сколько угодно дирекции Оперы. Фельетонисты доказывали, что публика не должна прощать подобных капризов, и изъявляли надежду, что возвратившаяся беглянка будет встречена холодно или даже принуждена сойти с парижской сцены. Угрозы и надежды их не исполнились. Публика приняла Крувелли, как принимала всегда. Да и что же было делать, если эта артистка, как ни судить о достоинстве ее пения, лучшая из примадонн парижской Большой оперы наступившего сезона? Голос Фреэццолини, которая также поет в Париже, стал, по отзывам журналов, далеко не так хорош, как прежде. Хвалят госпожу Гассье, молодую певицу: она родом испанка и, говорят, несравненна в роли Розины (в «Севильском цирюльнике»); но тон похвал, впрочем, чрезвычайно громких, показывает, что Гассье только еще обещает быть со временем превосходною певицею¹. Во всяком случае, Фреэццо-

линии и Гассье несколько поддержат Большую парижскую оперу, за которую перед началом сезона совершенно отчаявались. Опера Мейербера «Африканка» (*l'Africaine*), которую надеялись слышать нынешнею зимою, не будет поставлена на сцену так скоро: композитор бережет свое произведение ко времени парижской выставки; а может быть, заставит публику ждать еще дольше. Скажем кстати, что Мейербер, уж и прежде бывший очень богатым человеком, недавно получил наследство в три миллиона франков. Увеличение богатства не ослабит его композиторской деятельности, потому что и прежде он писал вовсе не для денег: доходы, полученные им от парижской сцены за все оперы, которые принесли миллионы в кассу, не достигают, по расчетам парижских журналистов, до пятнадцати тысяч рублей серебром. Скриб, писавший либретто для некоторых Мейерберовых опер, получил в десять раз более дохода, нежели сам композитор. Если в «Африканке» не будут петь парижские примадонны, несмотря на все их желание, то, напротив, Рашель чуть было не играла в «Медее», драме Легувé, несмотря на все свое нежелание. Знаменитая артистка сама просила Легувé написать для нее драму, о которой идет дело; и когда ей казалось, что Легувé медлит исполнить ее желание, писала к нему записки, чтоб он не мучил ее нетерпения играть в обещанной пьесе. Наконец «Медее» написана, отдана в руки театральных судей, признана достойною постановки на сцену; Рашель оставалось только выучить роль и начать неистовствовать, как следует Медее, убивающей собственного брата для избавления возлюбленного Язона, а потом убивающей собственных детей в отищение изменнику Язону. Тогда Рашель объявила, что не расположена неистовствовать. Легувé упраскивает, умоляет, напоминает, что сама же Рашель заставила его написать пьесу. Рашель не хочет играть, не хочет и не хочет. Легувé в отчаянии грозит судом. Рашель объявляет, что не боится этого, потому что чувствует себя правою. Легувé представляет ее записки в суд, «улика налицо и запирается поздно»; но Рашель прибегла к другому средству: обратилась к театральному начальству, которое просто запретило драму Легувé и тем избавило артистку от данного ею обязательства. Актриса, бывшая в свое время столь же знаменитою, как ныне Рашель, старуха Жорж, которой, как мы говорили в прошлом месяце, дана привилегия принимать на сохранение палки посетителей будущей парижской выставки, не довольствуясь этим доходным правом, вздумала опять явиться на сцене, которую уж давно покинула. Публика встретила ее очень вежливо, аплодировала ей из уважения к прежним ее заслугам и еще более из сожаления; но, вероятно, Жорж сама убедилась, что время сценической деятельности уж прошло для нее. Пьеса, в которой она явилась, носит свирепое заглавие — *Chambre ardente* *. Еще более свирепо заглавие оперы молодого композитора Гуно

* Жгучая комната. — Ред.

(Gounot), которую парижские музыкальные критики очень хвалят, как залог будущих гениальных произведений. Опера эта называется *la Nonne sanglante* *. Предполагая, что слова эти достаточно характеризуют содержание либретто, не будем его рассказывать; но мы рассказали бы содержание новой пьесы Жоржа Занда, *Flaminio*, которая имела в Париже замечательный успех, если б не думали, что очень многие из наших читателей помнят еще повесть Жоржа Занда «Теверино», которая несколько лет назад была переведена в нашем журнале — «*Flaminio*», переделка Теверино². Особенно хвалят журналы новое лицо, которым заменен в пьесе старик — патер повести, лицо мисс Барбары, резонерки и вместе мечтательницы, сестры и компаньонки той леди, которая влюбляется в Теверино, или Фламинио. Этим ограничиваются парижские новости за прошедший месяц, если не считать новостями утомительных по своему однообразию и безотчетному восторженному тону толков о парижских перестройках. Булонский лес или парк, подобно многим улицам, переделывавшийся заново, скоро будет приведен в окончательное устройство. Много смеялись парижане над его «великолепными озерами», в которых не было воды; теперь по крайней мере одно из них наполнилось водою; к большому великолепию, даже перевезено в это озеро из какого-то большого садка множество рыбы, на которую позволяет смотреть любопытным зрителям. Рыба действительно живая и даже плавает. Парижане очень радуются этому. Булонский лес улучшается, дурно или хорошо, но улучшается. Зато парижане грустят, что испорчено другое любимое гулянье их — Елисейские поля. Дворец всемирной выставки, об удивительной величественности и изяществе которого столько кричали, пока он еще скрывался за подмостками, теперь уж может быть оценен по достоинству, и читатели увидят, как судят о его красоте люди с изящным вкусом. Эта неудачная, но огромная постройка наполовину разрушила прекрасный парк Елисейских полей. Вот мнение, на которое мы сейчас ссылались.

«Выбор местности для построения дворца всемирной выставки чрезвычайно неудачен, потому что влечет за собою погибель великолепнейшего парижского гулянья — Елисейских полей. Сент-Онорé стесняет их с севера; единственная открытая сторона Елисейских полей была южная, представлявшая прекрасную перспективу на Сену и здания противоположного берега. Новый дворец разрушает и этот единственный вид; место гулянья загромождено и превращается из обширного парка в ничтожный бульвар. В Лондоне согласились на постройку Кристального дворца в Гайд-Парке только потому, что это здание предназначалось быть временным. И когда потом нашлись желающие сохранить его навсегда в Гайд-Парке, правительство не уважило их просьбы, противной удобствам лондонского населения. Дворец лондонской вы-

* Окровавленная монахиня. — *Ред.*

ставки создал особенный род архитектуры для построек подобного рода. В парижском дворце хотели воспользоваться Пакстоновым изобретением, но в то же время улучшить его, и сделали нечто несколько не красивое и не удобное. Англичане удовольствовались построением временной стеклянной палатки — переносного здания, которое легко было передвинуть из центра города в его окрестности. В Париже захотели построить вечное, монументальное каменное здание. В оправдание такому намерению говорили, что публика и газеты давно уж требовали, чтоб для выставок французской промышленности, бывающих в Париже через каждые пять лет, было построено постоянное помещение, которое бы избавило от необходимости строить и потом разрушать особенные балаганы для каждого раза. Но, требуя такого здания, имели в виду выставки французской промышленности, дворец которых ограничивался умеренными размерами, возможными в городе. Тогда еще не мечтали о всемирных выставках. Бывшая в Лондоне показала, каких огромных пространств требуют подобные учреждения. Размеры Гайд-Паркского дворца достаточно обнаружили невозможность сохранять столь гигантские здания в городе. Этим простым уроком не хотели воспользоваться в Париже и принялись строить вечное здание. Что ж оказалось? Огромный парижский дворец, «в котором могут свободно поместиться 20 000 зрителей», признан теперь слишком малым. Понадобилось делать пристройки. Пристройки эти временные и будут разрушены по закрытии выставки, а между тем, для гармонии с главным зданием, необходимо делать их также из кирпича. И какая несообразность! Одна часть здания временная, другая — останется навсегда. Трудно объяснить даже возможность такого промаха; вместимость лондонского дворца была известна; очень легко было сообразить, какого пространства потребует парижская выставка. Если даже не хотели чрезмерно увеличивать площади, занимаемой дворцом, чтоб он мог поместиться в Елисейских полях, очень легко было увеличить вдвое, втрое вместимость его, увеличив высоту здания и сделав умеренной ширины галлерей в несколько рядов; единственная нынешняя галлерей, будучи слишком широка, делает мрачными находящиеся под нею колоннады. Сделав так, как теперь устроены галлерей в Сейденгэме, избежали бы неприятного раздробления выставки по различным зданиям. Во всяком случае, каков бы ни был план здания, он должен быть плодом одной обдуманной мысли; теперь оно обременено дополнениями и видоизменениями.

Недостаток предусмотрительности, гениального единства, обнаруживающийся в плане здания, неприятно поражает и в его материальном исполнении. Постройка не была еще dokonчена, как некоторые части уж грозили падением. Надобно было укреплять стены контрфорсами; главный свод также понадобилось подпи- рать новыми подставками. Из последнего обстоятельства не должно, однакож, заключать, чтоб непрочность свода происхо- дила от чрезвычайной легкости: парижский свод, пропорцио-

нально, гораздо тяжелее сейденгэмского: на кровлю парижского дворца, в полтора раза меньшую, пошло железа и чугуна почти столько же, сколько на кровлю лондонского. Между тем не догадались сделать стеклянную кровлю двойною, что было бы очень полезно для зимнего времени. Хотели, чтоб свод дворца был удивительнейшим, громаднейшим произведением усовершенствованной архитектуры, и не успели этого достичь, потому что в Москве уж давно построен экзерциц-гауз, не уступающий шириною новому парижскому дворцу. Железные кровли допускают размеры, гораздо более грандиозные. Переходя от железной кровли к каменному фасаду дворца, не можем похвалить ни чистоты его стиля, ни строгой пропорциональности частей. Перистили подьездов подавляют самое здание; огромные триумфальные ворота несоразмерны зданию. Окружающие дворец деревья не позволяют видеть его ансамбля, отнимают всякую перспективу. Все эти недостатки и неудобства необходимо приводят нас к заключению, что Елисейские поля, с своими закрывающими здание деревьями, вовсе не место для монументальной постройки, которая должна была составлять славу новейшей архитектуры. Эта местность, выгодная по многим отношениям для выставки, допускала только временное здание, которому исключительное употребление железа и стекла позволяло бы достичь громаднейших размеров. Система, принятая для дворца, смешивающая два различные архитектурные рода, каменный и железно-стеклянный, с одной стороны, повредила смелости и единству здания, с другой — вовлекла в бесполезные расходы».

В Лондоне нового еще меньше, нежели в Париже. Общество недавно еще возвратилось в город из деревень и путешествий; сезон еще не начинался или едва начинается. Продолжают восхищаться испанскою танцовщицею Переа Нена и трупною, которую она привезла с собою. Но это уж не новость. Журналы жалуются на новые распоряжения о плате за пересылку их по почте — для нас это неинтересно; продолжают осуждать новый закон, установивший, к большому неудобству народа, чтоб трактиры и пивные лавочки по воскресеньям запирались очень рано — мы об этом уж говорили; появились две или три пьесы, завязка которых основана на этом законе; но особенного остроумия в этих пьесах не заметно; вообще театры продолжают существовать водевилями, переделанными с французского; интересность таких водевилей известна нам по опыту. Скажем, к слову, о театрах, что умер знаменитый английский актер Кембль (Kemble); он уж давно, впрочем, сошел со сцены, украшением которой был более пятидесяти лет, и умер на семьдесят девятом году; в последние годы он страдал глухотою, но сохранил до самой смерти всю живость и силу ума. В октябре и ноябре были в нескольких десятках, если не сотнях, английских городов и местечек конские скачки; но замечательного при этом было только то, что какая-то знаменитая лошадь скакала очень дурно, за что хозяин и подверг ее продаже с аукциона. Читатели, вероятно, не будут требовать, чтоб мы справлялись об

имени этой лошади: нам кажется, что в нем нет решительно никакой необходимости. Заметим кстати, что мода на конские скачки сильно развивается и между элегантным парижским обществом. Недавно в Лоншане (Longchamps), близ Парижа, устроен превосходный бег или, как любители называют его для большей торжественности, ипподром, и фешенебельные парижане горячо рассуждают о лоншанских скачках. Возвратимся, однако, к английским джентльменам и скажем, что в ноябре они занимались восхитительнейшею для них забавою — охотою за лисицами или, вернее переводя и справедливее выражаясь, за лисицею, потому что во всем Великобританском королевстве едва ли отыщется более одной лисицы, и за этою-то злосчастною представительницею породы с восхищением гоняются по всем углам Англии, Шотландии, Ирландии и Великого княжества Валлийского тысячи сановитых джентльменов с десятками тысяч собак. В самом деле, страсть англичан к звериной охоте, при совершенном недостатке в Англии зверей, за которыми было бы можно охотиться, чрезвычайно забавна. Но они каждую осень предаются любимому своему занятию с большим жаром и еще с большею флегмою.

Но ни в Англии, ни во Франции не было в течение последних месяцев столь интересного зрелища, какое недавно устроилось в Спрингфильде, не очень значительном городе области Огейо в Соединенных Штатах.

Североамериканцы придумали чрезвычайно оригинальное средство, чтоб привлечь общественное внимание на важное дело воспитания малюток. Они устроили «Национальный конгресс малюток», National Baby Convention, в Спрингфильде; тут заботливейшие методы воспитания должны были несомненно обнаружиться здоровьем и свежестью воспитанников. «Американские матери, — говорят журналы, описывая эту выставку нового рода, — приняли предложение, и в назначенный день, в Спрингфильде, под огромною палаткою, собралось большое число женщин с малютками на руках. В одиннадцать часов стечение зрителей было так многочисленно, что палатку должны были оградить от напора толпы протянутыми веревками. Вслед за тем общество, занимавшееся устройством этого дела, выбрало из среды своих членов комиссию присяжных, которая должна была осмотреть малюток и присудить награды. Комиссия состояла из девяти дам и шести мужчин. Палатка, вмещавшая конкурентов, представляла чрезвычайно оригинальную и занимательную картину. Сто двадцать семь малюток, свежих, здоровых, миловидных, были принесены на состязание. Они стеклись со всех концов Соединенных Штатов, от Массачусетса до Луизианы. Кончив обозрение, комиссия удалась для совещания о наградах, а матери и кормилицы конкурентов, с своими питомцами, отправились в Floral-Hall *, сопровождаемые любопытною толпою, с нетерпением ждав-

* Цветочный павильон. — *Ред.*

шею присуждения премий; но совещание комиссии было продолжительно; только к шести часам приготовлен был рапорт и назначены награды.

Первая — прекрасный серебряный сервиз — малютке дочери Виллиама Ромпера из Вьенны, в графстве Клеркском, десяти месяцев от роду.

Вторая награда — также серебряный сервиз — сыну Уильяма Мэк-Долля из Фультона, в графстве Гамильтонском.

Третья награда — также серебряный сервиз — дочери М. А. Конна, из Филадельфии».

После первого конгресса малюток в Спрингфильде, близ Цинциннати, назначаются уж другие подобные выставки, и по всей вероятности обычай этот укоренится в Соединенных Штатах.

Из Огейо и Спрингфильда перенесемся на север Америки и сообщим предположения, высказанные учеными относительно достоверности новейших сведений о судьбе Франклина.

В прошедшем месяце передали мы читателям рассказ о гибели спутников Франклина, сообщенный доктору Ри эскимосами; Ри, как мы говорили, теперь уж возвратился в Англию и привез вещи, принадлежавшие офицерам, участвовавшим в экспедиции; они выставлены в лондонском адмиралтействе и признаны действительно принадлежавшими Франклину и его спутникам. Повидимому, не остается места никаким сомнениям в достоверности эскимосского рассказа. Но «The Athenaeum» все еще хочет сомневаться — основательны ли его возражения, представляем судить читателям. Вот извлечение из статьи английского журнала:

«Воображению нравятся чудесные рассказы. Как бы ни были неправдоподобны вести, нужно только, чтоб в них была поразительность и драматичность, они могут рассчитывать на верный успех. Доктор Ри неожиданно возвращается в Англию с объявлением, что нашел несколько вещей, принадлежавших Франклину и его спутникам. Он говорит, что встретил в Пеллийском заливе эскимосов, у которых увидел часы, серебряные ложки, телескопы и другие вещи с именами и гербами офицеров, бывших на кораблях «Егебус» и «Теггог». Объяснение эскимосов, как попали им в руки эти вещи, состояло в следующем: весною 1850 года около сорока человек из франклинова экипажа были встречены эскимосами (не теми, которые рассказывали доктору Ри, а другими) на льду близ северного берега Земли короля Вильгельма. Они шли на юг и тащили за собою шлюпку. Они объяснили эскимосам, что корабли их были раздавлены льдами. Потом эскимосы нашли место, где остановились белые люди, но застали их уж умершими. Этим рассказом объясняли эскимосы доктору Ри то, как успели они приобрести часы, ложки и другие вещи. Спрашиваем всякого, знакомого с характером эскимосов и полярными странами: правдоподобна ли эта история? Нам она кажется невероятною. Может быть, сэр Джон Франклин и его спутники погибли; мы не смеем надеяться, что они не погибли. Но свидетельство эскимосов не из-

меняет существенно наших прежних предположений. Все, знающие эскимосов, знают, что в них нет чувства правдивости; как все дикари, они агут при каждом удобном случае, потому их слова, если не опираются на факты, ничего не значат. Мы внимательно рассматривали вещи, привезенные доктором Ри: они принадлежали Франклину и его спутникам — это несомненно. Но как они достались в руки эскимосам — мы не знаем, не полагаясь на их собственный рассказ. Самое правдоподобное предположение то, что корабли «Erebus» и «Terror», оставленные экипажами, были найдены и ограблены эскимосами. Невероятно, чтоб партия, отправившаяся отыскивать дорогу, идущая в путь по льду более нежели на тысячу верст, стала обременять себя столькими ненужными вещами. Если же эскимосы ограбили корабли, покинутые среди льдов, то им было очень натурально не только умолчать об этом, но и придумать сказку, чтоб скрыть истину. Не смеем надеяться, чтоб из экспедиции сэра Джона оставался кто-нибудь в живых, хотя, с другой стороны, думаем, что англичане, снабженные хорошою одеждою и съестными припасами, не могли умереть с холоду в странах, доступных для других живых существ. Нет сомнения, что открытия доктора Ри придают новый интерес ужасной загадке о судьбе Франклина; но мы не можем считать их окончательным объяснением всего; между тем с радостью узнали мы, что Адмиралтейство решило снарядить новую экспедицию к местам, указанным эскимосами. Она отправится, вероятно, ранее конца ноября».

Прибавим, что по последним сведениям отправляются, для окончательного исследования судьбы Франклина, две экспедиции: одна по Рыбной реке, другая по реке Мекензи.

«The Athenaeum» обыкновенно говорит о путешествиях с большим знанием дела; но его сомнения, быть может, показались бы нам преувеличенными, если б не было помещено в немецких журналах письмо известного географа Петерманна³, который также не верит правдивости рассказа эскимосов. Передаем в извлечении это письмо, представляющее интересные подробности относительно экспедиций, отправлявшихся отыскивать Франклина.

«Если эскимосы говорят правду, партия белых людей, ими встреченная, шла по тем самым берегам, которые исследовать должна была экспедиция капитана Росса⁴, и в одно время с этою экспедициею. Но, к несчастью, Росс, не видя никакого следа отыскиваемых путешественников, решился воротиться назад, пройдя только половину пролива, который должен был обозреть; продолжая свой путь, он непременно встретился бы с «толпою белых людей», если только известия, сообщенные доктором Ри, справедливы. Согласившись с мнением Росса, что Франклин ни в каком случае не мог быть в тех местах, не посылали туда более экспедиций, и все поиски направлялись потом на запад и север от истинного пути. Только леди Франклин продолжала считать необходимым, чтоб берега Земли короля Вильгельма были вполне исследованы. В 1850 и 1851 годах были даже отправлены с этою

целью две экспедиции, по настоятельному желанию и на счет лэди Франклин. К сожалению, обе они принуждены были возвратиться, подобно Россу, пройдя только половину пролива.

Что касается сведений, сообщаемых доктором Ри, вещи, им привезенные, несомненно доказывают, что в рассказе эскимосов должна быть хотя некоторая часть правды; но полагаться на их слова мы не можем, хорошо зная эскимосский характер. Во всяком случае, многое остается непонятным и неправдоподобным. Если 6 корабли погибли у Земли короля Вильгельма, непонятно, почему экипажи пошли не на Север, к Ланкастерскому проливу, посещаемому китоловными судами (так спасся в 1832 году капитан Росс), а на юг, где не могли найти никакой помощи. Все это многие из участвовавших в экспедиции знали по собственному опыту. Если они терпели нужду в съестных припасах, странно, почему не пошли они к Fugu-Bay, лежащей недалеко — они знали, что Росс в 1833 году оставил там съестные припасы, знали также, что найдут их неиспортившимися и нерасхищенными, как и нашла их экспедиция Белло⁵ в 1851 году. Невероятно также, чтоб из 138 человек, составлявших экспедицию, снабженных оружием, компасами и пр., ни один не мог достигнуть поселений Гудсонова залива. Но, с другой стороны, должно припомнить, что одна прежняя экспедиция около этих мест встретила эскимосов, которые признавались, что убили белого человека. Итак, сведения, сообщенные доктором Ри, не объясняют тайны, скрывающей судьбу Франклина; они только должны дать новое направление дальнейшим поискам». Нет сомнения, что будет отправлена новая экспедиция, двадцатая в течение шести лет (1848—1854); — мы видели, что посылаются две экспедиции: таким образом, общий итог будет не двадцать, как насчитывает Петерманн, а двадцать одна. Список девятнадцати экспедиций, уж отправлявшихся для отыскания Франклина, приложенный к письму Петерманна, показывает всю огромность жертвований, принесенных в надежде спасти несчастных путешественников: экспедиции эти стоили до шести с половиною миллионов рублей серебром.

Продолжая говорить об Америке, скажем, что недавно отысканы настоящие потомки древних мексиканцев, о которых столько нелепых слухов разнеслось два года назад, когда какие-то шарлатаны привозили в Лондон двух уродцев, выдавая их за ацтеков. Потомки ацтеков не имеют, как само собою разумеется, ни остроконечных голов, ни птицеобразных лиц, которым удивлялись лондонцы, обманутые шарлатанами. Новооткрытое племя не отличается никакими неслыханными особенностями в своей организации. Испанские летописцы сохранили известие, что два мексиканские поколения, жившие близ Тегуан-Тепека, спасаясь от нападений своих врагов, улемков, ушли на юг, к озеру Никарагуа, где были радушно приняты туземцами, уступившими им место для поселения на берегах озера. На пути к озеру Никарагуа (продолжают летописцы) некоторые толпы отстали от массы

соплеменников и поселились в других местах. Новейшие писатели предполагали поэтому, что индейцы, живущие в Сан-Сальвадорской республике и известные под именем пипильцев (Pipil) — потомки этих отсталых мексиканцев. Недавно удостоверились в этом положительным образом. Лучшим доказательством их мексиканского происхождения служит то, что они вполне сохранили древние мексиканские обычаи.

В одном из прежних обозрений мы говорили, что раскопки в Ниневии и Вавилоне, производившиеся на счет французского правительства, остановлены и ученым, занимавшимся ими, велено возвратиться во Францию. Один из них, Опер (Oppert)⁶, член ученой экспедиции, которая была послана французским правительством в Месопотамию, возвратился в Париж и привез известия о трудах экспедиции. Главною задачею ее было исследование местности Вавилона, еще не изведанной до того времени ученым образом. Дело это представляло огромные трудности. Зной, лишения, неприязненные действия арабов истощили терпение спутников Опера, так что он один решился приступить к ученым работам; другие члены экспедиции занемогли и должны были покинуть негостеприимную местность. Находимые у древних писателей известия о величине Вавилона казались многим ученым невероятными. По самым точным описаниям оказывалось, что город занимал около 500 квадратных верст, то есть был в пятнадцать раз обширнее Парижа. Раскопки, произведенные Опером, удостоверили в справедливости столь громадной цифры. Вавилон действительно был квадрат, каждая сторона которого равнялась 23 верстам; но не все пространство, обнесенное стенами, было заселено: собственно город занимал не более 20 квадратных верст, то есть был вдвое менее нынешнего Парижа. На месте его теперь стоит город Гиллах, построенный из развалин Вавилона. За чертою города, но также в квадрате, образованном стенами, лежат остатки дворца, составлявшего также целый город, и Вавилонской башни. Дворец, окруженный тройною стеною, занимает пространство в семь квадратных верст; остатки висячих садов, его украшавших, ясно видны до сих пор, несмотря на все опустошения.

После археологических и географических известий сообщим несколько статистических цифр.

В одном из английских журналов мы нашли исторический очерк постепенного развития эмиграции; извлекаем из него существеннейшие цифры, не лишенные интереса.

В 1815 году число переселенцев, отправившихся из Великобритании в североамериканские английские владения, простиралось до 1 400 человек; кроме того, в Соединенные Штаты выехало до 600 человек, всего до 2 000. Число людей, отправившихся из Великобритании в Америку, увеличилось:

В 1825 году до 14 800

— 1835 — — 44 700

— 1842 — — 118 000

Около 1837 начало усиливаться переселение в Австралию и Новую Зеландию, так что число отправившихся из Великобритании в эти колонии было:

В 1837 году	5 000
— 1838 —	14 000
— 1841 —	32 600

Число всех эмигрантов, отправившихся из Великобритании, было:

В 1847 году	258 000
— 1852 —	368 000

Число переселенцев из Германии простирается до 300 000. В этих цифрах удивительнее всего огромность пропорции, в какой увеличилась эмиграция в течение последних пятнадцати или двадцати лет.

Недостаток места заставляет нас отложить до следующей книжки известия о большей части литературных новостей; приводим только небольшое извлечение из «Карманной книжки мистера Понча» (Mr. Punch's Pocket-book), альманаха или календаря, который ежегодно издается известным английским журналом «Punch»: «Свадебные обряды в Великобритании (перевод с китайского)». Великобритания — остров, лежащий на Немецком море. Жители его народ промышленный, но малообразованный. Доказательством их невежества может служить то, что они не понимают различия между животным и человеком, почему и уважают скаковую лошадь более, нежели бедного человека. Они недолговечны, особенно женщины, из которых ни одна замужняя не считает себе больше тридцати пяти лет; не успевшие выйти замуж не достигают и тридцати. Когда молодой человек влюбляется в девуцу, он начинает посещать дом ее родителей, не требуя, чтоб за его посещения старик-отец «платил ему визитами», потому что великобританцы, гордясь своим коммерческим характером, имеют обыкновение «считаться» визитами. Когда молодой человек побывает известное число раз у родителей девушки, которая нравится ему, он требует, чтоб ему показали фамильные поместья — в этом ему не отказывают, но тотчас же отец невесты требует, чтоб жених также показал ему свои поместья. Осмотр производится при свидетелях, которые аккуратно вымеряют земли. Если окажется, что у жениха меньше земли, нежели у отца невесты, молодого человека с поклонами выгоняют из дома невесты; церемонии, соблюдаемые при этом, многочисленны и деликатны. Если же оказывается, что у отца невесты менее земли, нежели у жениха, молодой человек задумчиво покачивает головой и обещает «посоветоваться с маменькою»; затем удаляется и уж не возвращается в дом невесты. Если ж случится, что земли отца и жениха равны величиною, то говорится, что «партия будет ровная», и у жениха требуют подарков для невесты. В день свадьбы, поутру, жених с одним товарищем является в дом невесты и, по окончании приготовлений, они соединяются брачною церемониею на всю жизнь неразрывными узами, как у них принято говорить. Как и все вар-

вары, великобританцы чрезвычайно легковжны и всякое пустое слово принимают за правду. Потому жених на самом деле не старается узнать характера и даже лица невесты, всегда полагая, что она добра и не румянится. Он до свадьбы даже не видит ее хорошенько, и только в многочисленном обществе позволяется ему видеть ее, раздетую и прикрашенную. Точно так же мало знает и невеста жениха в неподдельном виде. Оттого после свадьбы обыкновенно открывается, что жених и невеста ошибались друг в друге; как они оба этому дивятся, очень забавно бывает для посторонних зрителей. Таковы свадебные обычаи странного, хотя и не совершенно дикого великобританского народа».

Обращаем теперь внимание читателей на Чарльза Ливера (Lever), которого роман: *Семейство Доддов за границей* (The Dodd Family abroad) мы начинаем переводить с этой книжки «Отеч. записок»⁷. Имя Ливера, если не ошибаемся, было до сих пор совершенно у нас не известно. Предоставляем читателям, когда они вполне познакомятся с романом, определить, насколько Ливер выше или ниже других известных у нас английских романистов; но читатели, конечно, уж из первой части увидят, что Ливер — писатель, одаренный очень замечательным талантом. Неистощимое остроумие, чрезвычайно пронизательная наблюдательность, умение рисовать живые лица — все эти качества придают роману Ливера большую занимательность. Удивительная веселость и остроумие, повидимому, главные достоинства ливерова романа. Но как рельефно выставляется этими шуточными рассказами и замечаниями английская жизнь! Рассуждения старика Додда о Викинге и парламентских делах — несравненны; превосходно говорит он и о собственных делах, о своем заложенном и перезаложенном поместье, о своих экономических правилах. Так же хороши экономические наставления и супружеская строгость мистрис Додд, урожденной Мэк-Керти, которая так превосходно напоминает мужу, «кто он и кто она». Прочитав письма элегантной Мери-Анны, мы видим перед собою полную картину сердечной жизни провинциальной мисс, у которой голова отуманена романами, еще более мечтами о блестящих балах, собственной красоте и тысячах поклонников. Джемс, который так «лихо идет» по пути светского развития и житейской опытности, и вполне великосветский лорд Джордж «идеал того, как весел может быть человек, безвозвратно разорившийся», — превосходные типы. Но горемычный «К. Дж.» и мистрисс Додд — восхитительнейшие лица; они лучше всех: и Джемса и лорда Джорджа, и самой Мери-Анны. Одним словом, уж первая часть романа представляет таких живых, верных действительности людей, как будто встречающихся всякому на каждом шагу и еще никем не описанных, людей, изображенных такими резкими и вместе тонкими чертами, такую полную картину жизни и понятий семейства английского сельского джентльмена (a country gentleman), что невозможно сомневаться в огромности таланта Ливера.